

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОТКРЫТИЯ
И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**



Санкт-Петербург
1996



1996

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**NEW ARCHAEOLOGICAL
DISCOVERIES AND
THE CULTURAL TRANSFORMATION
STUDIES**

PLENARIAN MEETING PAPERS
MAY, 14-17, 1996

St.-Petersburg
1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОТКРЫТИЯ
И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНУМА ИИМК РАН
14–17 МАЯ 1996 Г.

Санкт-Петербург
1996

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 31

Редакционная коллегия:

В. М. Массон (отв. редактор),
Л. Б. Кирчо, С. В. Белецкий.

Компьютерный набор и верстка:

Н. А. Лазаревская, Л. Б. Кирчо

Печатается при поддержке Отделения истории РАН
и программы “Культурная трансформация и ранние
комплексные общества Восточной Европы”
Российского гуманитарного научного фонда

ISBN 5-201-01180-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данные археологии имеют особое значение для изучения процессов культурной трансформации. Во-первых, они позволяют охватить огромный временной промежуток и, во-вторых, открывают возможности установления определенных закономерностей на массовом материале, который образуют памятники материальной культуры. Как известно, археологическая наука, благодаря интенсивным полевым исследованиям, играющим в процессе научного познания роль опыта и эксперимента, многократно увеличивает объем имеющейся информации. Этот процесс продолжается и в 90-е гг., несмотря на определенные экономические трудности, особенно острые в странах СНГ. Альтернативой таких трудностей является усиление кооперации и координации как в рамках одной страны между различными центрами, так и в рамках мультилинейного международного сотрудничества. В пределах России это видно на примере активного развития полицентрической инфраструктуры научных изысканий, в рамках которых Институт истории материальной культуры определяет свою стратегию кооперации. Особое значение имеют связи между различными странами как проявление функционирования научного пространства. Предпосылки сохранения и развития научного пространства СНГ определяются рядом объективно действующих факторов. Такова, прежде всего, общность исторических судеб, традиции взаимодействий древних народов и культур в этом суперрегионе Евразии. Во-вторых, бесспорная общность мировоззренческих основ научных поколений, подготовленных в определенную эпоху и, в той или иной мере, сохраняющих приобретенный менталитет. И, в-третьих, это десятилетиями сложившиеся научные традиции формирования и развития научного социума.

Ежегодные успехи полевых археологических изысканий составляют базу источников для изучения культурной трансформации в самых различных ее проявлениях: в области чисто культурных традиций, технологических приоритетов или в интеллектуальной сфере. Разработке этих направлений были посвящены научные конференции, организовывавшиеся ИИМК опять-таки на основе кооперации и координации. Древнейшие палеолитические орудия, с точки зрения технологической эволюции, как правило, демонстрируют процесс спонтанной трансформации, будь это рай-

оны Восточной Африки или среднего течения Сырдарьи. На стадии финального палеолита, перерастающего в раннемезолитические комплексы, при исследовании на значительных территориях и, по мере развития экологической адаптации, на первый план выступают явления дивергенции, выявляя локальные особенности. Так, исследования петербургскими трасологами инвентаря финальнопалеолитического стойбища Сегebro (Южная Швеция) выявили яркую охотничью направленность хозяйства. Некоторые общие традиции кремневой индустрии круга Бромме проявляются как здесь, так и на стоянке Подол III на Верхней Волге, но налицо и заметные дивергентные различия. Проблемы конвергенции и дивергенции, имеющие немалое значение для памятников первобытной эпохи и проявляющиеся в самых различных сферах, в том числе и в явлениях типологической конвергенции, специально рассматривались на конференции в Саратове. Традиции настенных росписей в раннеземледельческих святилищах сложились еще в кон. VII – нач. VI тыс. до н. э. (Чатал-Хююк в Южной Турции). Культурная дивергенция со временем привела к формированию на Ближнем Востоке ряда центров развития раннеземледельческих обществ. На первых этапах в них доминирует стимулированная трансформация, а затем ее сменяет трансформация спонтанная. Это лишний раз демонстрирует своеобразие стиля и сюжета росписи в раннеэнеолитическом святилище Илгынлы-депе, открытой в 1995 г. в Южном Туркменистане. По существу, сочетание явлений спонтанной и стимулированной трансформации характерно и для эпохи ранних кочевников, проявляясь на памятниках от Южной Сибири до Приднестровья. Весьма важны явления идеологической трансформации, затрагивающие такую сторону общественного развития как интеллектуальная жизнь. Здесь мощным фактором трансформации становились устойчивые идеологические комплексы, яркий пример чего – христианизация Восточной Европы. Мощное воздействие соответствующих идеологических стереотипов видно на примере находок объектов бесспорно буддийского характера в среде урбанизированной согдийской культуры (отличавшейся веротерпимостью, но отдававшей предпочтение зороастрийской доминанте). Определенный этап первичной информации о новых открытиях и некоторых аспектах их интерпретации представлен в материалах настоящего издания.

В. М. Массон

И. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ИИМК РАН В 1995 Г.

З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева ИССЛЕДОВАНИЕ ЮДИНОВСКОЙ СТОЯНКИ

Палеолитическая экспедиция ИИМК РАН в 1995 г. продолжала изучение стоянки Юдиново в Погарском р-не Брянской обл., благодаря финансовой поддержке РГНФ. Работы проводились в музейном павильоне и за его пределами с целью выявления структуры поселения, обнаружения новых конструктивных элементов, сохранения и консервации жилищ из костей мамонта.

В музейном павильоне вся площадь (150 м²) очищена от водорослей и микроорганизмов. Кости, из которых построены жилища, обработаны антисептическими и консервирующими средствами. Разобрана часть разрушающихся костей в зольной яме.

За пределами музейного павильона продолжено исследование поселения. Сделана двухметровая прирезка по всей ширине раскопа 1988–90 гг. на 24 м². Расчищено скопление костей на глуб. 2,5 м от дневной поверхности (законсервировано в 1990 г.). Открыты новые скопления из нескольких групп костей, являющиеся, вероятно, продолжением обнаруженного ранее скопления. Одно из них, западное, дл. 0,8 м, включает 2 челюсти мамонта, тазовую кость, позвонки, обломки лопатки, ребер и трубчатых костей. На одной линии с ними, в 0,4 м, находятся 2 черепа мамонтов, к которым примыкает группа костей, уложенных полукругом: тазовые кости, части позвоночника, лопатка, челюсть мамонта и череп овцебыка (?). Длина скопления костей, примыкающего к черепамам мамонтов, 2,3 м. Определенная преднамеренность и закономерность размещения костей не вызывает сомнения. Это, видимо, остатки костяного ограждения. Часть костей уходит в С стенку раскопа в 3 м от стены музейного павильона, что делает невозможным дальнейшее исследование скопления в этом направлении.

На СВ участке раскопа, в верхней части культурного слоя, на 0,20–0,25 м выше скоплений костей, обнаружен череп мамонта, около которого находились 3 челюсти песцов, а к ЮЗ от него – челюсть детеныша мамонта. Севернее черепа мамонта выявлено

много кремней и пластинок из бивня, а также молоток из рога северного оленя. Возможно, это место, где проводилось расщепление кремня и обработка кремневых изделий.

Южнее и юго-восточнее скоплений костей располагалась зольная линза (мощн. 10–13 – 29–30 см). Местами она была разорвана трещинами и размыта. Проследить какой-либо порядок в размещении костей, кремневых и костяных изделий в заполнении линзы невозможно. Важно выяснить ее происхождение, поскольку она занимает довольно обширную площадь (более 40 м²) уже исследованного участка поселения. Линза насыщена мелкими обломками костей, сохранность которых значительно хуже, чем в скоплениях, однако, находками каменных и костяных изделий заполнение зольной линзы значительно богаче.

На исследованном участке собрано много расщепленного кремня, в т. ч. орудий. Преобладают резцы (представлены все типы), много боковых и двойных резцов. Скребок почти в 5 раз меньше, двойные и полукруглые скребки единичны. Ретушированные пластины и пластинки составляют серию. Комбинированные формы, острия, долотовидные орудия, отбойники немногочисленны.

Богатство и разнообразие изделий из бивня и кости выделяют Юдиновскую стоянку среди деснинских памятников. Вновь получена выразительная коллекция костяных предметов, среди них – бивни со следами резания и расчленения, многочисленные пластины и пластинки. Из законченных изделий представлены орудия охоты: наконечники копий и дротиков, стержни, стрелы. В группу повседневных орудий труда входят: шилья из костей песка, иглы, мотыги из ребер и бивня, кинжаловидное орудие, орнаментированный молоток из рога. Многочисленны украшения: бусы, подвески, “фибулы”, диадемы, “брошка” или пряжка, пластины с прочерченными линиями на поверхности.

К произведениям искусства относится гравировка на обломке плоской кости (лопатке или тазовой) с тремя фигурами. Они изображены одна за другой и как бы соединены поперечной линией-линиями, проходящими от нижнего изображения к верхнему. Центральная фигура напоминает “птицу”, маленькая головка которой, заканчивающаяся острым клювом, плавно переходит в туловище. Пучком тонких линий “птица” разделена на две части, а возможно, таким образом изображены крылья (?).

Неотъемлемой частью Юдиновской стоянки является ромбовидный орнамент, которым украшены многие костяные изделия: наконечники, стержни, стрелы, “фибула”, молотки из рога, обломки и пластины бивня, рёбра, трубчатые кости. Многообразие приемов обработки бивня и кости свидетельствует о высоком косторезном мастерстве в Юдиново. В 1995 г. на стоянке впервые обнаружены: кремневое острие, напоминающее по форме острокопечник, обломок мотыги из бивня мамонта, кинжаловидное орудие, молоток из рога, вся поверхность которого украшена шевронами, “брошка” или пряжка, орнаментированная также шевронами с одной стороны, пластины с овальными вырезами по продольным краям и гравировка на плоской кости.

Полученные в 1995 г. находки являются еще одним доказательством связи юдиновских охотников на мамонтов с носителями мадленской культуры Центральной и Западной Европы.

В. Е. Щелинский

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Первые сведения о верхнем палеолите Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа появились одновременно с открытием палеолита в этом регионе. Речь идет о стоянках, обнаруженных в 30-е гг. С. Н. Замятниным в пещерах Сочи–Адлерского карстового района – в Навалишенской на р. Кудепсте и Ахштырской на р. Мзымте (Замятнин 1961). Однако скудость данных об отложениях с верхнепалеолитическими материалами и неразработанность типологии каменных изделий не позволили тогда уточнить возраст и культурную атрибутику памятников. Как мы знаем теперь, верхнепалеолитические слои в названных пещерах залегают поверх отложений, содержащих культурные остатки позднего мустье. Причем, как свидетельствует литология отложений, верхний палеолит следует за мустье, по-видимому, с не очень большим перерывом. И среднепалеолитические, и верхнепалеолитические слои насыщены обломочным материалом и формировались в близких условиях в целом довольно холодного климата. Правда, в Ахштыре мустьерский слой, подстилающий верхнепалеолитический, заметно более глинистый.

В Навалишенской пещ. в верхнепалеолитическом культурном слое обнаружено довольно значительное количество костей животных: лося, козла, крупного хищника и, особенно, пещерного медведя. Несомненно, это были местные животные горного района, охота на которых не требовала усилий больших коллективов охотников. В слое выявлены несколько угольных пятен. Вокруг наиболее крупного из них, по наблюдениям С. Н. Замятнина, концентрировалось значительное количество костных остатков животных. Каменный инвентарь из культурного слоя немногочислен. Он имеет выраженный пластинчатый характер. При этом представлены пластины разных размеров, в т. ч., крупные. Изготавливали и пластинки. Единичные нуклеусы в коллекции – уплощенные одноплощадочные с подработкой по краям, для крупных и средних пластин. Нуклеусами для пластинок могли быть некоторые изделия с резцовыми сколами. Наиболее интересной категорией изделий со вторичной обработкой являются пластины с ретушью почти по всему периметру (ориньякские пластины). Есть единичные пластины с противоположными выемками на краях, концевые скребки на сколах с ретушированными и неретушированными краями, резцевидные изделия, выемчатые орудия на отщепках. Встречены пластины с почти прямым отретушированным лезвием на конце. Микроизделия представлены единичными узкими фрагментированными пластинками с билатеральной ретушью. По мнению автора раскопок, Навалишенская пещ. в верхнем палеолите и в мустье, не была местом постоянного поселения, а служила лишь сезонной стоянкой. Раскопки пещеры уже в наше время несколько дополняют характеристику ее верхнепалеолитического комплекса. Обнаружены, в частности, призматический нуклеус с одной сильно скошенной к тыльной стороне ударной площадкой, единичные узкие фрагментированные пластинки с ретушью не только по обоим, но и по одному краю и, что особенно показательно, фрагменты 2 костяных наконечников копий с овальным поперечным сечением (Любин, Щелинский 1967).

Верхнепалеолитический комплекс Ахштырской пещ. также невелик. Среди костных остатков, как и в Навалишенской пещ., преобладают пещерный медведь, хотя имеются остатки лисицы, куницы, благородного оленя, лося, косули, муфлона, дикой козы, кабана, зубра и птиц. В культурном слое зафиксированы угольные пятна и отмечается, что находки концентрировались пятнами

(Замятин 1961). Каменный инвентарь этого комплекса в типологическом отношении не совсем такой же, как инвентарь Навалишенской пещ., хотя между ними имеется сходство. Ахштырский комплекс по технике расщепления камня тоже пластинчатый. Многие пластины крупные. Нуклеусы единичные, призматические. Вместе с тем хорошо выражены торцовые нуклеусы на сколах (многофасеточные резцы), служившие для скалывания пластинок. В составе изделий со вторичной обработкой обращают на себя внимание асимметричные острия с ретушированным изогнутым краем (ножи шательперрон), скребки округлых очертаний, а также пластины с ретушью на дистальном конце. Последующими раскопками в пещере коллекция верхнепалеолитических изделий была несколько пополнена (Паничкина, Векилова 1962). Новыми типами оказались единичные пластинки с притупленным краем и листовидное микроострие типа Фон Ив.

Таким образом, обе пещерные верхнепалеолитические стоянки, по-видимому, близки по времени (верхневюрмское время до максимального похолодания?), относятся к одному функциональному типу (кратковременные охотничьи стоянки) и несколько различаются по технико-типологическим признакам инвентаря. Однако при этом инвентарь и той, и другой стоянки имеет довольно выраженный ориньякоидный характер.

В том же карстовом районе, на берегу р. Сочи, в 40-е гг. была открыта Ацинская пещ., исследованная затем Д. А. Крайновым и Н. О. Бадером, в которой также были установлены культурные остатки верхнего палеолита. К сожалению, материалы пещеры не опубликованы и о них известно очень мало. По мнению Н. О. Бадера, в составе инвентаре пещеры имеются наконечники с боковой выемкой и разнообразные острия, которые находят близкие аналогии в Гварджилас-кльде в Западной Грузии (1984). Учитывая это, можно предположить, что верхнепалеолитические материалы Ацинской пещ. относятся уже к финальному палеолиту и иной, имеретинской верхнепалеолитической культурной традиции.

Ацинская пещ. находится на границе зоны распространения древнего карста. К северу от нее нет хорошо сохранившихся пещер с плейстоценовыми отложениями. На обширной территории Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа, протянувшейся от Сочи до Анапы, из-за отсутствия пещерных убежищ палеолитические люди могли селиться, главным образом, под от-

крытым небом на поверхности речных и морских террас. Однако палеолитические стоянки здесь долгое время не находили, хотя еще в 30-е гг. С. Н. Замятниным были собраны единичные каменные изделия мустьерского облика, например, у г. Туапсе. Сейчас положение изменилось и на этом участке побережья, в результате многолетних целенаправленных поисков, выявлен целый ряд местонахождений нижнего, среднего и верхнего палеолита (Щелинский 1971; 1983; 1986; 1987; 1993; Щелинский, Гагашьян 1980). Среди верхнепалеолитических местонахождений наиболее интересны два: Нижняя Пластунка и Широкий Мыс.

Местонахождение Нижняя Пластунка находится на территории одноименного села на лев. бер. р. Сочи в 8–10 км от Ацинской пещ. и 6 км от моря (Щелинский 1986). На местонахождении проведены лишь предварительные раскопки (6 м²). Тем не менее они многое прояснили. Археологический материал верхнего палеолита обнаружен в глинистых пойменных отложениях хорошо развитой 2-й надпойменной террасы, имеющей здесь, из-за активной неотектоники района, довольно высокие относительные отметки – 30–35 м. Аллювий этой террасы многие геологи относят сейчас к среднему вьюрму и связывают, в частности, с тарханкутской (сурожской) трансгрессией моря, которая была в интервале 24–34 тыс. л. н. (Куприн, Сорокин 1982; Чепалыга и др. 1984). Культурный слой на местонахождении не выражен и культурные остатки (сохранились только кремневые изделия) еще в древности были слегка размыты паводковыми водами. Они образуют 2 горизонта находок, приуроченных к двум смежным полуметровым слоям плотной глины с примесью мелких галек и гравия. Чуть ниже по разрезу почти такая же глина постепенно сливается с русловыми галечниками террасы. Глина, содержащая верхнепалеолитические остатки, сверху срезана эрозией и перекрывается тремя литологическими слоями голоценовых отложений. Уже сейчас возможна предварительная геологическая датировка местонахождения. Верхнепалеолитические комплексы его формировались, как можно думать, в условиях теплого климата, возможно, в конце периода, соответствующего европейскому межстадиалу наудорф.

Археологический материал из раскопок местонахождения пока небольшой, но довольно показательный. В целом он характерен для кратковременных охотничьих стоянок. Из верхнего горизонта (коричневая глина) происходят 56 изд. (2 изд. обожжены), изго-

товленных из местного желвачного, в основном розовато-коричневого, кремня. Они указывают на развитую пластинчатую технику расщепления камня. Имеются как пластины, так и правильные пластинки. Изготовление и расщепление нуклеусов производилось на стоянке. Среди изделий со вторичной обработкой обращают на себя внимание скребок с носиком на массивном отщепе, тесловидное орудие с боковыми выемками и фрагменты пластинок с ретушью на одном и обоих краях. Встречены единичные выемчатые и зубчатые орудия на пластинах. Во 2-ом горизонте (желто-коричневая глина) – 35 кремневых изделий (кремень тот же). Изделий со вторичной обработкой практически нет. Выделяются правильные пластины и пластинки, а также довольно сработанные нуклеусы для пластинок: торцовый на отщепе и призматический треугольный со смещенной к торцу поверхностью скалывания.

Типологический облик инвентаря местонахождения Нижняя Пластунка пока не совсем ясен. Однако примечательно сочетание в нем типично ориньякских черт с простыми микроизделиями на сечениях пластинок.

При всей значимости названных стоянок, нынешнее представление о верхнем палеолите побережья во многом определяется анализом материалов местонахождения Широкий Мыс, открытого неподалеку от Туапсе еще в 1966 г. (Щелинский 1971). Изучению его в последнее время уделялось особое внимание. Местонахождение является остатками крупного и, скорее всего, долговременного поселения. Уже само расположение местонахождения в какой-то мере указывает на его приблизительный возраст. Памятник находится на морском берегу и занимает центральную часть выступающего в море мыса, давшего название местонахождению. Археологический материал прослежен на весьма значительной площади (ок. 7,5 га) в пределах широкой выровненной поверхности берегового склона выс. ок. 40 м. С двух сторон местонахождение ограничено глубокими проточными балками, впадающими в море. Крупной реки и степных пространств, которые могли быть охотничьими угодьями для большого коллектива верхнепалеолитических охотников, поблизости нет. Это наводит на мысль, что рассматриваемое поселение существовало в то время, когда Черное море имело низкий уровень и далеко отступало от современной береговой линии. Речь идет об известном новозвксинском бассейне позднего вюрма. По берегам этого замкнутого и сильно опреснен-

ного бассейна протягивалась обширная приморская равнина, которая, по всей вероятности, и была местом охоты широкомысловских охотников. Более точная датировка местонахождения пока затруднена. По данным бурения, в пределах местонахождения имеются субкавальные осадки двух прислоненных одна к другой морских террас среднего плейстоцена. Они маскируются мощным шлейфом склоновых отложений (до 15 м), содержащих четыре погребенных коры выветривания. В самой верхней из них карангатского (рисс-вюрмского) возраста найдены единичные каменные изделия позднего ашеля. Верхнепалеолитический материал связан с нижней половиной слоя желтого делювиального суглинка, налегающего с разрывом на красноцветные глинистые отложения ашеля. Представлены лишь многочисленные каменные изделия, образующие горизонт залегания находок мощн. 10–30 см, ничем не выделяющийся в разрезе. Культурные остатки еще в древности испытали переотложение в результате активных процессов плоскостного смыва, хотя в целом оно было незначительным. Перемещение изделий происходило при жизни людей на поселении и культурные остатки сохранялись в пределах одного формировавшегося литологического слоя. Возможно, это свидетельствует о сыром климате в преддверии максимального похолодания.

Археологический комплекс местонахождения в настоящее время насчитывает 30000 каменных изделий, изготовленных из хорошего красно-розового, серого и оранжевого кремня, окремненных разновидностей зеленовато-серого мергеля, алевролита и, изредка, из обсидиана. Кремень и обсидиан явно приносились издалека. Коллекция не только многочисленная, но и типологически четко выраженная. Много нуклеусов, изделий со вторичной обработкой – ок. 11%. Наиболее характерные признаки комплекса:

- нуклеусы призматические (односторонние) для пластин и пластинок с сильно выпуклой поверхностью скалывания, часто смещенной к торцу изделиям есть плоские нуклеусы с краевой оббивкой поверхности скалывания;
- широкое использование пластин и пластинок в качестве орудий и заготовок для орудий;
- среди орудий большое количество пластин, пластинок и отщепов с ретушью; выделяются крупные пластины с ретушью по периметру (ориньякские пластины), пластины с перехватом;

- скребки разнообразные и их больше, чем резцов: имеются скребки карене, с носиком, типа рабо, с ретушью по бокам;
- многочисленна микролитовидная часть инвентаря (микроострия и пластинки с ретушью);
- ряд микроострий близок остриям Фон Ив: имеется изделие на подобие острия Фон Ребер;
- среди пластинок (фрагментов) с ретушью преобладают изделия с полукрутой и крутой билатеральной ретушью; пластинки с вертикальной притупляющей ретушью единичны;
- пластинок с усеченным концом (прямым, выгуклым, скошенным) немного;
- геометрические микролиты отсутствуют.

Налицо органическое сочетание в материалах Широкого Мыса выраженных ориньякских и граветтийских черт каменного инвентаря. Это же мы видим и на других верхнепалеолитических стоянках побережья (Нижняя Пластунка, Навалишенская и Ахштырская пещ.). Близка на стоянках и типология ряда категорий изделий. Все это позволяет видеть в рассмотренных разновременных археологических памятниках проявления одной (широкомысовской) верхнепалеолитической культуры. В развитии этой культуры пока не прослеживаются связи с верхнепалеолитическими культурами ни Северного Кавказа, ни Имеретин в Южном Закавказье.

**Г. В. Синицына, Ю. А. Лаврушин, Г. И. Зайцева
(Санкт-Петербург, Москва)**

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ПОДОЛ III

Тверская археологическая экспедиция ИИМК РАН в 1995 г. продолжила работы на многослойном памятнике Подол III на С берегу оз. Волго у д. Ланино Селижаровского р-на Тверской обл.

Работы финансировались по программе “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации” и проведены в местах наибольшего разрушения культурного слоя. Ю. А. Лаврушин (Институт геологии РАН), изучив геолого-морфологическое строение отложений на памятнике, установил наличие генетически разнородных отложений: озерных; пролювиальных; образований, связанных с обитанием в данном месте древнего человека.

В основании раскопа вскрыта толща отложений озерного прибрежного вала, представленная желто-серыми разнозернистыми

песками (мощн. до 0,3 м) с отчетливо выраженной косо́й слоистостью, имеющей падение 8-10° в сторону озерной впадины (слой 1). Эти отложения фиксируют высокий уровень озерного водоема.

Перекрыты отложения прибрежного вала погребенной почвой (слой 2) – бурым ожелезненным песком (представляет, по существу, горизонт вмывания). Нижний ее контакт – типично почвенный – с мелкими клиновидными структурами. В верхней части отмечена концентрация известняковой щебенки. В данной стратиграфической колонке важно отметить: 1) между почвой и нижележащими озерными отложениями есть стратиграфический перерыв; 2) концентрация щебенки в кровле почвы связана с выносом материала селевым грязе-каменным потоком (пролювий), который образовал конус выноса, причленившийся к прибрежному валу со стороны коренного склона; 3) формирование почвы происходило при существенно более низком стоянии уровня воды в озерном водоеме.

На погребенной почве с резким контактом лежит толща однородного слабогумусированного грязно-желтого песка мощн. до 0,4 м (слой 3, 1-я погребенная почва). В песке встречается редкий гравий, мелкая щебенка. По типу строения не исключено, что отложения слоя 3 представляют собой материал склонового смыва. К нижней части этого слоя приурочены находки стоянки финального палеолита, инвентарь которой находит наиболее близкие аналогии в культуре лингби. В 1995 г. исследовано жилище эпохи раннего мезолита, овальное в плане (6x2,5 м) с коридорообразным входом, вытянутое по линии СЗ–ЮВ. Жилище прорезало бурую ожелезненную почву (слой 2) и было углублено в косослоистые желтые пески. В его заполнении (мощ. 30–40 см), кроме очага овальной формы (40x50 см), были найдены многочисленные отщепы, чешуйки, фрагменты скребков, нуклеусы. Из находок преобладали чешуйки. Из заполнения очажка были отобраны образцы древесного угля по которым получена ^{14}C дата – 9180 ± 75 (ЛЕ-5029) л. н. Эта дата является основополагающей для определения возраста данного жилища, так как его культурная атрибуция затруднена из-за отсутствия инвентаря. Рядом с жилищем найден наконечник свидерского типа, на соседнем квадрате – наконечник типа лингби. Возможно слой с находками типа лингби был нарушен при копке ямы под жилище в более позднее время.

Выше залегают две погребенные почвы. Нижняя из них – гумусированный коричневато-серый песок (слой 4, 2-я погребенная почва) мощн. до 0,1 м. К этой почве, как правило, приурочены находки эпохи неолита. В основном, это скребки, скребла, нуклеусы, призматические пластинки, отщепы, выполненные из темно-серого кремня (в отличие от светло-серого кремня, который являлся основным сырьем для финальнопалеолитического времени). Наконечники стрел оформлены двусторонней ретушью. Находки керамики крайне редки. Они представлены неорнаментированными мелкими фрагментами, либо украшены в накольчатой технике. Верхняя почва (слой 5, 3-я погребенная почва) – это интенсивно гумусированный песок темно-серого цвета, мощностью 0,07–0,08 м. По своему типу почва представляла собой, скорее всего, луговую, с некоторой гидроморфизацией. Слой 5 имеет прерывистый характер и прослеживается только в Ю части памятника. Находки позднего неолита большей частью связаны с этой почвой.

Данные слои перекрыты черным гумусированным песком с щебенкой, мощн. до 0,6 м (слой 6, 4-я погребенная почва) в который включены находки раннего железного века, представленные мелкими формами керамики, пряслицами, многочисленными фрагментами крупных лепных неорнаментированных сосудов.

Слой 7 (5-я погребенная почва) представлен темно-серым гумусированным песком с беспорядочно распределенной щебенкой известняка, мощн. до 0,15 м, к которому, в основном, приурочены позднесредневековые находки.

Разрез заканчивается пачкой горизонтальнослоистых песков (слой 8, мощн. до 0,5 м), соответствующих одному из высоких уровней озера 2-й пол. XIX в.

Таким образом, на памятнике Подол III в настоящее время прослеживается 5 хронологически различных культурных слоев. Наиболее древний период соответствует финальнопалеолитической стоянке; наиболее молодой – средневековой деревне. Хотя культурный слой часто нарушен, достаточно четко прослеживается связь находок с определенными литологическими слоями, которые дополнительно датируются по палинологическим данным.

Г. Ф. Коробкова, В. Е. Щелинский
ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ТРАСОЛОГОВ
В ШВЕЦИИ

(изучение материалов позднепалеолитической стоянки Сегебро
и поселения эпохи бронзы Мариехем)

В соответствии с договором о научном сотрудничестве между ИИМК РАН и Королевской Академией Наук Швеции в кон. ноября – нач. декабря 1995 г. проведено трасологическое изучение коллекции каменных изделий, хранящихся в фондах Исторического музея Университета г. Лунда и Института археологии при Университете г. Умеа. Объектом исследования явились материалы позднепалеолитической стоянки Сегебро (Segebro) и поселения эпохи бронзы Мариехем (Mariëhem, официальное название последней Raå 16). Эти работы стали первыми масштабными исследованиями коллекций, полученных с памятников на территории Швеции, программа предусматривала обработку всех материалов полностью, включая многочисленные отходы расщепления камня. Для шведских археологов особый интерес представляла новая информация о конкретных функциях каменных изделий, о наборе инструментария и через него – о конкретно-производственной деятельности населения исследуемых памятников.

Стоянка Сегебро (конец палеолита, 12000–13000 л. н.) расположена вблизи г. Мальме на юго-западе Швеции. Это единственный самый древний памятник в Швеции, давший чистый закрытый комплекс. Стоянка исследовалась в 1930-е и 1960-е гг.; по характеру инвентаря она отнесена к культуре Бромме. Основные находки – многочисленные кремневые изделия и остатки кальцинированных костей бобра, северного оленя, косули, дикого гуся. По предположению Б. Соломонссона (1964) и Л. Ларссона (1994) Сегебро можно рассматривать как обиталище небольшой группы людей, соразмерное с семьей. Зафиксированы следы жилища в виде концентрации разных артефактов. Границы скопления находок хорошо прослеживались.

По данным публикаций коллекция Сегебро содержит 2472 каменных изделия. Из 1665 проанализированных под микроскопом предметов орудия составили 242 экз. (изделия с наличием диагностирующих признаков износа). Кроме них выделены: пуклеусы с

ретушью, но без следов использования (2), пластины с ретушью и поверхностной деформацией (31), пластины с ретушью и без признаков износа (5), резцовые сколы без следов сработанности (9), отщепы с ретушью и деформированной поверхностью (47), пластины без ретуши и признаков износа (196), отщепы без ретуши и следов утилизации (551), осколки кремня без признаков употребления (9), чешуйки (386), нуклеусы и их фрагменты (187).

На изготовление орудий шел местный меловой кремень серого цвета, хорошего качества, месторождение которого расположено вблизи г. Мальме. Крупные конкреции приносили на стоянку и здесь расщепляли на заготовки. В составе инвентаря присутствует много разбитых желваков и изделий со следами начального расщепления, а также нуклеусов, их фрагментов и пренуклеусов; многочисленны отщепы разных размеров и форм, пластины с желвачной коркой, чешуйки.

Техника расщепления кремня пластинчатая. Основу всех сколов составляют крупные призматические и неправильные массивные пластины изогнутого профиля. Реже встречались средние пластины и микропластинки. Изделия с вторичной обработкой немногочисленны. В целом изученный комплекс имеет хорошую сохранность. Повреждения отдельных предметов проявляются в виде сглаженности и наличии локальной специфической заполировки от эпигенетических преобразований культурного слоя. Фиксируются следы окатанности краев, ребер и граней сколов, выломы и выкрошенность тонких лезвий.

Среди орудий выделены отбойники, ножи для мяса, пилки для дерева, кости или рога, скребки для обработки шкур; скобели для кости или рога, а также дерева; проколки для шкур; строгальные ножи для дерева; резцы и резчики для дерева и кости, рога, сверла для обработки дифференцированных материалов; орудия с двойными функциями и др. Наибольшую выборку образуют ножи для мяса (82), как бы подчеркивающие охотничью направленность хозяйства Сегебро. В производственной деятельности приоритетное положение занимала обработка дерева (40), кости и рога (27), шкур (24). Эти количественные показатели еще увеличатся, если к ним добавить нерасчлененную группу инструментов, для обработки твердого дерева, кости, рога (38).

Судя по составу набора и процентному соотношению отдельных групп орудий между собой, на стоянке осуществлялась актив-

вная хозяйственно-производственная деятельность, обусловленная доминирующим значением в хозяйстве производств по переработке продуктов охоты. Кроме того, на стоянке имелись рабочие площадки по расщеплению кремня и изготовлению орудий.

Стоянка Мариухем, исследованная в 1988–91 гг., расположена на окраине г. Умеа. Какие-либо публикации о ней, за исключением краткой информации, отсутствуют. На территории памятника зафиксированы 2 груды необработанных камней, 2 кучи обожженных, растрескавшихся камней (отходы), кухонная яма и скопление отщепов. Среди находок обнаружены кости тюленя, рыбы, козы-овцы, остатки культивированного ячменя и сорняки.

Основной набор инвентаря представлен, главным образом, кварцевыми, реже кварцитовыми изделиями, которые по сохранности и наличию следов износа оказались перспективными для трасологического анализа: к этому новому наиболее трудному сырью были применены усовершенствованные разработки методики микроанализа. Коллекция исследована полностью.

Планиграфически находки были приурочены к двум неравноценным по количеству и составу скоплениям. Первое (151 изд.) представлено высоким процентом орудий – 22,4% (в т. ч. – выделенных из отходов техники расщепления – 18,5%). Ведущим заготовками орудий служили отщепы разных форм и размеров. Помимо них использовали плитки, гальки и микропластинки. Большую часть изделий употребляли без вторичной обработки. В наборе инструментария преобладают орудия для обработки дерева (10) и камня (7). Их дополняет значительная группа, связанная с обработкой твердого дерева и кости, рога (10). Кожевенное производство представлено только двумя скребками. Среди отщепов удалось вычлнить уникальную серию специфических по своей форме и миниатюрным размерам микросверл (11), отнесенных типологически к отходам техники расщепления. Эти орудия были задействованы в обработке твердого дерева, кости и рога (9), а также камня (2). Выделена плитчатая пила для абразивных материалов (мягкого камня). Единично представлены обломок зернотерки и песта для зерна, наконечник стрелы, ручной топор со специально выделенной рукояткой, вторично использованный в функции песта для зерна. В коллекции обнаружены заготовка какого-то орудия, фрагмент с ретушью (с пришлифовкой, но без следов

употребления), нуклеусы, обломки пластин без признаков сработанности, отщепы, чешуйки, гальки, конкреции.

Второе скопление – более многочисленное (641 изд.) – выделяется спецификой набора инвентаря. Орудий всего 1,3%. Это скребки для обработки шкур (3), скобели для твердого дерева, кости и рога (2), и микросверла для дерева (2), выделенные по сохранившимся на их поверхности следам износа. Особое внимание привлекают двустороннеобработанные полуфабрикаты орудий и их обломки (8). Основную же массу находок образуют отщепы, чешуйки, аморфные обломки галек кварца, кварцита и, очень редко, кремня (625). Судя по набору инвентаря, на территории памятника производили изготовление двустороннеобработанных орудий – наконечников стрел, дротиков, копий. На это указывает и характер отходов этого вида деятельности, представленных мелкими отщепами, чешуйками, осколками.

Проведенные исследования открывают широкие возможности для сравнений археологических комплексов юга и севера Швеции конца плейстоцена – начала голоцена. Данные трасологического изучения шведских материалов имеют принципиально важное значение для рассмотрения проблем взаимосвязей между памятниками Швеции и синхронными комплексами финального палеолита – эпохи бронзы Северо-Запада России.

Н. Ф. Соловьева

ИЛГЫНЛЫНСКАЯ НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ

Начиная с 1986 г., ежегодно продолжительные и крупномасштабные работы проводятся на юге Туркменистана в предгорьях Копет-дага, где исследуется одно из крупнейших для своего времени (V–III тыс. до н. э.) поселений ирано-туркменского региона – Илгынлы-депе.

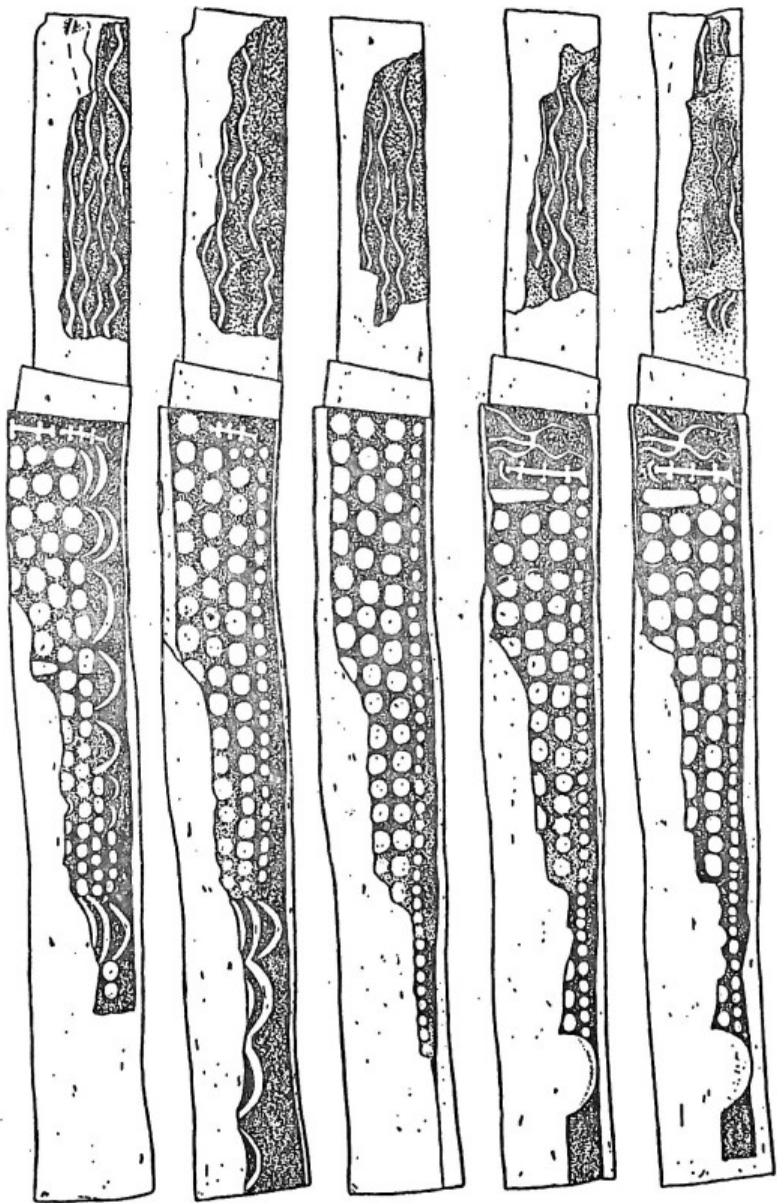
Практически на всех раскапываемых участках поселения (всего за время исследования их насчитывается около десятка, но постепенно выделились три основных: планиграфические №№4, 5 и стратиграфический №3) были обнаружены характеризующиеся определенным набором признаков уникальные архитектурные комплексы – “святые места”. Это – квадратные в плане блоки строений, включающие, как правило, парадную комнату с несколькими подсобными камерами, парадный двор и, иногда, жилые/хо-

зайственные помещения. Парадные помещения комплексов отличаются специфической планировкой, богатым и сложным внутренним убранством и большим количеством ценных находок.

На стратиграфическом раскопе 3 на сегодняшний день исследовано 6 строительных горизонтов, и в каждом, кроме первого, самого верхнего, центральное положение занимало "святилище", возведенное непосредственно на месте предыдущего. Всю пирамиду ритуальных комплексов составляли "святилища", относившиеся к разряду крупных и обладавшие некоторыми чертами, уникальными для памятников этого времени Ближнего и Среднего Востока и не имеющими аналогий даже в соседних "святилищах" Илгынлы-депе. К таковым, безусловно, относятся сырцовые стулья IV строительного горизонта, медный проушной топор-тесло и скульптурное изображение протомы быка V горизонта.

Однако, прежде всего заслуживает внимания илгынлынская стенопись. Росписи всегда выполнены в двух цветах: черном и светложелтом (цвет необожженной глины) – мастера Илгынлы-депе пользовались достаточно редкой даже в современном искусстве техникой сграффито, при которой поверхность, предназначенная для нанесения рисунка, предварительно покрывалась несколькими (минимум двумя) слоями краски различных цветов. Затем по последнему слою наносился рисунок, с определенных участков которого соскабливался верхний слой краски до нижнего, непременно, контрастного по цвету. На Илгынлы-депе нижним слоем, покрывавшим сырцовые кирпичи стен, которые должна была украшать роспись, была смешанная с мелко рубленной соломой необожженная глина. Поверх этого слоя наносился и заглаживался до блеска тонкий слой жидкой глины с большим количеством золы.

Остатки живописи были встречены при исследованиях парадных пом. 26 – IV, 38 – V и 47 – VI строительных горизонтов на раскопе 3. Во всех трех случаях роспись расположена на стене (или участке стены) напротив входа. Впервые орнамент в виде трех рядов светлых (цвет необожженной глины) кругов одного диаметра на черном фоне был обнаружен на участке СЗ стены пом. 26; затем – на правой стороне лежавшей около СЗ стены пом. 38 протомы быка были открыты 8 ползущих друг над другом извивающихся светлых змей на черном фоне. В обоих случаях роспись однослойная, состоящая из повторяющихся элементов.



Стенопись Илгылы-депе.

Наконец, в пом. 47 строительного горизонта VI (парадная комната самого нижнего в пирамиде на раскопе 3 и самого раннего из исследованных на конец 1995 г. на всем памятнике "святилища") на СЗ стене, сохранившейся в высоту максимум на 0,7 м, обнаружено семь слоев штукатурки, из которых пять, со второго по шестой (счет по порядку нанесения), были расписаны в традиционной илгылынской манере.

Ближе к С углу в стене сохранилась нижняя часть широкого проема – "окна", аналогичного проемам в СЗ стенах парадных комнат "святилищ" IV и V горизонтов. Участок под окном был отделен от остальной части стены двумя вертикальными декоративными выступами (пространство между которыми не окрашивалось черным), не имел горизонтального ребра и был выкрашен в черный цвет на всю высоту. Все слои штукатурки остальной части стены на высоту 0,1–0,15 м от пола имели горизонтальный рельефный декоративный выступ, поверхность стены от пола до выступа на слоях с росписью оставалась незакрашенной.

Первый слой служил грунтом и вообще не имел следов краски; последний, седьмой слой намеренно скрывал роспись и был выкрашен черной краской от пола до выступа. Толщина штукатурки первого и последнего слоев – 5–8 мм, толщина расписанных слоев – 1–3 мм.

Многokrратно повторяемые элементы росписи одинаковы на всех пяти слоях – это диск, полумесяц, дерево и змея; на четвертом и пятом слоях прибавляется мифический персонаж.

Одинаково и пространственное решение композиции. Весь сюжет делится на две неравные части: расположенные друг над другом разновеликие ползущие влево змеи всегда помещены на небольшом участке под "окном", а вертикальные рельефные выступы намеренно отгораживают их от остальной композиции, несколько отличающейся от слоя к слою.

Сохранившаяся часть первого слоя росписи, в основном, (как и остальные слои) заполнена рядами дисков разной величины и формы (чем ниже, тем меньше и ближе к овалу). Снизу их подстилают лежащие рожками вверх полумесяцы, цепь которых в одном месте прервана маленькими дисками; 4 полумесяца справа расположены попарно друг над другом, слева, также один над другим – 3 полумесяца. Справа ряды дисков и полумесяцев фланкируют растущие друг над другом стилизованные деревья с пря-

мым стволом, корнем, макушкой и тремя парами зеркально расположенных веток в виде вишенки.

На втором слое все полумесяцы смещены на левый фланг и расположены, минимум, в два ряда, на правом фланге – одно дерево, между ними – четыре ряда дисков (нижний ряд – маленькие). Третий слой аналогичен средней части композиции второго, без полумесяцев и деревьев. Третий и пятый слои похожи, на их левых флангах – читаются следы большого полумесяца, основная часть композиции – ряды дисков, справа – дерево, аналогичное ранним, но более высокое, и стоящий на двух конечностях мифический персонаж, сочетающий антропо- и зооморфные черты. Дерево и существо, судя по направлению волокон штукатурки, первоначально выполнены барельефным способом, но выступающие части были сбиты при нанесении следующего слоя штукатурки. Слева от дерева над крайним кругом второго ряда читается изображение овального вертикально вытянутого предмета (вероятно, аналогичный предмет был изображен в центре композиции первого слоя росписи), над макушкой дерева – изображение в виде лежащей дугой вверх запятой.

Вл. А. Семенов

ИССЛЕДОВАНИЕ РАНИХ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВЕ

Крупномасштабные раскопки, проведенные в Монгун-Тайге, позволили выявить ряд интересных особенностей, характерных для культуры ранних кочевников в этом регионе Центральной Азии. Большая часть расположенных здесь могильников представлена т. н. керексурами и погребениями в сооружениях монгун-тайгинского типа, а собственно скифские курганы (уюкско-саглынской и алды-бельской культур) практически отсутствуют.

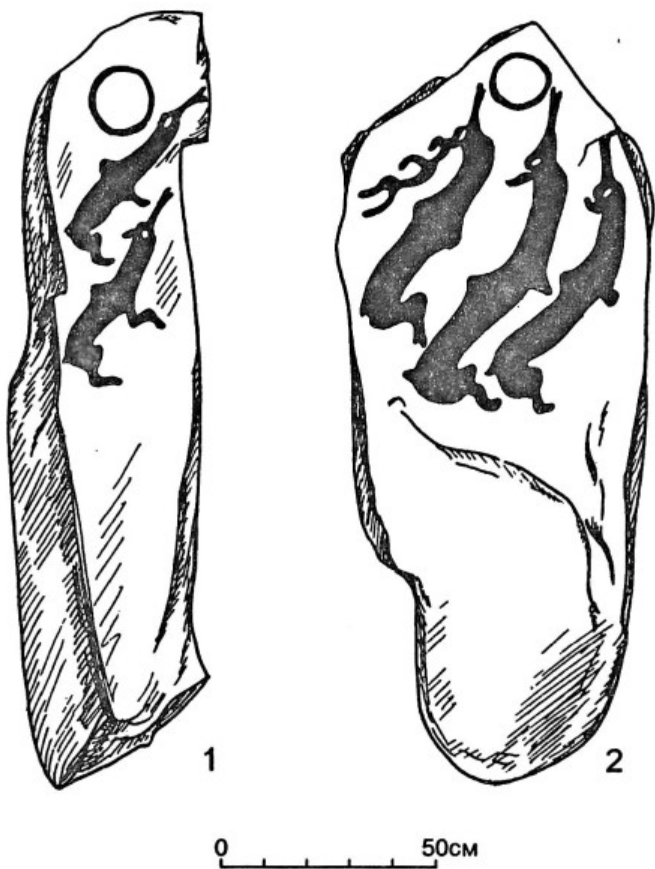
По данным визуального осмотра погребальных памятников и раскопок в местечке Тээрге-Кижы важную роль в долинах, расположенных у подошвы горы Монгун-Тайга, играло создание сложных геометрических конструкций вокруг курганов и вне могильных комплексов. К 1 типу относятся все керексуры, ко 2 – различные наземные сооружения, представленные прямоугольными оградками (3x5 м – 17x34 м и более). Оградки бывают одиночными, а иногда выстраиваются целыми рядами сложной геометриче-

ской конфигурации. Внутри оградок бывают дополнительные перегородки, круги, квадраты и овалы из валунов или одиночные вертикальные камни. Нередко от таких комплексов к В или ЮВ (возможно, с ориентацией на вершину горы Монгун-Тайга, покрытую вечным льдом и видную с любой точки в долине) выложены длинные каменные дорожки до 0,5 км длиной. Раскопки отдельных оградок никакого датирующего материала не дали.

При раскопках на оз. Ак-Холь удалось обнаружить 2 скифских кургана, напоминающих курганы на могильниках Арагол и Ак-Алаха на Алтае. Курганы разграблены, но в них сохранились скелеты лошадей, фрагменты керамики, обрывки золотой фольги, большое количество фрагментов красного лака, железные предметы. Погребенные в этих курганах находились в деревянных трапезиевидных рамах и ориентированы головой на З.

В междуречье рр. Холаш и Дуруг-Суг – левых притоков р. Моген-Бурен, произведены раскопки большого кургана и сопровождающих его объектов. Курган занимает центральное положение в остепненной котловине у З подошвы г. Монгун-Тайга. Вокруг него возник комплекс различных поминальных, культовых и погребальных сооружений. Всего здесь было зафиксировано 114 памятников, включающих 93 небольших (диам. 1–1,5 м) каменных кольца, 11 вертикально поставленных с В и З сторон кургана менгиров и 9 могил под каменными выкладками. Эти объекты относятся к разным периодам – от раннескифского до тюркского. Наиболее интересным из них является объект под №83, расположенный в 8 м к ЮЗ от края большого кургана. Здесь раскопан каменный ящик (185x100 см), в котором было совершено бинарное ярусное захоронение людей, ориентированных головами в двух противоположных направлениях. Один из погребенных лежал на левом боку в слабо скорченном положении, головой на СЗ. За его головой стоял глиняный сосуд с криволинейной росписью, перед лицом – большое деревянное блюдо с органическими остатками, за спиной – остатки лука. обклеенного кожей, 5 костяных наконечников стрел и на поясе – бабочковидная бронзовая пряжка, богато декорированный кожаный кошелек с зашитым в него деревянным гребнем, многочисленные фрагменты ткани и меха и др. Второй костяк лежал поверх вышеописанного погребения. Он также был повернут на левый бок, но ориентирован головой на ЮВ. За его головой также находился глиняный горшок.

Керамика и ряд других предметов, обнаруженных в этом погребении, сопоставимы с материалами уюско-саглынской культуры в Туве и улангомскими погребениями в Монголии.



Курган на р. Холаш. Оленные камни.

Большой курган оказался полностью разграблен. Его центральное погребение располагалось в грунтовой яме глуб. всего 2 м. Дно ямы находилось на уровне вечной мерзлоты. Характерной особенностью является отсутствие внутри могильного сооружения. Судя по остеологическим остаткам, здесь было захоронено 8–10 человек. К С от ямы были построены 3 цисты с погребенными, ориентированными головой на С Ю, З и В сторон вокруг ямы прослеживалась каменная кладка из больших валунов и плит. В ЮВ секторе кургана обнаружены 2 оленных камня монголо-забайкальского типа (рис.). Исходя из этих данных, можно предположить, что курган был создан в довольно раннее время и относится к аржанскому периоду. Пристроенные к центральной яме цисты – памятники монгун-тайгинского типа подтверждают ранний возраст кургана и его значение как фактора, объединяющего не только различные культурные традиции, но и различные этносы. Позднее вокруг кургана возник целый некрополь и отношение к этому памятнику, как к священному месту сохранялось у местного населения до нашего времени.

Другой объект раннего скифского времени исследовался на правом берегу Улуг-Хема на могильнике Сыпучий Яр. Здесь был раскопан один из трех взаимно перекрывающих друг друга курганов алды-бельского типа. Курган представлял собой каменно-земляную насыпь без обычного для таких памятников обводного кольца. Под валиком выброса на древнем горизонте был найден клад конского снаряжения – стремечковидные удила, трехдырчатые псалии, подпружная пряжка, две нащечные копские бляхи. В кургане было выявлено два погребения. В детском погребении в каменном ящике обнаружено довольно много бронзовых изделий, включая и предметы скифского звериного стиля. Среди них можно отметить пару бляшек с протомами верблюдов, бронзовую бляшку в виде кабана. S-овидные бляшки на заклепках. В центральном, частично разграбленном погребении захоронено 8 человек в грунтовой яме без следов каменного или деревянного сооружения. Погребения в грунтовых ямах характерны для алды-бельской традиции. Это сближает погребение на могильнике Сыпучий Яр с погребением в большом кургане на р. Холаш в Монгун-Тайге. Наиболее интересной находкой здесь является пояс с бронзовыми обоймами, на котором изображены пары следующих друг за другом козлов. Ближайшую аналогию этому поясу мы находим в

другом памятнике алды-бельской культуры – могильнике Усть-Хадынныг, раскопанном А. В. Виноградовым. Все полученные материалы из кургана на Сыпучем Яру дополняют наши представления об правобережных памятниках алды-бельской культуры, таких как Куйлуг-Хем, Демир-Суг и Сарыг-Булун.

М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов ПЕТРОГЛИФЫ САРЫГ–ДАША

Гора Сарыг-Даш – часть горного массива Дылаан-Кара в Барун-Хемчикском кожууне Респ. Тыва – сложена так называемой черной эдегейской яшмой, породой вулканического происхождения, на выходах которой нанесены сотни рисунков скифского, гунно-сарматского, тюркского и кыргызского периодов. Довольно много здесь петроглифов шаманистического содержания, оставленных тувинцами. Большая часть рисунков просто процарапана или имеет неглубокую выбивку. Это объясняется тем, что на черной яшме легко остаются поверхностные следы любого резца – каменного или металлического, тогда как выбивка требует значительных усилий. Тем не менее все изображения очень четкие, что объясняется свойствами камня, дающего при нарушении поверхности черного слоя до 98 оттенков серого цвета. Из-за этого часть горного массива Сарыг-Даш попала в зону карьера до добыче черной яшмы. В нашу задачу входило обследование, демонтаж и передача камней с петроглифами в Кожуунный краеведческий музей в пос. Кызыл-Мажалык. Всего было демонтировано и вывезено 182 камня, насчитывающих не менее 500 изображений. Большая часть камней содержит одно–два изображения козла или лошади. Реже встречаются олени скифского облика, быки или человеческие фигуры. Ряд камней содержит жанровые сцены, например, охота верхом с собаками; совокупление оленей; люди, ведущие на поводу животных фантастического облика и др.

Одним из наиболее интересных является камень №63, расположенный на СЗ склоне распадка в зоне карьера. Камень имеет две плоскости, соединяющиеся под тупым углом и обращенные соответственно к В и ЮВ. ЮВ плоскость имеет треугольные очертания с вершиной, обращенной к СВ. Выс. этого треугольника 60 см, шир. основания 50 см. На этой плоскости изображена многофигурная композиция. Фигуры выполнены в разных стилисти-

ческих манерах, имеют различную степень патинизации и перекрывают друг друга. Наиболее ранний пласт представлен изображениями двух ланей, выполненных в скифском зверином стиле. Затем появилось изображение воина с косичкой и рогатым шлемом на голове, в панцире и широкой юбке. У его правого бока расположен горит, покрытый сетчатым орнаментом. В правой руке этот воин держит собаку на привязи, две другие собаки выбиты рядом, одна повернута мордой к человеку, другая в противоположную сторону. У левой руки изображено копьё (рис.).



Ниже, в геометрической манере, выбиты схематичные изображения нескольких козлов. Фигура человека ниже пояса, ноги собаки, обращенной мордой к человеку, лань и часть других петроглифов перекрыты вытянутой прямоугольной, фигурно-заштрихованной сеткой. Дл. сетки 25 см, шир. с СВ края 3,5 см, в середине 4 см. Вся геометрическая фигура выполнена прорезными, довольно глубокими и отчетливыми линиями. Такими же линиями выполнено одеяние и оружие человека. Сетка в свою очередь перекрыта четким и изящным изображением оленя или косули с длинными прямыми ногами, выполненным в кыргызской манере. К этому же времени может быть отнесена фигура козла в левом нижнем углу камня. У этого козла большая массивная морда, большие закругленные рога, ухо, борода, задранный крючком хвост, передняя нога с копытом направлена вперед. Выше, горизонтально относительно фигуры воина, находится антропоморфное фаллическое изображение. У этого человека круглая аморфных очертаний голова, выделена шея, разведенные в стороны руки с большими растопыренными пальцами, ноги с широко расставленными в стороны ступнями. Эта фигура последняя в описываемой композиции. Она, как и все фигуры животных, выполнена техникой силуэтной выбивки. Только эта выбивка у разных фигур имеет разную глубину и степень патинизации. Всего здесь выделяется 4 или 5 слоев изображений, перекрывающих друг друга. Наскальное изображение пешего воина в панцире в Туве найдено впервые.

Скопление петроглифов в урочище Сарыг-Даш – новый памятник наскального искусства Тувы. Нами зафиксированы многие сотни петроглифов за пределами горного отвода. Эти петроглифы предложено сохранить. Вывезенные петроглифы будут установлены в экспозиции кожуунного музея, который запланировано оформить как музей наскального и камнерезного искусства. Все работы осуществлялись нами при помощи и поддержке инспектора по охране памятников Барун-Хемчикского р-на Биче-оола Майны. В целом местонахождение Сарыг-Даш подтверждает наши представления о Хемчикской котловине Тувы как о своеобразном заповеднике наскального искусства, где известны петроглифы от эпохи бронзы (писаница Бижиктиг-Хая) до нашего времени.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ ХАКАСИИ

Бейская экспедиция ИИМК РАН ведет исследования археологических памятников в предгорной полосе Западных Саян, которым грозит полное уничтожение вследствие интенсивной промышленно-хозяйственной деятельности на юге Хакасии. В 1995 г. основные работы экспедиция проводила на курганных могильниках Летник 7 и Ай-Дай 2, расположенных в пригородной зоне г. Саяногорска в Бейском р-не Республики Хакасия. Исследовано 6 курганов, в которых зафиксировано 9 коллективных погребений. В 5 случаях могилы оказались не ограблены. На мог. Летник 7 изучено 2 кургана (невысокие земляные насыпи диам. до 14 м). В кург. 1 выявлена ограда (10x12 м) из валунов и крупной гальки, ориентированная сторонами по странам света. По углам ограды и вдоль ее стенок было установлено 8 столбообразных камней. У кург. 2 ограда отсутствовала.

Могильная яма кург. 1 (2,7x 2,7 м, глуб. 1,9 м) перекрыта двойным накатом, который в древности был заслан берестой. Сверху бревенчатое покрытие ямы в несколько слоев заложено крупной галькой и валунами. В В части каменного перекрытия обнаружено захоронение шкуры коня (помин). Яма кург. 2 (3,3x3 м, глуб. 0,74 м) наземной конструкции не имела.

Основные погребения каждого из курганов совершены в срубах. Погребальная камера кург. 1 была сожжена. Бревна наката, рухнувшие вниз во время пожара, предохранили от полного выгорания дно погребальной конструкции, на котором зафиксированы останки не менее 11 погребенных. Могила ограблена. Непотревоженными в этом кургане оказались только четыре безинвентарных впускных погребения, расположенных за оградой.

Сопроводительный материал – оружие, орудия труда, предметы туалета, украшения и керамика, зафиксирован на дне могилы и в ее заполнении. Особо следует отметить находку обгоревшего деревянного сосуда в форме "пиалы" с ручкой.

В кург. 2, могила которого была также ограблена, в заполнении ямы в большом количестве встречены разрозненные кости человека. На дне сруба найдено несколько черепов взрослых и детей. Из инвентаря следует отметить два бронзовых ножа, украшенных фигурками кабана.

Предметно-вещевой комплекс и элементы погребальной обрядности позволяют датировать курганы могильника Летник 7 IV–III вв. до н. э. Использование огня в погребальной практике сарагашенских племен ранее отмечалось в этом районе на могильнике Летник 2 (Пшеницына 1993). Горелый сарагашенский сруб был зафиксирован и в кург. 5 могильника Ай-Дай 2 в 1995 г.

Мог. Ай-Дай 2 (39 каменно-земляных насыпей) расположен на Ю окраине г. Саяногорска. В 1995 г. здесь исследованы 4 кургана. Под земляными насыпями двух из них (выс. до 1 м, диам. 11–13 м), обнаружены каменные ограды (10x13 м), сложенные из валунов. Всего в исследованных курганах обнаружено 7 основных погребальных камер (2x2,5 м – 3,9 x 3,6 м, глуб. 1–1,3 м), каждая из которых представляет бревенчатый сруб с дощатым полом, в которых было погребено 4–20 взрослых и детей. Сверху погребальные камеры покрыты накатом из бревен диам. до 0,3 м.

Наибольший интерес на могильнике Ай-Дай 2 представляют захоронения биджинского типа в кург. 4 и 6. Отличительной особенностью их является незначительное количество погребенных (3–5 человек). В наборе сопроводительного инвентаря – ножи и чеканы ранних типов, горшки, орнаментированные в верхней части тулова узкими желобками и прочерченным зигзагом, а также полые поддоны от кубковидных сосудов. Памятники биджинского типа представляют собой наиболее ранний из известных в районе г. Саяногорска этап развития тагарской культуры. Выделение курганов этого этапа в предгорьях Саян позволяет заполнить лауну в периодизации памятников скифского времени, а также проследить развитие погребального обряда и предметно-вещевого комплекса на всем протяжении тагарской культуры юга Хакасии.

Кроме раскопок курганов, проведены аварийно-спасательные работы в р-не 9 км трассы Саяногорск–Бея–Бондырево, где в зоне индивидуальной застройки оказалась территория древнего поселения. На памятнике было заложено 2 раскопа (180 м² и 160 м²). Культурный слой уничтожен многолетней запашкой. Основная масса находок, представленная обломками керамики и костей животных, локализовалась на предматериковом уровне на глуб. 0,25–0,4 м. Предварительный анализ керамического комплекса позволяет выделить красноглиняные и темноглиняные сосуды. Среди последних зафиксировано несколько “рассеченных” венчиков и экземпляры с композиционной орнаментацией.

Поселение представляло оседлый центр, население которого занималось животноводством и земледелием, о чем свидетельствуют остеологические остатки, а также находки фрагментов зерно-терок и курантов. Оседлый образ жизни древнего населения Ай-Дая 4 подтверждает находка остатков жилища, контуры которого были зафиксированы у Встенки раскопа 3. Исследование этого объекта представляется перспективным для датировки и культурно-исторической интерпретации всего памятника.

Результаты работ 1995 г. уточняют некоторые особенности этно-культурных процессов 2-й пол. I тыс. до н. э. – первых веков н. э. в предгорной полосе юга Хакасии.

С. В. Красниенко

РАБОТЫ СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1987–93 гг.

Сибирская экспедиция ИИМК РАН в 1987–93 гг. продолжала работы на территории юго-западных районов Красноярского края. Исследованы памятники, представляющие практически всю свиту археологических культур Южной Сибири.

В 1987–88 гг. в Шарыповском р-не С. В. Красниенко и Е. Л. Кириллов провели раскопки андроновского и раннетагарского мог. Кошколь (9 курганов). В 1987 г. у оз. Кошколь, давшего название могильнику, С. Б. Гультов произвел раскопки двух поселений. Пос. Коль-Кошколь, расположенное на противоположном от могильника берегу озера, по мнению автора раскопок, составляет единый комплекс с могильником. Здесь зафиксированы остатки жилища, обнаружены ок. 700 фрагментов керамики тагарского времени, серия кремневых изделий (скребки, ножи по мясу, микролиты, скобель, сверло, нуклеус и т. д.), фрагменты бронзовых изделий, предметы из камня (бусина, обломок молота, подвеска), кости животных. При раскопках пос. Воль-Кошколь на Ю берегу озера обнаружены фрагменты тагарской керамики, кости животных, 2 костяных наконечника стрел и игла, кремневый скребок.

В 1987 г. С. Б. Гультов начал, а в 1988 г. Э. Б. Вадецкая продолжила раскопки мог. Соколовский разъезд – первого в Шарыповском р-не и самого северного из известных могильников таштыкской культуры. В 1987 г. исследована каменная выкладка (200 м²). При ее разборке был обнаружен склеп в окружении 18 небольших ямок различного назначения: 6 детских погребений (в

т. ч. в каменных ящиках) и 12 поминальных комплексов с остатками тризн (кости животных), глиняными сосудами и их фрагментами. В погребальной камере сожженного склепа (9x9 м) обнаружены многочисленные остатки кремаций, отдельные кости 2-х погребенных, а также фрагменты 6 глиняных сосудов, небольшое количество бронзовых (колючко, бляшки, в т. ч. 2 зооморфные, пряжка, пластинка) изделий, железный колчаный крюк, костяной наконечник стрелы, фрагменты золотой фольги, множество костей животных. В 1988 г. были полностью исследованы еще 2 склепа (8x7,5 и 8x8 м): в сожженных камерах обнаружены остатки трупосожжений, в сопровождении глиняных сосудов (в т. ч. орнаментированных) и обожженных деревянных изделий (подносы, миска, модели ножей?, кинжалов? и пр.). Здесь же найдены железный крючок, оплавленные бронзовые изделия (в т. ч. бляшка с отверстием), кости животных, а также фрагмент глиняной помертвой маски и берестяной сверток с травой и пеплом (кукла?). Помимо склепов, было исследовано 28 детских, в основном, безинвентарных могил; в 3-х случаях в них найдены погребения детей 5 лет, в остальных – захоронения детей от 0,5 до 1,5–2 лет.

В 1987–88 гг. Э. Б. Вадецкая исследовала таштыкские могилки Красная Грива (в окрестностях райцентра Новоселово) и Терский (у трассы Абакан–Красноярск). На мог. Красная Грива произведены раскопки 2 склепов и 8 могил. Внутри погребальных камер каменных склепов (10x8 и 13x9 м), на дне и в заполнении могил сохранились остатки трупосожжений в виде пепла и костного шлака, обгоревшие скелеты 3-х погребенных (в одном из склепов), фрагменты глиняных масок, железные (кольцо от миниатюрных удил, крюк от колчана и пр.), бронзовые (обкладка? с бронзовыми же гвоздиками, пряжка, фрагменты 2-х нашивных амулетов, накладка на пояс с прорезными волютами, лапчатая подвеска и пр.) и деревянные (палочки, плашка с деревянными гвоздиками и пр.) изделия, глиняные сосуды, фрагменты золотой фольги, меха, астрагалы и другие кости животных. Кроме того, раскопаны 3 каменные выкладки (поминальник?), под одной из которых находилась яма с захоронением коня. В мог. Терский в течение двух сезонов произведены раскопки двух склепов (4,5x4,2 и 7x6 м) и 7 грунтовых могил. И в склепах, и в могилах найдены кучки пепла, скелеты и разрозненные кости (в т. ч. обожженные) погребенных в сопровождении костей животных (в т. ч. астрага-

лов), глиняных сосудов и различного инвентаря (в т. ч. костяных шпилек-булавок, железного ножа и пряжки, бронзовых лапчатой подвески и амулета, украшенного изображениями лошадиных голов). В одной из могил были найдены 3 мумии погребенных, в 2-х могилах – фрагменты гипсовых масок, а также (на борту одной из этих могил) берестяной сверток с пеплом человека.

В 1987 г. А. В. Субботин произвел раскопки 3-х курганов (из 17) в мог. Олбик. Под одной из насыпей, внутри ограды 13x11 м обнаружен бревенчатый склеп сарагашенского времени (останки 27 человек сопровождалась глиняными сосудами; здесь же найдены 2 костяных наконечника стрел, бронзовые бляшки, нож, предмет в виде птицы), в который был впущен каменный ящик с обожженными человеческими костями и пеплом, а также орнаментированным сосудом таштыкского времени. Кроме того, в стенке могильной ямы было обнаружено захоронение ребенка с баночным сосудом. 2-я насыпь (таштыкского времени ?) скрывала 12 могил – основную и детские захоронения в ямах и каменном ящике; на дне основной могилы обнаружены кучки сожженных костей и пепла, фрагменты сосуда. В насыпи 3-го кургана обнаружен орнаментированный сосуд ирменского времени. На дне небольшой могилы (2x0,8x0,5 м) внутри ограды (3,8x4,6 м) найдены кости человека и фрагменты 2-х сосудов (один из них круглодонный, орнаментированный). В том же сезоне А. В. Субботин произвел шурфовку средневековых (?) городищ Подозерное и Кабайдак; найдены фрагменты керамики и костяной наконечник стрелы.

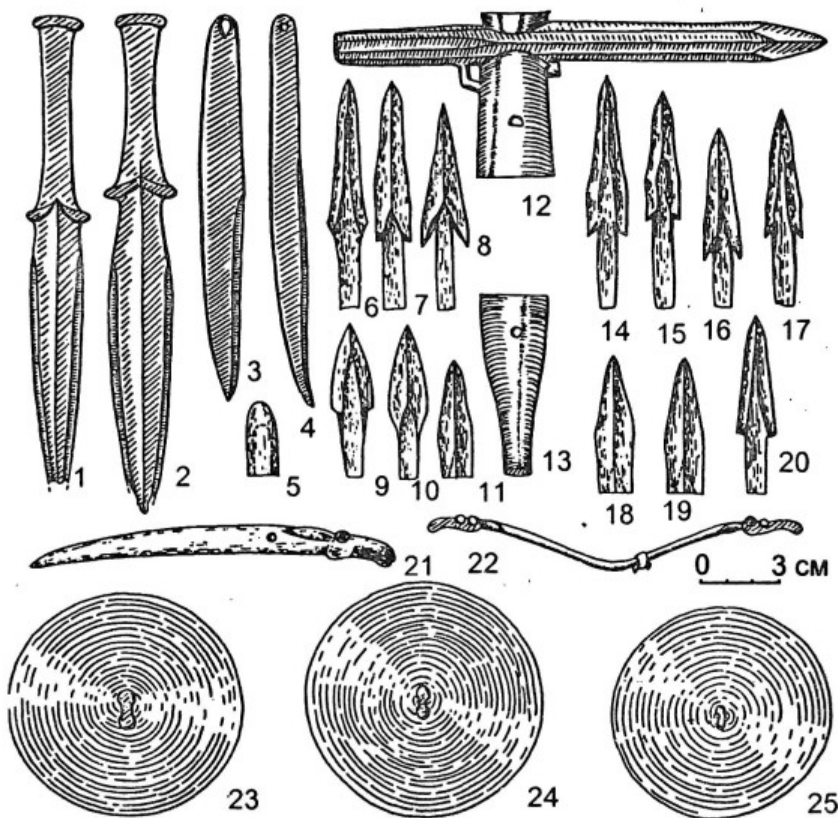
В 1988 г. А. В. Субботин провел раскопки позднеатагарского кургана в мог. Листвяжный у трассы Шарыпово–Ужур. Под насыпью, до раскопок были видны вершины угловых и простеночных камней ограды (17x17 м), в т. ч., один с изображениями трех птичек и кинжала. Внутри ограды находились 3 основные могилы (2,85x2,75x1,55; 4,1x3,2x1,45 и 3x2,95x1,39 м), а за В стеной – 2 детские, безинвентарные, перекрытые каменными плитами. Все могилы ограблены: в заполнении обнаружены разрозненные кости человека и животных, фрагменты глиняных сосудов, золотой фольги, а также 3 бронзовых навершия (мог. 1), 2 бронзовых бляшки на золотой фольге (мог. 2), 2 бронзовых навершия, железный нож, костяные проколка и наконечник стрелы (мог. 3).

В 1989 г. С. Б. Гультов произвел раскопки трех курганов в мог. Ласкан у С окраины с. Парная (Шарыповский р-н). В одном

из курганов сохранились незначительный фрагмент ограды и остатки могилы. В другом кургане внутри разрушенной ограды обнаружены 3 могилы – основная и 2 детские. Основная могила содержала потревоженные в процессе подхоронения останки более 20 человек, уложенных, как минимум, в три слоя; погребения сопровождали глиняные сосуды, найдены также костяные наконечники стрел, бронзовые бляшки, шилья, зеркала и т. д. Под 3-й насыпью обнаружена система из 8 каменных оград, внутри которых находились 4 большие могилы (в среднем, ок. 2,5x2,5x1,5 м) и 5 каменных ящиков с захоронениями детей (в одном случае, в сопровождении глиняной плитки). Большие могилы, относящиеся к раннетагарскому времени, содержали останки 3–16 погребенных с глиняными (в основном баночными) неорнаментированными сосудами, бронзовыми предметами (ножами, зеркалами, чеканами, бляшками и пр.) и костяными наконечниками стрел.

В 1990 г. экспедиция вела полевые работы 2 отрядами на трассе Шарыпово–Ужур в окрестностях д. Ораки. Каждый из отрядов произвел раскопки 3 курганных насыпей. С. В. Красниенко исследовал мог. Саргожик. Одна из оград (13x12 м) содержала 2 разноэтапные (сарагашенскую и подгорновскую) могилы тагарского времени. В 1-й, перекрытой мощным каменным панцирем (со следами ограбления), частично сожженной, находились останки более чем 60 человек. Найдены 14 глиняных сосудов и более 100 изделий из бронзы и кости (чеканы, втоки, ножи, зеркала, шилья, иглы, оленная бляха и др.), наконечники стрел. 2-я могила, перекрытая двумя мощными каменными плитами (2x2x0,4 м), содержала непо потревоженные останки 3-х погребенных. Здесь обнаружены полноразмерные бронзовые чекан, вток, ножи, зеркала, кинжалы, предмет неизвестного назначения, мелкие бронзовые украшения, 14 костяных наконечников стрел (2 колчаных набора) и лоцило (рис.), а также остатки деревянного блюда. Аналогичная ситуация была отмечена и в другом кургане: здесь также сохранилась неграбленная подгорновская могила под каменной плитой (2 погребенных с бронзовыми чеканом, втоком, ножами, кинжалом, 7 костяными наконечниками стрел, лоцилом, глиняными сосудами) и сооруженная позднее позднесарагашенская (частично сожженная, со входом из сложенных каменных плиток, ограбленная, на дне останки человек с миниатюрными бронзовыми пожами, зеркалами и пр.). В 3-м из исследованных курганов

находилась ограбленная подгорновская могила с останками двух погребенных в сопровождении бронзовых кинжала, ножа, шила и пр. и фрагментов глиняных сосудов.



Могильник Саргожик, курган 1, могила 1: 1-4, 12, 13, 22-25 - бронза; 5-11, 14-21 - кость.

А. В. Субботин вел работы на могильнике Мысы. Здесь под довольно большой насыпью (диам. ок. 30 м, выс. ок. 2 м) раскопана могила (13,5x6,5 м), заполненная ошлакованной глиной, с 3-мя впускными безинвентарными захоронениями и 65 погребенными на дне (останки сильно обожжены). Найдены миниатюрные бронзовые ножи, кинжалы, зеркала, чеканы, котелок, поясная застежка в виде головы барана, железный нож, глиняные пуговицы с золотой фольгой и плакетками с изображениями животных, фрагменты керамики. Памятник может быть отнесен к тесинской культуре. 2 другие насыпи скрывали характерные для ранней тагарской культуры (подгорновский этап) захоронения (соответственно: 2 и 3 основные могилы до 3x3x1,8 м; 1 и 2 детские, в т. ч. 2 – в каменных ящиках): от 3 до 14 погребений с глиняными сосудами, костяными и бронзовыми наконечниками стрел, украшениями, бронзовыми ножами, шильями и пр.

Кроме того, С. Б. Гультов произвел раскопки небольшой каменной выкладки в мог. Оракский I, где обнаружена (впервые в районе) афанасьевская керамика.

В 1991 г. работы экспедиции также велись 2-мя отрядами. С. В. Красниенко произвел раскопки позднетагарского кургана у пос. Родники. Под сильно распаханной насыпью ограда не сохранилась (?). Был расчищен сожженный и разграбленный склеп из мощных стволов лиственницы. На дне могильной ямы (6,5x6x1,9 м) внутри сруба (10 венцов и тын) и на полатях расчищены остатки 4 погребенных (многочисленные кальцинированные и ошлакованные кости и оплавленные от жара сосуды найдены в заполнении), миниатюрные бронзовые изделия (чеканы, зеркала, кинжал, оплавленный предмет с золотой фольгой), глиняные сосуды.

С. Б. Гультов провел работы в районе оз. Инголь. Здесь продолжены раскопки поселения и могильника андроновской культуры Инголь, начатые В. В. Бобровым в 1980 г. В раскопе (170 м²) найдены серия фрагментов характерно орнаментированной керамики (более 250 экз.), кости животных, каменные орудия (скребки, наконечники стрел, дротика, отщепы и пр.), а также каменный ящик (1,2x0,6 м) с фрагментом челюсти человека. В мог. Обьюл, ранее в 1957 г. исследовавшемся Н. Л. Членовой, произведены раскопки 3 курганов, относящиеся к ранней стадии тагарской культуры и представлявшие собой, по мнению автора раскопок, семейные захоронения. В одном из курганов открыта

могила с останками 4 погребенных; найдены бронзовые зеркала, ножи, кинжал, кельт, проушной топор, бронзовые, каменные и стеклянные бусы, глиняные сосуды. Во 2-м и 3-м курганах в системе пристроенных друг к другу оград зафиксированы, соответственно, 3 и 2 основные (от 2x1 до 2,6x1,2 м; содержали потревоженные останки 1–3 погребенных с глиняными сосудами, костями животных, бронзовыми бляшками, кинжалом, кельтами, зеркалом), а также 2 и 3 детские (безинвентарные) могилы.

В 1992–93 гг. инвентаризацию и паспортизацию археологических памятников района проводил А. В. Субботин; составлена документация на 70 памятников.

И. П. Лазаретов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА УЙБАТ V

В 1995 г. продолжены раскопки могильника окуневской культуры Уйбат V в Усть-Абаканском р-не Респ. Хакасия (Лазаретов 1994). Исследован кург. 4, находившийся в стороне от дороги и сохранившийся полностью.

Прямоугольная ограда (14x12 м) сооружена из врытых на ребро плит песчаника и ориентирована сторонами по странам света с незначительным отклонением. К моменту раскопок от нее сохранились только следы канавки в материковом грунте и отдельные камни подклинки. Ограда, по-видимому, была полностью демонтирована еще в древности, до момента оплывания насыпи кургана. Во всех 4-х углах конструкции выявлены подпрямоугольные грунтовые ямы (0,6-0,8x1,0–1,2, глуб. 0,5–0,7 м), ориентированные осью в створ ограде по линии ВЗ. Их, очевидно, использовали для установки угловых камней. В 2-х ямах сохранились нижние части стел, расклиненных булыжниками. Судя по размерам корневой части, стелы достигали выс. 1,5–2 м. Аналогичные ямы в других курганах Уйбата V были зафиксированы и ранее, однако, определить их функциональное назначение тогда не удалось. Считается, что обычай возведения вертикальных объектов в углах погребальных сооружений, характерный для некоторых культур эпохи поздней бронзы и раннего железного века Саяно-Алтая, формируется в предскифское время. Находки на Уйбате позволяют отодвинуть начало сложения этой традиции вглубь почти на тысячу лет. Соответственно возникает вопрос о роли окуневского

наследия в формировании последующих культур Минусинской котловины, Тувы и Монголии не только по изобразительным материалам, что уже неоднократно отмечалось, но и в плане преемственности элементов погребальной обрядности.

В ограде кург. 4 вскрыто 21 погребение. Захоронения обычно совершали в укороченных каменных ящиках, реже в грунтовых ямах. Погребенные лежали на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх, головой на З. Первой устроена могила в Ю части ограды, после чего все пространство сооружения было перекрыто слоем гумусированного грунта, вероятно дерна (толщ. 0,2–0,3 м). Все последующие захоронения впущены в него. Поздние погребения устроены в развалах надмогильных сооружений предшествующих захоронений и располагаются уровнем выше. По окончании функционирования кладбища над оградой была возведена общая курганная насыпь из рыхлого грунта.

Инвентарь представлен глиняными сосудами, роговыми гарпунами, иглами, костяными пластинками с гравировкой, большим количеством каменного бисера и бус. Найдены и медные листовидные ножи, шилья, височные кольца и трубчатый игольник.

Кург. 4 Уйбата V напоминает кург. 2 того же могильника и заметно отличается от кург. 1. Первые два комплекса, несомненно, относятся к памятникам черновского типа. Несмотря на значительное расстояние между Черновой VIII и Уйбатом V, близость между ними прослеживается практически по всем параметрам. Совпадают конструктивные особенности сооружений, погребальный обряд и основные категории инвентаря. В них найдены сходная керамика, украшения, медные ножи и роговые гарпуны одного типа, а стеатитовые женские головки, костяные пластинки с гравированными изображениями женских лиц из кург. 2 и 4 Уйбата V, Черновой VIII, а также некоторых других окуневских могильников практически идентичны. Аналогична картина и в памятниках уйбатского типа, к которым относится кург. 1 Уйбата V (Лазаретов 1994). Таким образом, выделяется устойчивый набор признаков, характеризующих окуневскую культуру на различных этапах ее существования. Примечательно, что локальный фактор, вероятно, не имел в ней существенного значения.

Б. И. Маршак, В. И. Распопова, В. Г. Шкода
РАСКОПКИ В ПЕНДЖИКЕНТЕ В 1995 Г.

Совместная экспедиция ИИМК РАН, Гос. Эрмитажа и ИИАЭ им. А. Дониша АН Респ. Таджикистан в 1995 г. проводила исследования на трех участках городища древнего Пенджикента: восточный двор храма II (объекты II и X, рук. В. Г. Шкода), стратиграфический раскоп около северного конца широкой улицы, ведущей к южным воротам (объект XXV, рук. Д. А. Абдуллоев), жилой дом близ восточной крепостной стены (объект XXVI-север, рук. И. К. Малкиель).

В храме II продолжалось исследование восточной, северной и северо-западной частей восточного двора, с помощью экскаватора и самосвала вывозилась земля из отвалов раскопок 1950-х гг., находившаяся в средней и южной частях этого двора. Вдоль восточной и отчасти северной террас с базами колонн перистилия открыта поверхность двора с остатками трех, росших там в VI – нач. VIII вв., деревьев (одно из них обнаружено в 1994 г.). С северной улицы под северной стеной двора, ее суфой и террасой был проведен водопровод из керамических труб, который за краем террасы превращался в открытый арык. Этот водопровод отводил из водостока вдоль улицы ливневые и талые воды. Он проходит под базой колонны IV строительного периода и поэтому может быть датирован ок. руб. V–VI вв. или несколько позже. В завале на северной террасе между 4-й и 5-й (считая от северо-восточного угла) базами обнаружен в завале пласт глиняной штукатурки с живописью, продолжение той росписи на батальный сюжет, которая была открыта в 1993–94 гг. Уточнена дата этой росписи – нач. VIII в. Суфа вдоль северной стены имела выступ-подиум к западу от 5-ой базы, примерно посередине этой стены. Такой подиум обычно делали перед живописной культовой композицией.

На объекте XXVI доследовано русло разрушительного потока, прорезавшего широтную улицу (ее 6-ой сверху горизонт) в VII в. и расположенный южнее нее массив глиняной кладки с отдельными сырцовыми кирпичами. Этот массив скрывал в себе забутованные помещения и представлял собой, вероятно, южную крепостную стену первоначального шахрстана (или ее субструкцию), возведенную на материке. К югу от массива идет крутой склон материка, вероятно, крепостной ров. Помещения датируют-

ся керамикой V–VI вв. Одно из них было зернохранилищем с полом, обмазанным алебастром, другое – кладовой с пятью хумами (один из них необожженный) и деревянной полкой. На объекте XXVI-с продолжалось изучение жилого дома кон. VII–VIII вв., просуществовавшего, с перестройками, до 770-х гг. Велись раскопки сводчатого помещения с антресолями в его южной части, пандуса, еще одного прямоугольного помещения первого этажа, уточнялась первоначальная планировка квадратного зала.

Из отдельных находок надо назвать терракотовую форму для оттискивания образков с сидящей фигурой Будды, что существенно меняет представления о религиозной жизни Согда.



*Пенджикент.
Терракотовая форма с сидящей фигурой Будды.*

**В. А. Лапшин, В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов,
О. М. Олейников, Н. Е. Персов, Т. А. Чукова
(Санкт-Петербург, Москва)**

РАСКОПКИ В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ

Кремлевская экспедиция Тверского государственного объединенного музея и ИИМК РАН продолжила начатые в 1993–94 гг. раскопки на месте строительства нового здания музея в центре Тверского Кремля. Работы велись на четырех участках (690 м², при общей площади раскопа 1500 м²). Под балластным слоем строительного мусора XIX–XX вв. сохранился влажный, хорошо консервирующий органику, культурный слой XIII–XIV вв. мощн. 2 м. Зафиксированы несколько строительных горизонтов, два слоя пожаров. На двух участках, отстоящих на 30 м, прослежены части одной небольшой улицы, ограниченной частоколами усадеб. Расположение частокольных канавок свидетельствует о неоднократных перепланировках исследуемой части Кремля. Во 2-й пол. или кон. XIII в. произошло кардинальное изменение планировки со сменой ориентации всей застройки. К нач. XIV в. относится усадьба с крупными срубами из бревен дл. 6–7 м, в то время как ранее и позже участок застраивался стандартными срубами 4x4 или 5x5 м. Уличная мостовая впервые появилась только в верхнем сохранившемся строительном горизонте на руб. XIV–XV вв.

Собранная коллекция – более 4000 индивидуальных находок, около 60 тыс. предметов из кожи, несколько десятков тысяч фрагментов керамики – характеризует интенсивную жизнь средневекового города. Зафиксированы следы кузнечного, ювелирного и обувного производства. Выделяется группа предметов с надписями. Обломок орудия из мягкого белого камня, на котором процарапана азбука (сохранились буквы от А до З), по палеографическим признакам (определение Т. В. Рождественской) датируется нач. XIII в., что не противоречит археологической датировке слоя. Часть золотого энколпиона с фрагментом надписи на обороте относится к 1-й пол. XIV в. На подвеске из глинистого сланца с изображением св. Георгия на обороте процарапана надпись "носи", предварительно датируемая руб. XIV–XV вв. В слое XIV в. найдена выточенная костяная печать с изображением ангела.

Группа находок из слоев 2-й пол. XIII–XIV вв. свидетельствует о контактах с Золотой Ордой и – через нее – с другими стра-

нами Востока. Поливная полихромная кашинная керамика, судя по росписи, происходит как из городов Золотой Орды, так и из центров Средней Азии и Ирана (в том числе фрагменты люстровой посуды из Кашана). Фрагменты керамики со штампованным орнаментом происходят из Хорезма. Найдены фрагменты стеклянной посуды, орнаментированной цветными эмалями и позолотой, производство которой характерно для ремесленных центров Сирии и Египта. Следует отметить, что восточные импорты относятся к предметам роскоши, в то время как рядовой золотоордынский материал (например кашинные бирюзовые бусы) в культурном слое Тверского Кремля отсутствует.

С. В. Белецкий

НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ТОРЖКА

Памятники сфрагистики не принадлежат к числу массовых источников по истории средневекового Нового Торга. П. Г. Гайдуков и П. Д. Малыгин (1989:240–247) в Своде памятников сфрагистики Верхневолжья учли 8 печатей XIII–XV вв. и 7 пломб XII–XIII вв. Однако, даже эта серия представляется заметной – в Корпус актовых печатей древней Руси X–XV вв. (Янин 1970, 2:524, 1) была включена всего одна булла XIV в. из Торжка; большинство печатей, связанных с деятельностью администрации Нового Торга, обнаружено за пределами города – в Новгороде, Москве, на территории Тверской губ. (Янин 1970, 2:186–188).

Особенно существенна недостаточность сфрагистических данных для характеристики домонгольского периода истории Торжка. Единственная печать этого времени (Гайдуков, Малыгин 1989: 240–241, №1) вряд ли являлась атрибутом правовой деятельности (Белецкий 1990:10–14), а найденные в Торжке пломбы (Гайдуков, Малыгин 1989:246–247, №9–15), принадлежат к сфрагистическим разрядам, функции которых дискуссионны. Каждый вновь обнаруженный памятник вызывает повышенный интерес.

В 1995 г. благодаря содействию А. Купраниса и К. Федюшева мне удалось познакомиться с 4 пломбами, хранящимися в частной коллекции в С.-Петербурге. По сведениям владельца коллекции, пломбы найдены в черте древнерусского города Торжка, и поступили в коллекцию через петербургский антикварный рынок. Все 4 пломбы оттиснуты неизвестными ранее матрицами.

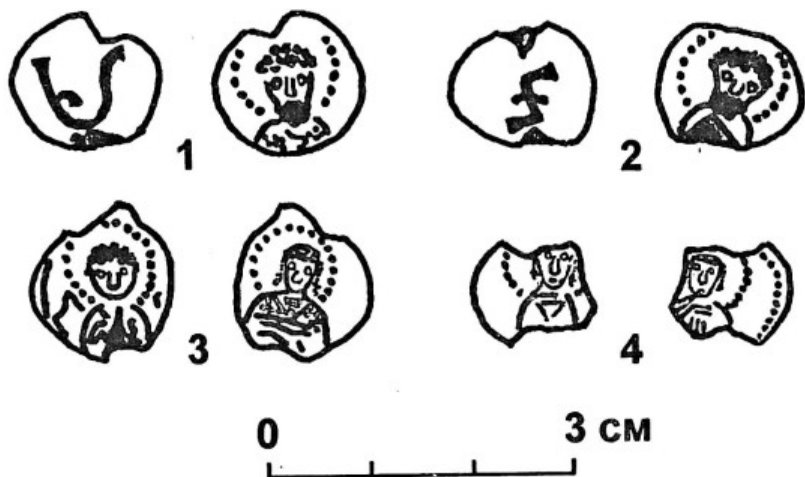


Рис. 1. Пломбы из Торжка.

Пл/IV.2/Торж-1 (рис.1:1). Ав.: тамгообразный знак колоколовидных очертаний. Вершина левого зубца вертикальная, на середине его высоты отрог внутрь; правый зубец отогнут наружу; ножка почти целиком осталась за пределами площади заготовки, однако по сохранившемуся фрагменту можно думать, что она была отогнута влево. Рев.: изображение головы кудрявого святого с короткой бородой, нимб точечный. Д.: 13–15 мм. В.: 2,51 г.

Пломбы разряда IV.2, как отмечалось ранее (Белецкий 1992: 5–8), являлись сфрагистическими регалиями княжеских посадников. Изображение святого на реверсе, находит аналогии в изображениях на ряде пломб XII в. (Белецкий, Петренко 1994:282, рис.54–56). Знак на аверсе пломбы, если правильно реконструирована форма ножки двузубца, аналогичен двузубцу, помещенному на новгородских печатях № 297 и 298 по Корпусу В. Л. Янина (1970, 1:143). Аналогичный двузубец известен по находкам пломб из Ладоги (Белецкий, Петренко 1994:235–237), обнаружен также на Золотых воротах Владимира (Воронин 1949:210, рис.6) и на Боголюбовском кивории (Воронин 1946:65, рис.19). Весьма вероятно принадлежность этого знака князю Андрею Юрьевичу (Боголюбскому). Таким образом, пломба принадлежала, вероятно, посаднику великого владимирского князя Андрея Боголюбского.

Пл/IV.2/Торж-2 (рис.1:2). *Ав.*: тамгообразный знак в форме полусвастики. *Рев.*: изображение головы кудрявого святого с короткой бородой. Нимб точечный. *Д.*: 11–14 мм. *В.*: 1,38 г.

Пломба относится к тому же сфрагистическому разряду, что и Пл/IV.2/Торж-1. Изображение святого на реверсе также находит себе аналогии в изображениях на пломбах XII в. Знак, помещенный на аверсе пломбы, вряд ли имеет отношение к знакам Рюриковичей. Ближайшей, хотя и не полной аналогией этому знаку является знак, помещенный на трапециевидной подвеске, найденной в женском погребении кургана 19 в могильнике у д. Хилово Старицкого у. Тверской губ. (Гатцук 1904: табл.V:9). Датировка пломбы XII – нач. XIII вв. представляется весьма вероятной.

Пл/VI.1/Торж-3 (рис.1:3). *Л.с.*: погрудное изображение безбородого святого в императорском облачении. Нимб точечный. *О.с.*: погрудное изображение безбородого святого. Нимб точечный. Над правым плечом святого как будто прослеживаются остатки крыла, возможно – это изображение архангела. *Д.*: 13–14 мм. *В.*: 1,87 г.

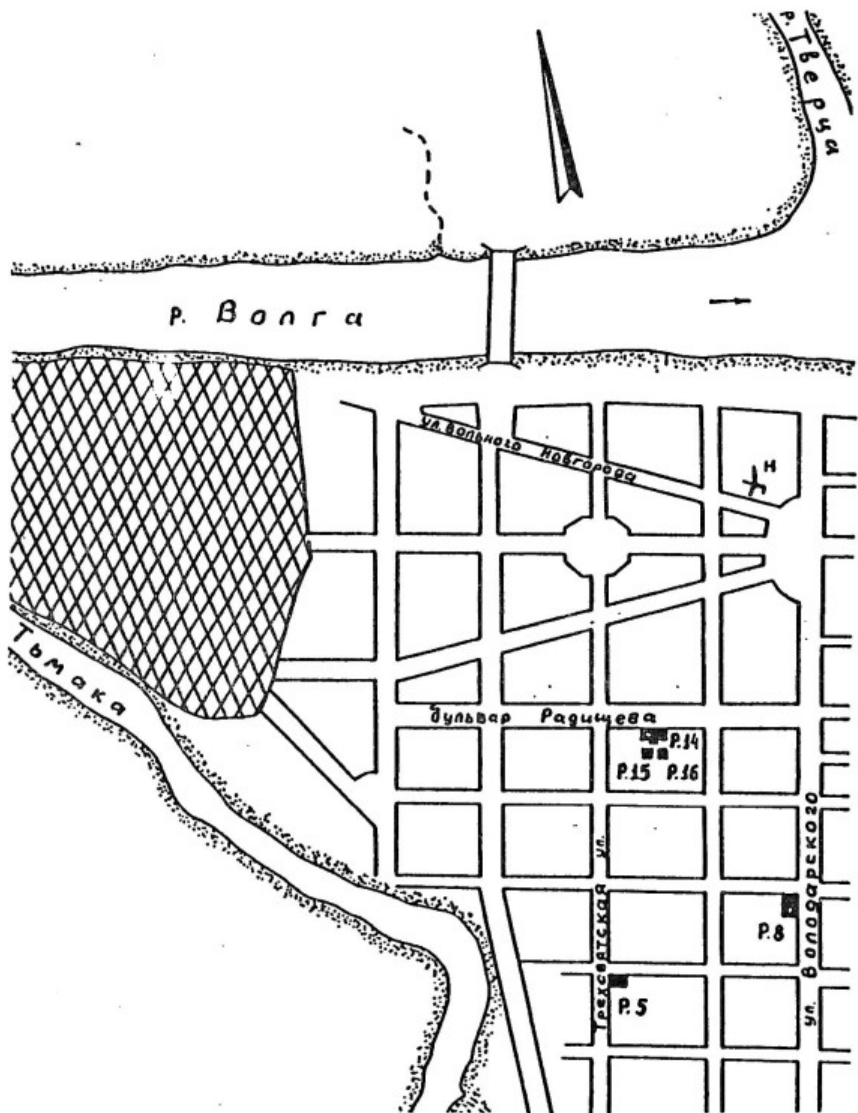
Пл/VI.1/Торж-4 (рис.1:4). *Л.с.*: погрудное изображение безбородого святого в императорском облачении. Нимб точечный. *О.с.*: погрудное изображение безбородого святого. Нимб точечный. *Д.*: 9–11 мм. *В.*: 1,30 г. Обе пломбы могут с большой степенью вероятности датироваться XII в.

Пломбы с изображениями святых на обеих сторонах, в отличие от аналогичным образом оформленных печатей, сравнительно немногочисленны. Б. Д. Ершевский (1989:71,72) предполагал, что пломбы данного разряда связаны с эмиссионной деятельностью великокняжеского правительства. Это представляется маловероятным: пломбы с изображениями святых на обеих сторонах найдены, по преимуществу, в Новгороде и на Новгородчине. Это дает основание рассматривать данный сфрагистический разряд в качестве локально-новгородского, а отнюдь не общерусского сфрагистического явления. Связав с эмиссионной деятельностью пломбы с изображениями святого и креста (Белецкий, Посвятенко 1994), я не исключаю, что пломбы с изображениями святых на обеих сторонах могли быть функционально адекватными печатям того же разряда (Белецкий 1990), но использовались князьями, занимавшими столы в т. н. “малых городах” Новгородской земли.

Если публикуемая серия пломб действительно происходит из Торжка, она существенно дополняет наши представления о положении Нового Торга в XII–XIII вв. Торжок с сер. XII в. являлся объектом борьбы между Новгородом и великокняжеской властью. К 80–90-м годам XII в. сформировалось разделение его территории на владимирскую и новгородскую части (Кучкин 1984: 96). Пломба Пл/IV.2/Торж-1 дает основание полагать, что это разделение сложилось уже в годы княжения Андрея Боголюбского, причем управление здесь от лица великого князя осуществлял чиновник в должности посадника. 2 пломбы с изображениями святых на обеих сторонах (Пл/VI.1/Торж-3–4) свидетельствуют о присутствии в городе получателей корреспонденции направленной сюда князьями-наместниками (?), находившимися в городах Новгородской земли. Наконец, пломба Пл/IV.2/Торж-2 подтверждает юридический характер тамгообразных знаков, не имевших отношение к числу знаков Рюриковичей. Как расценивать присутствие в Торжке сфрагистической регалии посадника, представлявшего владельца этого знака, покажут будущие находки.

- БЕЛЕЦКИЙ, С.В. 1990. О функциях печатей с изображениями святых на обеих сторонах (к пересмотру историографической традиции) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М. 1992. Данные сфрагистики о княжеском аппарате в домонгольской Руси // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М.
- БЕЛЕЦКИЙ, С.В., В.П.ПЕТРЕНКО. 1994. Печати и пломбы из Старой Ладogi (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- БЕЛЕЦКИЙ, С.В., В.А.ПОСВЯТЕНКО. 1994. Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Образование древнерусского государства. Проблемы источниковедения. М.
- ВОРОНИН Н.Н. 1946. Боголюбский киворий // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 13.
1949. Оборонительные сооружения Владимира // Материалы и исследования по археологии СССР 11.
- ГАЙДУКОВ, П.Г., П.Д.МАЛЫГИН. 1989. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. М.
- ГАТЦУК, С.А. 1904. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии // Известия Археологической комиссии 6. СПб..
- ЕРШЕВСКИЙ, Б.Д. 1989. Письменные источники и материалы новгородской сфрагистики о безмонетном периоде // Новгород и Новгородская земля. Новгород.
- КУЧКИН, В.А. 1984. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М.
- ЯНИН, В.Л. 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т.1–2. М.

В соответствии с договором о сотрудничестве ИИМК РАН и Тверского государственного объединенного музея сотрудники Института ведут охранные раскопки на территории. Твери. В частности, широкие масштабные работы на посадах дают материалы для ответов на основные вопросы: о начале освоения, наличии ранних очагов застройки, особенностях сложения городской планировочной структуры посадов, плотности застройки, занятиям древних жителей. На Загородском посаде выполнены ряд раскопок и наблюдений. Раскоп №5 1992 г. (1236 м²; А. В. Курбатов) занимал Ю часть посада, на пересечении ул. Трехсвятской и Жихарева (Прогонной), примыкавшую к “острожному рву” XVII в., а возможно и выходил за границы “острога”, в отмеченные исследователями “слободы” (рис.). В писцовых книгах 1626 г. и 1685 г. вдоль северного берега р. Лазури указаны “пустые места”, взятые крестьянами в запашку. Одна из улиц – Козьмодемьянская – выходявшая за границы “острога”, возможно, проходила вблизи места раскопок. Здесь зафиксированы фундаменты каменных строений, подполья деревянные домов, серии хозяйственных и столбовых ям кон. XVIII – сер. XX вв. К XVII – 1-й пол. XVIII в. можно относить подвал, укрепленный срубной конструкцией, ориентированный углами по странам света. Такое положение существенно отличается от регулярной планировки посада после пожара 1763 г., отражающееся и в современной застройке Твери. Строительная активность XVIII в. подтверждается сериями находок – красноглиняных курительных трубок, самоварной крышки, ружейного замка, мушкетного рожка?, фрагментов бутылей из “каменной массы”, глиняной свистульки, монет 1737 и 1799 гг. Отдельные находки из поздних комплексов могут относиться к XVI–XVII вв. – каменная форма для отливки бронзовых булавок и фрагмент глиняного тигля. Раскопом №8 в 1992 г. (730 м²; В. А. Лапшин) раскрыт участок на пересечении улиц Володарского (бывш. Скорбященской) и Желябова (Козьмодемьянская), на ЮВ окраине Загородья. Здесь также встречены остатки каменных и деревянных строений кон. XVIII–XX вв. и различных, хозяйственных ям. Единичные объекты (подвал деревянной? жилой постройки и хозяйственная яма) с отличной от других строений ори-



Исследованные участки Загородского посада Твери.

ентировкой и выходящие за линию застройки XIX – нач. XX вв., можно относить к 1-й пол. XVIII в. В 1992 г. также велись наблюдения при прокладке коммуникаций (Т. А. Чукова) на В отрезке ул. Вольного Новгорода (бывш. Косая Новгородская), к В от церкви Рождества Христова “в Рыбаках”, примерно в районе ул. “Рыбаки”, отмеченной в писцовых книгах XVII в. По реконструкции А. С. Щенкова здесь располагалась “Ямская слобода”. Протяженность наблюдаемых траншей – 148 м (мощн. отложений до 1,0–1,4 м). В предматериковой части встречены отдельные предметы, в т. ч. керамика, XVIII в.

В 1994–95 гг. велись раскопки в квартале №48, ограниченном бульв. Радищева (Мироносицкая ул.), ул. Каляева (Симеоновская), Трехсвятская и Студенческим (Владмирским) пер. (1510 м²; раскопы №№14 и 16 – А. В. Курбатов, раскоп №15 и траншеи коммуникаций – В. И. Кильдюшевский). Открыты основания каменных и деревянных жилых домов, хозяйственных сооружений и ям, в основном, кон. XVIII–XX вв. Графические и письменные сведения по застройке частных дворовых владений для XIX – нач. XX вв. привязывают открытые объекты к деятельности конкретных домовладельцев, например мещанину Андрею Долгову и вдове надворного советника Анне Власьевской – для 1-й пол. XIX в. и мещанина В. И. Андреевского для 1874 г. Это значительно расширяет возможности историко-культурного изучения жизни горожан кон. XVIII – XX вв. К XVII – 1-й пол. XVIII в., видимо, относятся серии частокольных канавок и заглубленных в материк сооружений, выделяющихся ориентацией, несовпадающей с планировкой кон. XVIII в. В раскопе №16 прослежены остатки трех сменяющих, друг друга по мере сгнивания, оград, образующих угол одного из частных владений, смещенного на 15–20° относительно Мироносицкой ул. Эти остатки древней, дорегулярной планировочной структуры посада в некоторой степени подтверждают предложенную А. С. Щенковым реконструкцию застройки Твери кон. XVII – нач. XVIII вв. Культурные слои на участке раскопок (мощн. до 1,5–1,6 м) содержат ненарушенные предматерики отложения (до 0,25–0,30 м) гумусированной супеси с большой примесью золы и деструктурированного угля. С ними и связаны ранние объекты, в заполнении которых найдены красно- и сероглиняная, а также беложгущаяся керамика, фрагменты курительных трубок, сосуды с лошением, а также части

стеклянного сосуда, бутылей из “каменной массы”, в т. ч. — с клеймом земли Гессен-Нассау. В самом слое, помимо заполнения ям, найдены немногочисленные мелкие фрагменты керамики тех же видов. Кроме того, в раскопе №15 найдены предметы более раннего времени, происходящие из позднейших комплексов — фрагмент витого стеклянного браслета и ключ от навесного замка, видимо, XV—XVI вв. Их присутствие здесь можно объяснить вероятным вывозом грунта из центральных районов посада или кремля при многочисленных земляных работах в XIX—XX вв.

Таким образом, проведенные раскопки показывают сложение усадебной застройки на периферийных участках Загородского посада, происходившее, скорее всего, в XVII — 1-й пол. XVIII в. До этого здесь лежали пахотные и огородные земли, принадлежавшие, вероятно, горожанам. Подобное положение не исключает наличия отдельных локальных очагов более ранней застройки.

А. И. Сакса, В. И. Тимофеев

ИССЛЕДОВАНИЯ

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА

Группа памятников у пос. Куркиеки Лахденпохского р-на Карелии, охватывающих временной интервал от неолита до средневековья, была случайно обнаружена в 1927 г. местным крестьянином. Памятники расположены на пологом Ю склоне возвышенности в 200 м от берега залива Ладожского оз. и в 1,4 км от находящегося на противоположном берегу залива пос. Куркиеки.

Впервые раскопки на месте ныне несуществующей дер. Куупала провел финский археолог Н. Клеве в 1927—28 гг. Выяснилось, что на этом холме под названием Калмистомяки (Могильная гора) имеются остатки разрушенных пахотой поселения эпохи неолита и средневекового могильника (XI—XV вв.). Было определено, что нижняя граница поселения каменного века проходит у отметки 13,51 м над ур. моря. Наиболее ранние материалы коллекции относятся ко 2-й пол. неолитического периода. Н. Клеве разделил найденную керамику на два вида: выше отметки 22,64 м найдена типичная карельская ямочно-гребенчатая керамика, ниже встречалась более молодая керамика с примесью асбеста. При работах 1927—28 гг. и раскопках И. Войонмаа в 1937—38 гг. найде-

ны керамика и отдельные вещи эпохи викингов и более позднего времени, а также ряд безинвентарных могил.

Памятник был вновь обнаружен при разведочных работах в 1985 г. Основные раскопки проведены в 1986–87 гг. и в 1995 г. При раскопках 1986 г. в нижней части склона у отметки 18 м под примерно метровым слоем пахотной земли и песка выявился культурный слой стоянки, содержащий главным образом асбестовую керамику, при незначительных включениях ямочно-гребенчатой керамики. В 1987 г. раскопки поселения были продолжены при участии В. Я. Шумкина. Раскоп (64 м²) дал многочисленную керамику, преимущественно эпохи раннего металла, в том числе значительную серию фрагментов сосудов с примесью в тесте асбеста. Для этого комплекса получена дата 2920±380 л. н. (Ле-4145).

В 1995 г. в 6 м к В от раскопа 1986–87 гг., в той же нижней части склона между отметками 18,53–17,90 м (С край раскопа) и 16,49–16,39 м (Ю край) был заложен "лабораторный" раскоп II (64 м²). Верхняя часть вскрытых отложений нарушена пахотой. Ниже залегал темный опесчаненый слой с обильными углистыми и золистыми включениями, оставленный (по мнению Х.-М. Ваалы, Швеция) поселением железного века. Слой практически не содержал находок. Из него в нижележащие отложения были впущены ямы и мелкий "столбовые" ямки. Ниже залегал слой желтого песка с включениями углей, подстилающийся алевритом. Мощность слоя в центральной и Ю частях раскопа – 40 см, на верхних по склону участках он выклинивался, в слое песка отмечены многочисленные находки.

При работах особое внимание уделялось фиксации находок и отбору образцов для разработки детальной хронологии. Каждый предмет фиксировался индивидуально в трехмерной системе координат с точностью до 1 см, что дает возможность детального анализа планиграфического и стратиграфического распределения материала. Здесь же с аналогичной документацией были отобраны десятки образцов для проведения радиоуглеродного, споропыльцевого, диатомного и макрофоссного анализов. Отбор осуществлялся учеными из Финляндии (Т. Лемпийнен, Е. Грэнлунд, Х. Симола, А. Ниссинахо) и Санкт-Петербурга (Г. М. Левковская, В. И. Тимофеев, А. И. Сакса). Анализ образцов производится в настоящее время в лабораториях университетов Турку и Йёнсуу в Финляндии, Геологической службы Финляндии и ИИМК РАН.

Столь широкий международный интерес к материалам раскопок в Кууппала продиктован значимостью памятников этой группы для решения вопросов, связанных с историей Ладожской трансгрессии и историей первобытного населения Карелии, в частности, историей земледелия.

Предварительно систематизируя полевые наблюдения на этом раскопе, можно считать, что временная стоянка скорее всего находилась "на пляже" древнего водоема. Планиграфически, что подтверждается и некоторыми стратиграфическими наблюдениями, находки следуют линии уреза воды. На вскрытой площади отмечены скопления камней со следами обожжения и линзами углей на смежных участках, соответствующие скорее всего разрушенным (размытым) очагам.

Среди находок небольшая группа представлена неолитической (ямочно-гребенчатой) керамикой, залегавшей, как правило, на материке в основании слоя. Преобладают фрагменты сосудов эпохи раннего металла, обломки "классической" асбестовой керамики немногочисленны. Большинство сосудов было изготовлено из теста с комбинированной (органической с добавлением минеральной) примесью. Отмечено также использование в качестве примеси толченого известняка. Орнаментация сосудов разрежена, состоит из редких оттисков гребенчатого штампа, прочерченных линий, ямчатых вдавлений. Срез края венчика уплощен, иногда украшен насечками. Среди каменных изделий – отщепы, отдельные орудия из кварца, фрагмент шлифованного сланцевого топора, кремневый двустороннеобработанный наконечник стрелы. Найдены крупная янтарная подвеска (пластинчатой трапециевидной формы) и два обломка изделий из янтаря. Предварительно основной комплекс стоянки можно отнести ко II тыс. до н.э.

Уникальность этой стоянки, единственной для своего времени на всей этом обширной территории северного и западного Приладожья, еще и в расположении, как и неолитического поселения этого же участка, на склоне берега Ладоги. Это обстоятельство позволяет уточнить хронологию и процесс трансгрессии озера. Еще со времен публикации Ю. Айлио (1915) принято считать, что граница Ладожской трансгрессии на севере Ладоги представлена серией береговых валов с отметками береговой линии 20–21 м. Своего максимума Ладожская трансгрессия достигла ко времени возникновения р. Невы, которое в настоящее время относится к

3100 л. н. В этом смысле материал поселения, содержащего керамику и другие остатки эпохи неолита и эпохи раннего металла и привязанного к отметкам 16,50–17,32 м (раскоп 1987 г.) и 16,96 – 17,60 м (раскоп 1995 г.) в сочетании с серией датировок, несомненно принесет новые данные по затронутой проблематике.

Интересно, что среди находок нет материалов времени, непосредственно следующего за эпохой раннего металла. Более поздние следы пребывания человека на этом участке относятся уже к эпохе викингов и средневековью. В 1995 г. выявлено 11 погребений, в двух из которых (раскоп II) были вещи. Инвентарь этих погребений (бронзовая рукоять ножа, поясная пряжка и наконечник стрелы в одном случае и мотыга, удила и обломок серпа в другом) в сочетании с промежуточной между языческой и христианской ориентацией (СВ – ЮЗ) позволяет говорить о наличии на могильнике могил переходного к христианству периода, предварительного относимому к XIV–XV вв.

Раскопки 1986–87 гг. (80 м²) и 1995 г. (раскоп 1, 72 м²) подтвердили данные, полученные раскопками довоенных лет: подавляющая часть неолитической керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией обнаружена выше Ю границы раскопа, проходящей по отметке 21,56 м. К, сожалению, практически вся керамика происходит из пахотного слоя. На материке (светлая твердая глина с примесью песка) фиксируются лишь отдельные камни и углубления – возможные следы очагов и жилищ. Такого рода углубление было расчищено в верхней части раскопа I (1995 г., отметки по краям 23,61 м и 22,42 м при глубине от краев до 40 см в С части). С запада к нему примыкал большой плоский камень, с Ю стороны которого расчищен очаг с сохранившимися камнями и небольшим количеством углистой земли (высотная отметка 22,42 м). В этой наиболее хорошо сохранившейся части поселения собрана большая часть неолитической керамики.

Богатство и разнообразие материалов памятников Кууппалы, а также условия, благоприятные для междисциплинарного, в том числе международного сотрудничества, позволяют рассматривать этот район в качестве перспективного для многолетних стационарных исследований.

**РАБОТЫ ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ОБЩЕСТВА "ПАМЯТЬ БАЛТИКИ" В ВЫБОРГСКОМ ЗАЛИВЕ В 1995 г.**

1995 год – год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне и 205-летия со дня Победы Балтийского флота под командованием адмирала В. Я. Чичагова над Шведским флотом в Выборгском морском сражении 22 июня 1790 г. В этом бою шведский флот под командованием короля Густава III потерял 7 линейных кораблей, 3 фрегата и более 50 галер и гребно-парусных судов. Эти знаменательные даты определили план подводных исследований в Восточной Балтике в 1995 г.

Подводно-археологическая экспедиция общества "Память Балтики" продолжила поисковые работы по Программе ИИМК "Составление Свода подводных памятников истории и культуры Восточной Балтики"¹. Работы в районе Выборгского морского сражения у м. Крестовый, на банке Пааслуото и Транзундском рейде велись с 1 по 9 июля на экспедиционном водолазном судне "Мичман Чайкин" (водоизмещение 116 т, 2-камерная барокамера и водолазная станция); состав экспедиции (вместе с аквалангистами и экипажем) – 20 человек.

У м. Крестовый магнитометром обследован полигон 5x8 кабельтовых (925x1480 м), располагая поисковые галсы через каждые 30 м и координируя место нахождения поискового судна с помощью спутниковой навигационной системы. Выявлено 4 места максимальных всплесков сигналов магнитометра. Однако аквалангисты на месте сильнейшего сигнала магнитометра на поверхности дна ничего не обнаружили. Очевидно, железный предмет, дающий мощный импульс, находится под слоем донного грунта. Видимо, в этом месте надо работать с ручным донным магнитометром и с помощью грунтососа размыть грунт.

На банке Пааслуото работы проводились после изучения карт и архивных данных, обнаруженных в Петербурге, а также карты, изданной в Швеции. По этим изысканиям получилась такая кар-

¹ Экспедицию возглавил К. А. Шопотов – к. и. н., капитан 1 ранга в запасе, президент общества "Память Балтики"; научное руководство осуществлял И. В. Диваков – к. и. н., Московский морской центр при Правительстве РФ; эксперт по морской археологии – А. С. Голенцов, ИИМК.

тина боя. У м. Крестовый во главе с флагманом 74-пушечным кораблем "Lovisa Ulrika" выстроился отряд из 4-х шведских кораблей, которые противостояли отряду контр-адмирала Повалишина. Шведские суда обозначали также ось фарватера для прорывающихся кораблей короля Густава III. Выполнив поставленную задачу, линейный корабль снялся в якоря, чтобы самому прорваться сквозь русские корабли. При неудачном маневре он врезался в СВ оконечность каменной гряды банки Пааслуото, верхние камни которой залежали на глуб. 3 м. При осадке 6 м, корабль, распоров днище, сел на камни; штормовая волна добила его. За 205 лет обломки корабля сползли с вершины банки вглубь и застряли в расщелине, где их замыло песком...

При погружении от вершины каменной гряды по склону к ее подножию на глубине 30 м опытный аквалангист Д. Столбов обнаружил в расщелине большое скопление деревянных конструкций и обломков и поставил буй. Водолазы провели визуальный осмотр объекта и сделали серию зарисовок и замеров. Им удалось также провести телесъемку обнаруженных обломков корабля.

Обработка материала, включая два фрагмента корпуса корабля, поднятых на поверхность и сданных в Выборгский музей, показала следующее.

1. Подводная телесъемка помогла увидеть (на пл. ок. 50 м²) массивные конструкции, фрагменты корпуса и рангоута большого деревянного парусного корабля.

2. В 200 м от лежащего в расщелине корабля, на вершине гряды банки Пааслуото, на месте, откуда этот корабль сполз после посадки на камни, в 1992–93 гг. мы нашли пушечные ядра 3-х калибров; свинцовые пули для мушкета, которые в мешочках развешивались на вантах линейных кораблей XVIII в. для стрелков-снайперов, поражавших командный состав кораблей противника; обожженные куски керамической плитки, из которых складывали камбуз на судах XVIII в.; куски свинцовой обшивки подводной части корпуса корабля, мачтовый эзельгофт и штаг-юферс.

3. На шведской карте Выборгского морского сражения (История шведского флота. 2. 1948:523) видно, что путь "Ловизы Ульрики" от м. Крестовый ведет прямо на СВ оконечность банки Пааслуото. Что особенно важно – затонул в этой точке в ходе сражения только один корабль – "Ловиза Ульрика". Таким образом,

у СВ оконечности банки Пааслуото, $60^{\circ}28'43''$ с. ш. и $28^{\circ}09'46''$ в. д. в расщелине на глуб. 30 м подводно-археологической экспедицией общества "Память Балтики" найдены засыпанные песком обломки самого крупного шведского 74-пушечного линейного корабля "Ловиза Ульрика" (названного именем матери Густава III), погибшего 22 июня 1790 г. в Выборгском морском сражении.

В районе Транзундского рейда экспедиция вела поиск бронекатеров, погибших в морской десантной операции при взятии о. Тейкар-Саари (Игривый). Кроме хороших сигналов магнитометра в предполагаемых точках гибели бронекатеров в конце галса, ближе к о. Кормовому, прибор неожиданно дал очень сильную отметку. Д. Столбов на глуб. 14 м сразу обнаружил довольно крупное судно. Дальнейшие исследования показали, что это хорошо сохранившееся цельное деревянное парусное судно дл. 30 м, шир. 10 м, выс. борта 6 м. Мачты отсутствуют, руль и утки деревянные, шпигаты двух видов: одни оббиты красной медью хорошо выделанными медными гвоздями для проводки по ним выходящего за борт такелажа, другие оббиты свинцовыми плитами с выведенными за борт свинцовыми квадратными трубками для стока воды с верхней палубы. Корабль горел (видны следы пожара). В носовой части обнаружена металлическая кранбалка, которая и дала отметку магнитометра. Затонуло судно, на наш взгляд, не менее 100 лет тому назад.

II. НОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

**К. М. Байпаков
(Алма-Ата)**

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В 1995 г.

В Институте археологии Национальной АН Респ. Казахстан разрабатываются 2 крупные темы: “Древние культуры Казахстана в системе цивилизации Центральной Азии”, “Великий Шелковый путь: взаимодействие кочевых и оседлых культур”. Соответственно проблематике были организованы и полевые исследования.

Изучение памятников палеолита и неолита произвела совместная Казахско-российская комплексная археологическая экспедиция (Ж. К. Таймагамбетов, А. П. Деревянко). Велись раскопки на местах выходов древних “грифонов” Кошкурган и Шоктас. Траншеи прорезали толщу травертинов. Были найдены сцементированные куски древней почвы с включением остатков древней фауны, а также изделия из камня эпохи верхнего палеолита.

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (Ж. К. Курманкулов) проводила изучение памятников эпохи бронзы на территории национального историко-краеведческого заповедника “Улытау”. Продолжены раскопки пос. Талдысай (XIV–X вв. до н. э.), где вскрыты 5 жилищ наземного типа. На поселении найдены остатки медеплавильных печей, дробленая руда, шлаки. Памятники бронзового века изучались также в Семиречье (А. Н. Марьяшев). На мог. Талапты III в долине Коксу вскрыты погребения в каменных ящиках. В мог. Кульай в Центральном Тяньшане продолжены раскопки погребений в грунтовых ямах, обложенных деревянными рамами. Захоронения совершены по обряду трупосожжения и относятся к периоду финальной бронзы.

Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (К. М. Байпаков) вела работы в составе нескольких отрядов. Казахско-американский отряд состоял из двух групп. Американс-

кая группа, которой руководил проф. К. Чанг (колледж Свит Брайер, Вирджиния), продолжала начатые в 1994 г. раскопки позднесакского пос. Тузусай, в 20 км к В от Алма-аты. Обнаружены остатки построек из сырцового кирпича. На полах помещений расчищены прокалы красного цвета на месте очагов. Удалось вычлениить несколько уровней обживания построек. Пока, ввиду плохой сохранности стен и сравнительно небольшой площади раскопок, не удастся определить планировку жилых построек, но уже сейчас можно говорить о полуземлянках.

Взятые из заполнений жилищ образцы семян растений были определены в лаборатории Музея Пенсильванского университета как семена ячменя и пшеницы. Там же были сделаны определения остеологического материала. В процентном соотношении стадо домашних животных Тузусая выглядит так: лошадь (15%), корова (26%), коза/овца (55%), собака (4%).

Продолжались раскопки средневекового городища Талгар, отождествленного со средневековым Тальхиром, расположенным на трассе Великого Шелкового пути (Т. В. Савельева). Получен новый материал по городской застройке, домостроительству, ремеслам, торговле, культуре.

Были проведены поиски поселений раннего железного века и средних веков в басс. р. Талгар (Талгарский регион). Открыты остатки 8 поселений и 5 средневековых поселений и городищ.

Удалось совместно с ботаниками, экологами, геологами подготовить карту Талгарского региона М 1:100000, которая показывает распространение растений, оценку землепользования и полный каталог всех растительных видов. Предполагается многоотраслевое исследование по реконструкции окружающей среды Талгарского басс. с начала периода железного века до средневековья (VIII в. до н. э. – XIII в. н. э.).

Таразский отряд ЮККАЭ начал раскопки пос. Тортколь в 15 км восточнее г. Жамбыла, отождествляемого с известным городом Нижний Барсхан (М. С. Касенов). На цитадели городища вскрыто 4 помещения по уровню VI–IX вв. Стены сложенные из пахсовых блоков и кирпича из сырца сохранилась на выс. 2–2,5 м. На полу одного из помещений найдены куски резного штука, тюркешская монета и бронзовая серьга. Керамика характерна для тюрко-согдийского культурного комплекса.

Отрарский отряд совместно с Отрарским музеем-заповедником (М. С. Ходжаев) продолжил раскопки соборной мечети кон. XIV – нач. XV в. на городище Отрар. Оконтурена примыкающая к мечети площадь, замкнутая стеной из жженого кирпича.

Казахско-французский отряд (З. С. Самашев, А.-П. Франкфор) в рамках международной программы “Корпус петроглифов Казахстана” проводил исследования в Приджунгарье на горе Баян-Журек (Капальский перевал). Произведена фиксация рисунков, изучена геолого-геоморфологическая ситуация, выполнены геомикробиологические и трасологические исследования.

В результате полевых исследований 1995 г. получен новый материал для характеристики древней и средневековой истории, истории культуры и палеоэкономики Казахстана.

**И. Зелеке
(Эфиопия)**

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕЙШИХ АШЕЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЮЖНОЙ ЭФИОПИИ (КОНСО-ГАРДУЛА)

В 1995 г. продолжались работы совместной эфиопо-японской экспедиции на юге Эфиопии в р-не Консо-Гардула (рук.: д-р И. Бейне и д-р Ген сува). В работах 1995 г. принимали участие автор и вед. н. с. ИИМК РАН Г. П. Григорьев. За годы работы экспедиция собраны значительные коллекции каменных орудий и скелетных остатков ранних гоминид. Стоянки расположены в басс. р. Сагана в В части Великого африканского рифта, открыты в 1991 г. к С от г. Консо. Местность здесь – довольно плоская равнина (ок. 15x5 км), прорезанная многочисленными оврагами, в стенках которых просматривается строение. В основании лежат докембрийские осадочные породы, на которых сформировалась мощная пачка эоплейстоценовых и раннеплейстоценовых отложений (пески и глинистые породы, разделенными прослойками вулканического пепла). В 1992 г. найдена нижняя челюсть раннего гоминида, а в 1993–95 гг. – останки представителей рода homo и австралопитековых. Каменные орудия ашельского облика из базальта, кварцита и кварца найдены в ряде пунктов. Ранее ашельские памятники в южной Эфиопии не были известны. Помимо каменных орудий, найдены многочисленные костные остатки слонов, носорогов, бегемотов, копытных и приматов. Большое ко-

личество каменных орудий происходит из подъемного материала, но имеется также несколько разрезов, где каменные изделия вместе с костными остатками приурочены к определенным слоям.

В 1995 г. исследования проводились в пункте KGAIV-2. Отсюда происходит многочисленный подъемный материал (до десятка крупных каменных изделий на квадратный метр), собранный на площадке 10–15 м в поперечнике. Раскопки, как естественные обнажения в стенах оврага показали наличие только одного хорошо выраженного культурного слоя с достаточно ясной верхней и нижней границей, поэтому есть основания считать материал, собранный на поверхности в этом пункте, единым. Часть культурного слоя была разрушена в результате естественных причин (эрозия, землетрясения. Сбор материала происходил по квадратам, с нанесением артефактов на план. При этом обращало на себя внимание, что сборы 1993–94 гг. как будто давали больше всего рубил, далее шли колуны, тогда как ядрищ было мало, и они были по преимуществу мелкие. Напротив, в материале, собранном в 1995 г., более всего было ядрищ, и они были крупнее, чем в коллекции прошлого года и морфологически другими. Ядрища, найденные в прошлые годы, относились к так называемым диско-видным, т. е. были уже плоскими, тонкими и удары по ядрищу наносились с разных сторон. Было много площадок, что бывает, когда ядрище уже иначе и нельзя использовать. Напротив, ядрища из сборов 1995 г. были сделаны из массивных, крупных кусков и по своей морфологии относились к мало использованным, к так называемым леваллуазским. Их бока были намеренно оббиты, была подготовлена ударная площадка, косо поставленная по отношению к продольной оси изделия, иногда сохранялись и следы оббивки на будущей плоскости раскалывания. Здесь подготавливалась продольная ось, в направлении которой наносились удары. Иногда, хотя и редко, отмечались и ядрища со скалыванием с ребра. Часть ядрищ имела несколько ударных площадок. Ядрищ было много относительно рубил и колунов, напротив, отщепов было сравнительно мало, и как следствие – мало орудий на отщепах. Сравнение двух групп материала, собранных на одном ограниченном участке, показывает разницу в количественном соотношении разных категорий изделий. Вместе с тем, материал со всего пункта обладает общими чертами. Среди собранных артефактов преобладают крупные (ок. 7–25 см), хотя природа этих предме-

тов разная: это и ядрища, и отщепы, и орудия. Мелкие изделия составляют незначительный процент. В наборе изделий с исследованного пункта отсутствуют пластины и более или менее вытянутые отщепы. Перед нами типичный пропуск, отсутствие категории или категорий, которые/ая присутствовали на этом месте первоначально. Уверенно говорить о возможном присутствии пластин или отщепов вытянутых пропорций можно потому, что есть негативы сколов на ядрищах, которые показывают, что на этом месте шел процесс скалывания, и отделялись длинные достаточно крупные пластины, но они до нас не дошли. Существование же орудий на отщепах (но не орудий из группы крупных рубящих: рубил, колунов, чопперов) столь точно доказать нельзя; ясно только, судя по немногим дошедшим до нас экземплярам, что такие орудия были. Как много было таких орудий на данной стоянке, покажут дальнейшие исследования.

**Н. К. Анисюткин, У. И. Исламов, К. А. Крахмаль,
Б. Сайфуллаев, Н. О. Хушваков
(Санкт-Петербург, Ташкент)
РАСКОПКИ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК В 1995 г.**

В 1995 г. Кульбулакский палеолитический отряд Ташкентского отдела Института археологии АН Респ. Узбекистан (рук. — член-корр. АН Узбекистана У. И. Исламов, научн. конс. — вед. н. с. ИИМК РАН Н. К. Анисюткин) продолжил исследование стоянки Кульбулак и местонахождений в его окрестностях.

Раскоп (20 м²) был заложен в ЮВ части стоянки, привязан к 3 стенке раскопов М.Р. Касымова 1982–87 гг., в 6 м к 3 от раскопа 1994 г. Из-за плохой сохранности стенок, на уровне верхних слоев исследованная площадь была немногим более 10 м². Нижний слой 4 исследован на 20 м².

Стратиграфия аналогична стратиграфии раскопа 1994 г. В толще мощн. 1 м выделено 3 слоя: верхний (слой 1) — супесь серого цвета с желтоватым оттенком, средний (слой 2) — супесь желтовато-серого цвета и нижний (слой 3) — тяжелый суглинок пепельно-серого цвета с зеленоватым оттенком. Последний, определяемый в 1994 г. как слой 3А, был прекрасно выражен (мощн. ок. 0,25 м). Он залегал непосредственно на слое обломочного материала с окатанными угловатыми обломками различных пород камня

разного размера, заполнитель – супесь и песок охристо-желтого цвета со следами ожелезнения. Видимая мощность слоя 4, выявленного на глуб. более 1,2 м, свыше 0,5 м.

Глубина залегания археологического материала соответствовала показателям 1994 г. Отчетливо выражены стерильные прослойки. Находки из слоя 1, обнаруженные только на двух крайних Ю квадратах, были немногочисленны. Здесь, в основании слоя, найден обломок нижней челюсти небольшого копытного животного. Каменных изделия представлены 3 орудиями, 2 нуклеусами, 2 обломками пластинок, 4 отщепами, 11 чешуйками и мелкими осколками. Все орудия относятся к скреблам на пластинчатых отщепах, а оба атипичных остаточных нуклеуса имеют дополнительную обработку, превращающую их в долотовидные формы.

Находки слоя 2 более многочисленны и распространены по всей площади, залегая, как в 1994 г., тонким горизонтом. Ни костей животных, ни углистых скоплений, ни даже отдельных древесных угольков, как и в выше лежащем слое, не обнаружено. Коллекция кремневых изделий представлена 19 орудиями (7 скребков, 2 типичных скребла, 5 зубчатых орудий, 2 долотовидных, 3 пластинки с ретушью), 12 отщепами с ретушью, 1 остаточным нуклеусом, 3 пластинками, 12 отщепами, 21 мелкими отщепами и чешуйками, 25 осколками и обломками. Стерильная прослойка (0,2 м) отделяет находки этого слоя от вышележащего. Коллекции из слоев 1 и 2 можно отнести к позднему палеолиту.

В слое 3 найдено ок. 30 кремневых изделий, включая типичные мустьерские формы – удлиненный остроконечник, острие типа "кинсон", разнообразные скребла и 1 зубчатое орудие. Этот комплекс относится к типичному мустье.

В слое 4, который в 1994 г. мы определяли как слой 3 и который не вскрыт на всей площади, найдены каменные изделия мустьерского облика. В их числе имелись окатанные предметы, которые случайны в слое 2, но отсутствуют в слое 3. Последний лежит непосредственно на отложениях слоя 4.

Раскопки 1995 г. подтвердили данные 1994 г., уточнив положение слоя 3А, который выделен в самостоятельный слой 3. Можно допустить, что все верхние слои находятся в непотревоженном или слабо потревоженном положении. Существенно деформирован слой 4, каменные изделия которого связаны с отложениями селевого, грязе-каменного потока.

Небольшие расчистки на местонахождении раннего палеолита Кызылалма позволили выявить горизонт (мощн. до 0,25 м) с кремневыми изделиями, который находится под 3-метровой толщей лесса на поверхности красноцветов, представляя собой очень плотный суглинок красновато-коричневого цвета с многочисленным известняковым щебнем. Найденные здесь кремневые изделия покрыты слабой патиной и имеют хорошую сохранность. В коллекции (с поверхности плоскости эрозии красноцветных отложений и непосредственно из слоя) 74 кремневых изделия, включая 10 нуклеусов и 26 орудий (чопперы, чоппинги, скребла выемчатые и зубчатые орудия, тайякские острия). В нижней части лесса найден выразительный бифас и типичный отщеп леваллуа.

Небольшие материалы собраны на поверхности среднеплейстоценовой террасы на местонахождении Джарсай. Найдено несколько типичных отщепов леваллуа и треугольный нуклеус для острий, которые аналогичны изделиям, найденным в 1994 г.

К. Шимчак, Т. Ю. Гречкина
(Варшава, Самарканд)

ПОЛЬСКО-УЗБЕКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ПЕРВЫЙ СЕЗОН ПОЛЕВЫХ РАБОТ.

Польско-узбекистанская археологическая экспедиция организована в сентябре 1994 г., в соответствии с соглашением между Институтом археологии Варшавского Университета и Институтом археологии АН Узбекистана (Самарканд). После ознакомления с современным состоянием исследований было решено сосредоточить работы на трех основных направлениях:

1. Средний палеолит долины р. Зеравшан.
2. Мезолит и ранний неолит Юго-Восточных Кызылкумов.
3. Геологические, геоморфологические, хронологические данные, древняя природная обстановка в исследуемых районах расположения памятников каменного века Узбекистана.

Полевые работы были начаты 8 августа и завершены 7 октября 1995 г. Исследовательский коллектив: д-р К. Шимчак, 4 его студента (Д. Багинска, М. Левандовский, Г. Кальвак, М. Милевский), геолог проф. Т. Мадейска, консультант проф. В. Хмелевский с польской стороны и к. и. н. Т. Ю. Гречкина, к. и. н. М. Худжаназаров – со стороны Узбекистана. По 1-й проблеме нача-

ты раскопки среднепалеолитической стоянки Кутурбулак, в основном, для уточнения стратиграфической ситуации и разработки более детальной хронологии.

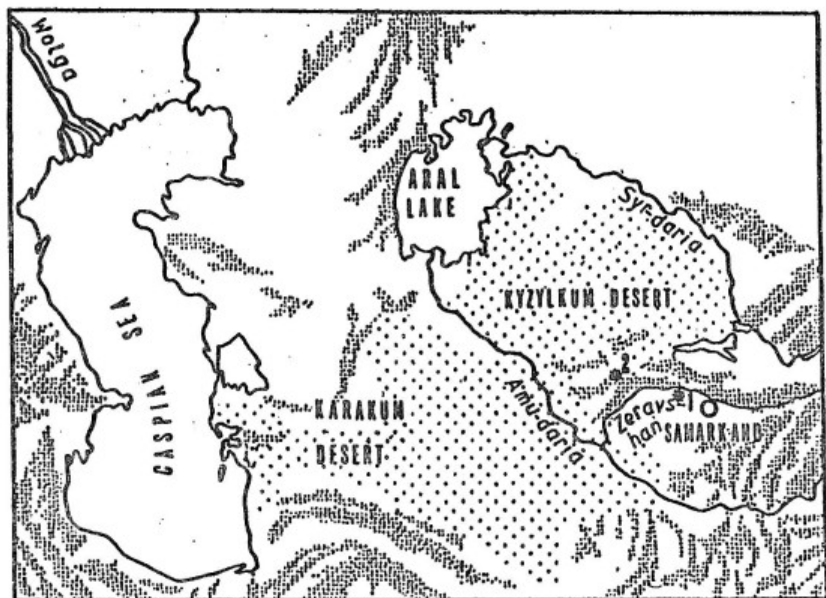


Рис. 1. Местоположение стоянок:
1 – Кутурбулак, 2 – Аякагитма.

Стоянка Кутурбулак расположена непосредственно близ родника на верхней террасе левого (Ю) берега долины р. Зеравшан, недалеко от г. Каттакурган, примерно в 100 км к З от Самарканда (рис.1:1). Раскоп 1995 г. (5x5 м), представлявший собой прямое продолжение раскопа Н. Х. Ташкенбаева и др. нач. 1970-х гг., показал, что ранее выделенные верхние слои I–IV были механически перемешаны. Однородный богатый комплекс среднепалеолитического времени был обнаружен лишь в слое V, залегающем в травертиновой линзе и стратиграфически ей соответствующем опесчаненном известняке. Исследовано скопление артефактов (ок. 8 м²), давшее ок. 1000 предметов из базальта, кварца и кремня. Наиболее характерны нуклеусы для отщепов (в т. ч. дискови-

дные), скребла, отщепы с ретушью, несколько треугольных остроконечников, концевых скребков, отдельные резцы и рубиловидные формы, серия изделий из широких и массивных пластин, среди них имеются удлиненные острия типа Кутурбулак (рис.2).

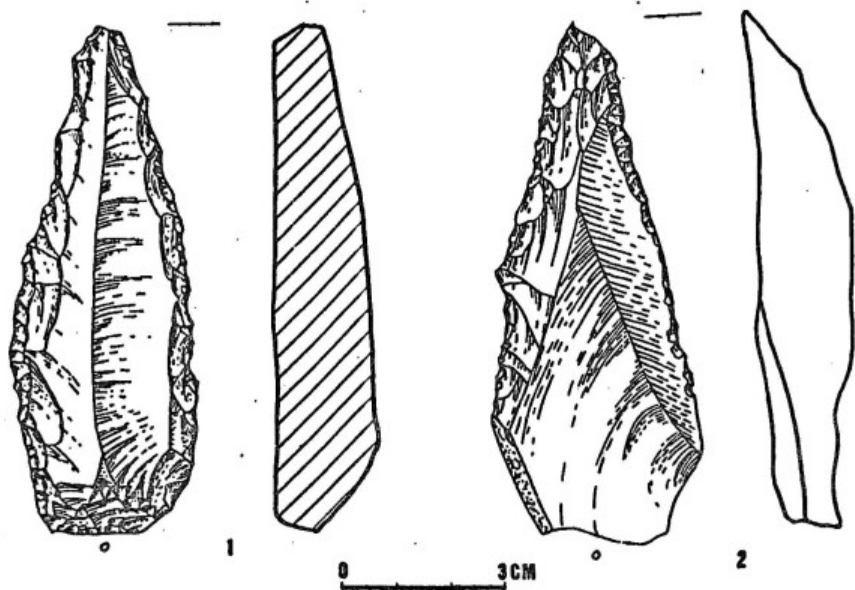


Рис. 2. Кутурбулак, среднепалеолитические острия.

Были отобраны образцы известковой массы и травертина для разработки хронологии памятника с использованием уран-ториевого и термолюминисцентного методов и образцы костного материала (плохой сохранности, в мелких фрагментах) для датирования фтор-хлор-апатитовым методом.

Обнаруженное скопление среднепалеолитического времени представляется перспективным для дальнейших исследований.

В связи с разработкой второй проблемы проведены археологические разведки в Юго-Восточных Кызылкумах, в районе ныне не функционирующей древней дельты (плейстоцен – ранний голоцен) р. Зеравшан. Выбор района исследований был обусловлен сведениями (особенно, по работам А. В. Виноградова), что Юго-

Восточные Кызылкумы изобилуют памятниками и находками, интересующих нас периодов.

Обследования долин Эчкиликся и Джилдувана и окрестностей впадины Аякагитма выявили несколько дюжин стоянок каменного века, в основном, мезолитических и раннеолитических. К сожалению, большинство стоянок развезено, первоначальные структуры ни стратиграфически, ни планиграфически не сохранились. Лишь один из памятников – стоянка Аякагитма (рис.1:2) представляет прекрасные возможности для будущих стационарных раскопок. Стоянка чрезвычайно богата находками и развезена лишь частично – сохранились по меньшей мере 35–40 см первоначальной мощности отложений. В слое песка, сцементированном солями и включениями гипса, отмечены кремневые артефакты и даже следы очага. Материал кельтеминарский: очень правильной формы конические нуклеусы (рис.3:4), преобладающие среди находок пластины (почти все они намеренно фрагментированы), маленькие, правильной формы концевые скребки, ретушированные пластины, сечения, проколки (рис.3:3), четырехугольные вкладыши, треугольники (рис.3:1), кельтеминарский наконечник с боковой выемкой (рис.3:2). Найдены также орудия из других пород камня, в том числе молот с полностью шлифованной поверхностью.

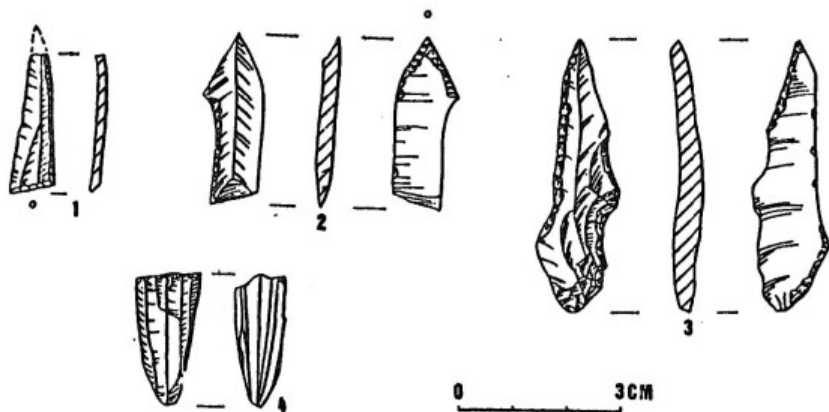


Рис. 3. Аякагитма: 1 – треугольник, 2 – кельтеминарский наконечник с боковой выемкой, 3 – проковка, 4 – конический нуклеус.

Некоторые из артефактов изготовлены из привозного сырья: фарфорово-белого цвета (из Центральных Кызылкумов) и желто-коричневого (неизвестного происхождения), но более 98% сделаны из местного кремня серо-бежевого цвета. Состояние их поверхности указывает, что выходы этого сырья находятся в окрестностях стоянки. Мы рассматриваем стоянку Аякагитма в качестве объекта для регулярных раскопок будущего года.

Задачей проф. Т. Мадейска (Институт геологии ПАН) был сбор данных для изучения широкого геологического фона в каменном веке, с особым вниманием к районам Кутурбулака и Аякагитмы. Результаты этих исследований будут опубликованы отдельно. Работы Польско-узбекистанской археологической экспедиции в 1995 г. осуществлены на средства Fundacja Na Rzecz Nauki Polskiej (Фонда польской науки), Института археологии Варшавского Университета, Института геологии ПАН и Института археологии АН Узбекистана. Рисунки к работе сделаны К. Шимчаком и М. Рожицкой.

В. А. Ранов
(Душанбе)

МОГУТ ЛИ ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ БЫТЬ ПОКАЗАТЕЛЕМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ?

Возраст геометрических микролитов в Средней Азии устанавливается достаточно четко благодаря стратиграфической колонке Туткаула, где низкие трапеции-прямоугольники лежат в аллювии 30-метровой террасы р. Вахш и их возраст определяется как геологически, так и сходством с прямоугольниками кебаранской культуры Леванта, — X–IX тыс. до н. э. Характерны для этой индустрии и каренатные скребки небольшого размера. Горизонт Туткаул-3, в котором они встречаются, отделен от следующего горизонта 2а слоем аллювиального песка толщ. 2,5 м. В индустрии 2а встречаются уже не прямоугольники, а сегменты. Их сопровождают типичные для этого этапа мезолита орудия — острия с затупленной спинкой (острия “туткаульского типа”). Верхняя граница их бытования определяется возрастом вышележащего горизонта Туткаул-2, принадлежащего уже неолитической гиссарской культуре (кон. VII — нач. VI тыс. до н. э.). Опираясь на стратиграфию Туткаула, а также датировку подобного орудийного набора в

Дам-Дам-Чашме-2, можно уверенно говорить, что эта стадия (поздний мезолит Средней Азии) датируется VIII–VII тыс. лет до н. э. Далее в стратиграфии Туткаула сегментов уже нет, а в гиссарском горизонте Туткаул-2 появляются небольшие симметричные трапеции. Полагаю, что такая последовательность: X–IX тыс. до н. э. – прямоугольники, VIII–VII тыс. до н. э. – сегменты, VI–V тыс. до н. э. – симметричные трапеции, правильно отражает смену формы геометрических микролитов для Средней Азии. Со смещением в сторону углубления возраста датировок сходная (хотя и неидентичная – расхождение на заключительном этапе) последовательность отмечается в Леванте: геометрический кебарин с прямоугольниками (13,5–10 тыс. л. до н. э.) сменяется натуфийской индустрией с сегментами (10–8,5 тыс. л. до н. э.), для которой характерны сегменты. Но затем появляются харифианские наконечники стрел (8,5–8 тыс. л. до н. э.) и, таким образом, здесь развитие индустрии прошло мимо таких типичных для неолита Евразии форм как трапеции. Все три элемента – прямоугольники, сегменты, трапеции имеются в подъемном материале, собранном в Северном Афганистане, что косвенно подтверждает правильность указанной последовательности.

Вместе с тем, такая смена геометрических микролитов может оказаться лишь локальной особенностью Средней Азии, которая совершенно необязательна для других регионов. Так, в Крыму сегменты и трапеции встречаются в одном мезолитическом слое, то же фиксируется и в индустриях Северной Африки, а также в раннем натуфе, где сочетаются прямоугольники и сегменты и т. д. Тем не менее, в Средней Азии подобная последовательность существует реально. По поводу происхождения геометрических микролитов имеются две гипотезы: согласно 1-й, приемы, приведшие к их появлению, первоначально возникли на Ближнем Востоке, а затем (возможно в связи с распространением производящей экономики) эти орудия постепенно появляются в других регионах, доходя до Британских островов и Магриба с одной стороны, и Средней Азии – с другой. Последователи 2-й гипотезы полагают, что как и многие другие формы артефактов, микролиты геометрической формы возникают независимо для каждого региона. Так, для Европы – это поздний верхний палеолит типа мадлена и романели, на Ближнем Востоке геометрическому кебарину предшествует негеометрический, в основе капсийского мезолита ле-

жит иберо-маврская культура и т. д. В этом случае, несомненно, что в индустриях региона, предшествующих геометрическим микролитам, должна уже быть в употреблении техника затупленной спинки, что и определило переход к рассматриваемым орудиям.

В этом плане пока затруднительно утверждать местное происхождение среднеазиатского мезолита. Техника затупливания спинки в верхнем палеолите этого региона имеется только в слое Шугноу-2, который по археологическим данным датируется мной 25–28 тыс. до н. э., но в следующем слое, Шугноу-1, определенном как финальный верхний палеолит (^{14}C дата, возможно заниженная, – 10500 ± 700) техники затупливания уже нет, как нет ее в других стратифицированных финальноверхнепалеолитических памятниках – Харкуше, Самаркандской стоянке, Кульбулаке, Оби-Рахмате. Этот факт свидетельствует, что мезолит с орудиями геометрических форм возник не на территории Средней Азии, а был занесен извне в процессе продвижения мезолитических племен с запада, скорее всего, с Ближнего Востока.

Были ли эти люди предками индоевропейцев, как возможно это имело место в Европе, сказать трудно. Надо учитывать, что андроновские племена, которые согласно наиболее распространенной гипотезе, принесли индоиранский лингвистический фон в Среднюю Азию, сформировались в зоне, свободной от геометрических микролитов. Существует предположение, что языком носителей гиссарской культуры, непосредственно сменяющей мезолит в Таджикистане, был язык бурушаски, который не принадлежит ни к одной из известных языковых групп.

**Р. Шильд
(Варшава)**

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ РАННЕГО МЕЗОЛИТА ПОЛЬШИ

В Польше в последние три десятилетия был раскопан ряд раннемезолитических стоянок. В нескольких из них археологические остатки залегали в органогенных отложениях. Эти памятники, из четких стратиграфических условий дали большие серии радиоуглеродных определений, что позволяет надежно установить хронологическое положение раннего мезолита Польши.

Все рассматриваемые в этой работе пункты таксономически определенно связываются с комплексами круга Северо-Западной

Европы, стилистически относящимся к раннему Дювензее или раннему Маглемозе. В Польше они рассматриваются в рамках нарвянского цикла по Венцковской и Марчак или коморницкой культуры по С. К. Козловскому. Их связь с технокомплексом раннее Дювензее/Маглемозе не подвергается сомнению. Мы начнем обзор радиоуглеродных определений с самых западных стоянок, двигаясь в восточном направлении.

В широком масштабе Северо-Европейской равнины радиохронология конца палеолита и раннего мезолита указывает на непрерывность, в пределах одинарной статистической ошибки датировок. Если ограничить масштаб рассмотрения географической единицей средних размеров, соответствующей территории Польши, то видим, по-прежнему, хронологическую непрерывность в пределах статистической ошибки. В то же время выявляются определенные группировки дат. Наиболее важны из них: древнейшие даты мазовшанского цикла (ок. 10800–10600 л. т. н.), соответствующие началу позднего дриаса; средне-мазовшанские (ок. 10500–9900 л. т. н.), середина и конец позднего дриаса; позднейшие мазовшанские (ок. 9800–9700 л. т. н.), относящиеся к раннему пребореалу, имеют тенденцию группировки с самыми ранними (9600–9300 л. т. н.) датами нарвянского цикла, тогда как ранние даты Хвалим и Цаловане несколько выпадают из этого ряда; ранние нарвяньские (ок. 9300–9000 л. т. н.), ранне-бореального времени; средне-нарвяньские (ок. 9000–8700 л. т. н.), второй половины раннего бореала; и, наконец, поздне-нарвяньские (ок. 8400–8200 л. т. н.) среднего-позднего бореала.

Совсем иную картину мы обнаруживаем в масштабе микро-районов. На двух наиболее исследованных участках в районах Войново и Цаловане, выявляется заметный пробел между датами ^{14}C позднейшего финального палеолита и наиболее ранними мезолитическими. В обоих районах имеется разрыв, примерно, в 200–300 радиоуглеродных лет. Этот разрыв нельзя объяснить по радиоуглеродным данным только польской части равнины. В 260 км к СЗ от района Войново с расположенной там раннемезолитической стоянкой Хвалим, в округе Бранденбург, находится знаменитая мезолитическая стоянка Фризак (ок. $12^{\circ} 6'$ в. д., $52^{\circ} 50'$ с. ш.). Стоянка дала выразительные серии радиоуглеродных определений возраста, полученных из четких условий. Наиболее ранние из них, из пачки $10\text{a}/\text{Xe}$, относятся к интервалу от 9680 до

9560 радиоуглеродных л. т. н. Они четко соответствуют промежутку между позднейшими мазовшанскими датами Цаловане (расположено почти точно в 500 км к ВСВ) – с одной стороны и наиболее ранними нарвяньскими датами Хвалим – с другой.

При группировке нарвяньских радиоуглеродных дат Польши и дат пачки 10a/Хе Фризак вновь наблюдается картина, сходная с отмеченной ранее для Польши, за исключением древнейших образцов Фризак (от 9680±70 л. т. н., Вln-3036 до 9630±100 л. т. н., Вln-2756), образующих отдельный кластер. Наиболее поздние даты из Фризак 10a/Хе входят в одну группу с самыми ранними датами из Цаловане и Лайты.

Что означают эти возрастные группировки? Очевидно некоторое повышение радиоуглеродного возраста раннемезолитического технокомплекса Дювензее/раннего Маглемозе в восточном направлении. Наиболее раннее мезолитическое поселение Хвалим по ¹⁴С примерно на 150 лет моложе соответствующего слоя Фризак. С другой стороны, комплекс Хвалим примерно на 70 лет старше раннемезолитических находок в Цаловане и предшествует, примерно, на 150 лет заселению Лайты.

Никогда не подвергалось сомнению то, что позднейший финальный палеолит Польши (мазовшанский цикл) представляет собой явление по технологии, стилистике, набору сырья каменной индустрии и, возможно, социально-экономической структуре, разительно отличное от нарвяньского цикла. Для данной разработки несущественно, отражают ли эти изменения смену населения или нет. Я считаю, что изменения, происшедшие в польской части равнины, являются результатом смены популяций и культур.

Современный прогресс в калибровке радиоуглеродных возрастов на основе изучения отложений озерных ленточных глин, и, особенно, данных древесных колец, предлагает очень привлекательную возможность решения проблемы истинного возраста раннего мезолита. Кривая калибровки радиоуглеродного возраста показывает два “плато”, соответствующих, примерно, 12800 и 10000 радиоуглеродных лет т. н. Калибровочная кривая по древесным кольцам, для континентальной Европы, почти непрерывная для времени после 10000 л. т. н. показывает одно значительное “плато” ок. 10000 л. т. н., небольшое ок. 9570 л. т. н., продолжительностью ок. 190 л. по дендрохронологии и еще одно ок. 8300 л. т. н., продолжительностью ок. 230 л. по дендрохронологии.

Первое маленькое “плато” ок. 9570 л. т. н. не влияет на наши оценки радиоуглеродного возраста самого раннего мезолита. Оно также моложе самых ранних дат Фризак. Последние, в свою очередь, частично перекрывают самые поздние мазовшанские даты и, в пределах одного стандартного отклонения, самое раннее определение из Хвалим.

Самая древняя дата из Хвалим находится непосредственно в пределах “радиоуглеродного плато” в 9570 л. т. н., т. е. может “двигаться” в его пределах. Таким образом, образец из Хвалим (9565±90 л. т. н.) может быть помещен между ок. 10730 и ок. 10570 л. по дендрохронологии (ок. 10850–10430 л. по дендрохронологии с добавлением величины одного стандартного отклонения), тогда как древнейшие образцы из Фризак не могут быть моложе (учитывая величину одного стандартного отклонения), чем ок. 10800 л. по дендрохронологии. Короче говоря, непохоже, что древнейшие мезолитические материалы Хвалим относятся к тому же, примерно, времени, что и Фризак. Напротив, они, скорее всего, моложе более чем на 150 лет.

Самые ранние даты Цаловане и Лайты, соответственно ок. 10400 и 10300 л. по дендрохронологии, находятся за пределами маленького “плато радиоуглеродного возраста”. Они определенно укладываются в резко падающий отрезок калибровочной кривой, где “радиоуглеродные годы” короче, чем “дендро-годы”. Учитывая величину одного стандартного отклонения, наиболее ранняя дата из Цаловане охватывает отрезок от ок. 10600 до 10300 календарных лет, в то время как дата Лайты может варьировать от ок. 10300 до ок. 10250 л. по дендрохронологии. Даже с учетом величины одного стандартного отклонения для дат Фризак, самый ранний мезолит в центре польской части равнины должен быть, по крайней мере, на 200 л. по дендрохронологии моложе, чем Фризак, а в СВ части равнины – по крайней мере, на 400 л. моложе. С другой стороны, если мы рассмотрим потенциальные крайние значения возраста (добавление к возрасту рассматриваемых образцов еще одной величины стандартного отклонения), хронологическая дистанция между Фризак и Цаловане может составить 650 л. по дендрохронологии.

Радиоуглеродная хронология раннего мезолита в Польше показывает, что древнейшие мезолитические стоянки появляются впервые в западной части Польши. Примерно через 70 “радиоуг-

леродных лет” и, видимо, 200 л. по дендрохронологии они появляются в центре Польской равнины. Мезолитические стоянки на северо-востоке равнины появляются на 400 календарных лет позже. Наиболее вероятно, что самая ранняя стоянка в Хвалим была заселена где-то между 10800 и 10570 л. по дендрохронологии, в то время как стоянки в Цаловане и Лайты были заселены, соответственно, ок. 10400 и 10300 календарных лет назад.

С. В. Гусев
(Москва)

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ И КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ В УСТЬЕ Р. ПЕЧОРА

В 1995 г. Печорская археологическая экспедиция Института природного и культурного наследия РАН в рамках целевой программы “Сохранение археологического наследия народов России” проводила сплошное археологическое обследование побережья Печорского моря от устья р. Черная до р. Печора.

Археологические изыскания были сосредоточены на участке суши глубиной до 1 км, по р. Худая и р. Хыльчую – от 5 до 12 км вверх по течению, на правом берегу р. Печора от м. Болванский Нос до 20 км на Ю до пос. Юшино. Выявлено и обследовано 2 стоянки поморов, 2 поморских креста, серия местонахождений кремневых изделий в устье р. Печора, а также изображения на каменных валунах и плитах.

Местонахождения кремневой индустрии

Впервые в устье р. Печоры в районе Юшино и к С от него вплоть до г. Мохнатки выявлено 4 местонахождения кремневых изделий: отщепов, наконечников дротиков, рубил и скребков. Орудия в основном сделаны на отщепах. Артефакты, вероятно, одновременны, сильно окатаны и покрыты слоем красно-коричневого цвета. Изделия вымываются из сложенного мореной берега реки, представляющего 1-ю надпойменную террасу, покрытую плотным сплошным дерном и достигающую выс. 2,5–4 м, а в районе г. Мохнатки – 10 м.

1-е местонахождение связано с участком берега, примыкающим с Ю к притоку в Печоры у пос. Юшино. Высота берега сложенного мореной – 2–3 м. Материал маловыразителен и представлен кремневыми отщепами без следов “загара”.

2-е местонахождение связано с участком берега, протянувшегося на 0,5 км к С от пос. Юшино. Наибольшая концентрация находок изделий приурочена к месту, имеющему местное название “Попова могила”, где на правом берегу р. Печоры, в 1 км к С от пос. Юшино сохранились остатки деревянного креста. Крест возвышается над принесенными из окрестностей валунами. Место это почитается рыбаками и охотниками. Здесь по преданию похоронен корабельный священник, имевший большой авторитет среди моряков Западной Арктики в кон. XIX в. Детали креста сохранились плохо и прочесть надписи не удалось.

Найденные на галечном пляже орудия представлены наконечниками стрелы и дротика (?), обработанных двусторонней полобой ретушью, рубящим орудием, концевым скребком на отщепе, отщепами. Орудия покрыты толстым слоем “загара” и окатаны. По характеру ретуши и сколов их можно разделить на 2 группы. Изделия, очевидно, вымываются из разрушаемого берега.

3-е местонахождение находится в 1–1,5 км к С от “Поповой могилы” и представлено исключительно отщепами.

4-е местонахождение приурочено к подножью г. Мохнатки и расположено на прибрежных песчаных выдувах, которые периодически затапливаются в период половодья.

Для проведения поиска археологических объектов необходимо проведение специальных работ с зачистками обнажений, шурфовкой, аэрофотосъемкой. В свете последних данных о четвертичных отложениях района устья Печоры и побережья Печорского моря можно говорить о возрасте морены в устье Печоры более чем в 10 тыс. л. Ряд орудий имеет очень архаичный вид.

Местонахождение изображений на валунах и плитах

В районе г. Мохнатки впервые для участка морского побережья от Белого моря до Урала найдены изображения, нанесенные выбиванием и прочерчиванием на принесенных мореной валунах. Все камни расположены в прибрежной зоне, где они во время половодья затапливаются и окатываются. Изображения, таким образом, уже частично смыты. Валуны и плиты (40x60–150x150 см) представлены песчаниками и гнейсами.

Изображения – нанесенные в различных направлениях прямые линии – на первый взгляд не образуют каких-либо знаков. Часть линий связана с деятельностью ледника, что могло служить побудительным мотивом для нанесения человеком собственных

знаков. Удалось проследить изображения жилищ наподобие чумов, в одном случае – солярный знак в виде центрального круга и расходящихся радиально линий. Ближайшие аналогии можно усмотреть в изображениях и чурингах Чукотки и центра Русской равнины. Плохая сохранность требует безотлагательного глубокого и детального изучения всех изображений на камнях.

**Жан Сог Хо
(Сеул)**

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Систематическое исследование наскальных изображений Южной Кореи началось с 1970 г., когда в р-не Генгсангнамдо (уль дю Гун, Чен-дженри) найдены первые рисунки, которые привлекли внимание ученых. В дальнейшем исследования наскального искусства охватывали разные районы и велись в разных аспектах. Так, в 1980 г. обнаружены древние рисунки в В части Южной Кореи, а затем и в других областях. Спецификой корейских наскальных рисунков является наличие резаных и выбитых изображений и, пока полное отсутствие крашенных рисунков. По стилистическим особенностям выделяются 2 типа: абстрактные и реалистические.

Наиболее интересные комплексы петроглифов Южной Кореи:

1. Дяокри (открыт в 1971 г.) с реалистическими рисунками (ок.200) и с разнообразными сюжетами: в верхней доминирующей части находится танцующий человек без одежды, ниже расположены различные животные и предметы – черепаха, кит, сеть для ловли, забор, маска, человек в лодке, олени, амурский козел, дикий кабан, морской котик, тигр и др. Морские животные выполнены в силуэтной технике, остальные – в контурной.

2. Чедженри (1970 г.) – большая скальная плоскость (3x10 м), наклоненная под 15°. Рисунки выполнены различной техникой и различным способом. Встречены животные, исполненные в схематичной геометрической манере. Представлены также контурные рисунки и китайские иероглифы.

3. Яндзэндон (1971 г.), где представлены в основном резные геометрические изображения.

4. Генг санг (1980–95 гг.) – 8 петроглифических комплексов с самыми различными сюжетами: нож, меч, стопы ног, символ женщины, скопления углублений, различные окружности и др.

По датировке петроглифов существуют различные мнения, видимо, потому, что по стилистическим особенностям и технике исполнения они относятся к разным периодам (от позднего палеолита до эпохи бронзы).

Нами с 1985 г. проводятся исследования на памятниках наскального искусства Южной Кореи, Японии, Маньчжурии и Монголии, что позволило собрать большой фактологический материал и предварительно сравнить его с петроглифами Байкала и Южной Сибири. Наблюдается сходство сюжетов и стиля изображений, но детальный анализ и выявление конкретных связей еще впереди.

Е. Н. Черных
(Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ КАРГАЛИНСКОГО ГОРНОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

Ведущей задачей для Волго-Уральской (Каргалинской) экспедиции Института археологии РАН явилось исследование в 1989–95 гг. памятников древнейшего горного дела на Южном Урале. Безусловным достижением экспедиции стало открытие (в 1989 г.) и последующее исследование Каргалинского горнорудного центра по разработке мелистых песчаников, хотя Каргалы время от времени и упоминались в литературе в течение более двух сотен лет.

Каргалинское рудное поле расположено в 50–100 км к С–СЗ от Оренбурга и локализовано по преимуществу в верховьях маловодных степных рр. Верхняя Каргалка и Янгиз (притоки Салмыша и Сакмары в басс. Урала). Наиболее северный участок оруденения занимает водораздел (перевальный сырт) между В. Каргалкой и верховьями р. Ток, притока Самары (уже в басс. Волги). Общая площадь медной минерализации – примерно 500 км² (овал 50x10 км). Само поле представлено двумя основными зонами. Первая из них (“Каргалка-Северо-запад”) занимает массив песчаников по преимуществу в верховьях р. Каргалки и притока последней – Усадки; другая, юго-восточная зона (“Янгиз-Каргалка”) локализована в междуречье Каргалки и Янгиза. Каждая из зон подразделяется на несколько крупных участков, где встречены более или менее мощные скопления древних и старинных выработок. Всего выделено 11 главнейших и несколько более мелких, второстепенных участков. Поверхность участков усеяна

многими тысячами разнообразных следов древних и старинных горных работ: устьями шахт и штолен, карьерами, т. н. “разносамми”, разведочными шурфами, отвалами пустой породы и т. п. Максимальная глубина выработок – до 90 м от современной поверхности (выработки бронзового века достигали глуб. 40–42 м).

Основной тип древних горных работ – горизонтальные и слабо наклонные выработки пластов мелистых песчаников с доминирующими здесь карбонатами меди. Былое богатство каргалинских руд хорошо угадывается и ныне: отвалы т. н. пустой породы густо насыщены кусками малахита и азурита. Применяли два способа достижения основных рудоносных пластов: 1) заложение вертикальной шахты глубиной в несколько метров или же 2) поиск обнажения в оврагах, с хорошо заметными выходами медных минералов. Сохраняющиеся и по настоящее время крупные подземные выработки в длину достигают многих сотен метров (вероятно, даже нескольких километров). Совокупная протяженность этих сложных, прихотливых по форме и сильно разветвленных подземных выработок на Каргалах измеряется, видимо, сотнями километров (специфический “термитник”). Но без специальных горно-археологических и геофизических исследований вопрос об их реальной протяженности, форме и простирании остается открытым.

Каргалы богаты археологическими памятниками. Уже сегодня нам стали известны до двух десятков поселений срубной культуры, а также довольно крупная курганная группа. К примеру, по нависающему над руслом Мясниковского оврага плато (Мясниковский участок) на выс. 30–50 м среди огромной массы древних и старинных выработок удалось обнаружить более десятка поселений срубного времени, следы которых образуют почти непрерывную цепь общей длиной, видимо, не менее 2,5 км.

Однако основные наши работы в 1992–95 гг. были направлены на раскопки одного из самых ярких селищ, неподалеку от бывшего хут. Горный (участок “Усадка-левобережный”). Топография поселка Горный, равно как и всех других на Каргалах, весьма необычна для восточноевропейских селищ позднебронзового времени. Его обитатели – горняки и металлурги – заселили здесь высокий склон холма, вдали от воды. Следы слоя охватывают не менее 3–4 га. Относительно ровная площадка поселка окружена заваленными устьями шахт и иных древних и старинных выработок. Толщина культурного слоя достигает 2–2,5 м (в ямах).

Пока что вскрыто лишь 336 м², но насыщенность этого малого участка различными материалами исключительная. Центральным среди исследуемых экспедицией сооружений стала уникальная и весьма своеобразная “усадьба”, окруженная довольно мощным глиняным валом (обваловкой). В “усадьбе” намечаются собственно жилище-полуземлянка и, видимо, хозяйственный двор, где велись активные работы по плавке руд и обработке металла. Керамический материал на Горном – преимущественно “классически-срубного” облика с заметной примесью сосудов черкаскульского и отчасти андроновского (алакульского) типов. На раскопанном участке, однако, наиболее впечатляют находки, связанные с основным занятием населения – горным делом, металлургией и металлообработкой. Слой густо насыщен мелко дробленой рудой, и это, по всей вероятности, является следами ее обогащения. Каменные молоты и молотки представлены более чем 300 обломков и целых форм. Около 2000 кусков металлургического шлака говорят о местной выплавке меди. Медь в виде капель, слитков, “сплесков-отходов” литья, а также готовых изделий и их фрагментов – превышает 730 образцов. Более 80 фрагментов песчаниковых литейных форм представляют до 50–60 негативов и свидетельствуют о развитой металлообработке на Горном. Резко преобладают большие и даже весьма крупные створки форм для отливки массивных медных орудий горного дела – клиньев, “ломиков” и т. п. Обнаружены обломки и иных негативов – типичных срубных малых форм (ножей, долот).

Особенно поражает воистину гигантское количество костных остатков домашнего крупного рогатого скота: с раскопанной площади собрано ок. 1000000 (!) различных костей. Доля мелкого рогатого скота и лошади очень мала в сравнении с иными восточноевропейскими поселениями этого времени. Несмотря на постоянно проводящуюся флотацию культурного слоя, не обнаружено ни одного образца карбонизированных зерен культурных злаков: земледелие было здесь абсолютно нехарактерным видом занятия.

В пос. Уранбаш в 1991–92 гг. Н. Л. Моргуновой, А. Ю. Кравцовым и О. И. Пороховой раскопан ряд курганов, чьи погребения датируются временем ямной и срубкой культуры (курганная группа локализована в самом центре Каргалов в промежутке между обеими основными зонами рудного поля).

Полевые и лабораторные исследования прежних лет позволяют утверждать, что Каргалинское рудное поле разрабатывалось горняками различных археологических периодов, начиная с ямной (ямно-полтавкинской) культуры; в богатых погребениях этого времени (Утевка, Тамар-Уткуль) иногда находят куски такой руды. Об этом же говорит и состав металла: химически чистая медь группы МП (мелистых песчаников) резко доминирует в Волго-Уральском регионе в эпоху ранней и средней бронзы. Каргалинская руда обнаруживается также во множестве поселений поздней бронзы в басс. Урала и Волги (вплоть до самой долины Волги). Несколько меньшую роль играли мелистые песчаники для населения данного региона в эпоху поздней бронзы (абашевская, срубная и др. культуры), однако масштабы работ на Каргалах, особенно в срубное время стали несравненно более внушительными по сравнению с предшествующими периодами; сама же медь распространяется вплоть до басс. Дона. Весьма проблематична широкая эксплуатация Каргалов в раннем железном веке – скорее всего с этого времени рудники по неясным для нас причинам оказываются заброшенными.

Предварительные расчеты позволяют думать, что за 1,5 тысячелетний период эксплуатации Каргалов в бронзовом веке (от РБВ до ПБВ) добыто не менее 1,5–2 млн. т рудных минералов. За этими объемами встает проблема объяснения источников огромной массы топлива (древесного угля) в этом безлесном районе.

Эта же проблема приобрела особенно болезненное звучание в позднейший период эксплуатации Каргалов, когда эти рудники были вновь открыты в кон. 30-х или нач. 40-х гг. XVIII в. по бесчисленным следам выработок бронзового века. К их активной эксплуатации горнозаводчики И. Б. Твердышев и И. С. Мясников приступили в 1745 г. Примерно через 25 лет из каргалинских руд выплавлялось уже до 1/4 меди всей Российской империи. Руду отсюда возили в течение полутора столетий на лошадях за 200–500 км на горный лесистый Урал к медеплавильным заводам. В самом нач. XX в. рудные богатства Каргалов совершенно истощаются. Уже почти сто лет Каргалинское рудное поле остается практически нетронутым и представляет собой чрезвычайно удобный объект для организации национального парка-заповедника древнего и старинного горного дела всей Северной Евразии.

**НОВЫЕ НАХОДКИ АНТИЧНОЙ КОРОПЛАСТИКИ НА НИЖНЕМ
ДНЕСТРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ЧОБРУЧИ).**

Поднестровье, благодаря своему географическому положению, на протяжении многих веков было связующим звеном между населением степей Евразии, Юго-Восточной, Центральной и Северо-Западной Европы с античным миром Причерноморья и Средиземноморья. Проблемы взаимоотношения античного мира с варварским находятся в центре внимания исследователей, поэтому каждый новый памятник вносит свою лепту в решение данной задачи.

Чобручская экспедиция научно-исследовательской лаборатории "Археология" Приднестровского университета под руководством автора ведет исследования многослойного памятника в Нижнем Поднестровье (у с. Чобручи, Слободзейского р-на Молдавии), где пока выделяются три культурно-хронологических горизонта: VI-V вв. до н. э. (скифо-фракийская общность), III-II вв. до н. э. (позднескифская) и III-IV вв. н. э. (культура типа Этулия). Каждый из выявленных горизонтов содержит как варварские, так и античные древности.

Очень яркую группу среди многообразного собрания керамических изделий представляет небольшая коллекция фрагментированных статуэток. Среди них две протомы богини Кибелы, стоящая Афродита с голубем, голова молодого мужчины и фигурка быка. К сожалению эти вещи не представлялось возможным отнести ни к 1-му, ни ко 2-му культурно-хронологическим горизонтам, т. к. они происходят из подъемного материала.

В 1995 г., при разборке сооружения, погибшего во время пожара, обнаружены обломки терракоты. находка представляет статуарное изображение богини Кибелы, торжественно восседающей на высоком троне в величественной позе. На голове ее высокий зубчатый убор, поверх которого накинута гиматий, из-под него выбиваются пышные, волнистые, расчесанные на прямой пробор волосы, ниспадающие на грудь крупными локонами.

Правая рука с фиалой, лежит на подлокотнике кресла, левая не сохранилась. Края подлокотников трона украшены изображением львят. Под ногами богини скамеечка с лежащим львом, на голове которого покоится выдвинутая вперед правая нога. Кибела

изображена молодой женщиной с мягкими чертами лица: высоким лбом, небольшим прямым носом, овальным подбородком. Большие глаза с миндалевидным разрезом, полные губы тронуты легкой полуулыбкой. Богиня одета в хитон с треугольным вырезом, крупные складки которого разнонаправленные на груди и теле, спадают мелкими складками из-под гиматия. Одежду дополняют украшения – крупные серьги, ожерелье и браслет на правой руке.

Терракота выполнена в односторонней форме, она полая изнутри, тыльная часть ровная, хорошо заглажена, в центре ее вырезано прямоугольное отверстие. Высота статуэтки 22 см.

На основании фрагментов клазоменских амфор и чернолаковой расписной керамики, найденных в сооружении наряду с позднегальштатской керамикой, статуэтка датируется 2-й пол. VI – нач. V в. до н. э. Терракоты этого периода весьма немногочисленны и в античных центрах Северного Причерноморья, являясь импортом из Греции и Малой Азии. Находка же такой вещи на варварском памятнике – явление уникальное.

**Е. Ф. Тащи
(Тирасполь)**

ЗООМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ПОЗДНЕГАЛЬШТАТСКОГО ГОРИЗОНТА НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ.

Археологические исследования, проведенные в последние три года на многослойном памятнике у с. Чобручи на левом берегу Днестра экспедицией под руководством Т. А. Щербаковой, выявили представительный археологический комплекс, относящийся к трем культурно-хронологическим горизонтам:

1. Сооружения и материалы кон. VI – V вв. до н. э. оставленные варварским населением, в которых представлены черты прииссушие, как скифскому, так и фракийскому населению.

2. Кон. III – нач. II в. до н. э., позднескифский.

3. Культурная группа типа Этулия (III–IV вв. н. э.).

Особенно богат материал позднегальштатского горизонта. Среди большого количества изделий выделяется группа предметов зооморфной пластики, найденных в закрытом комплексе, датирующемся амфорным материалом 2-й пол. VI – нач. V в. до н. э.

1-я фигурка изображает дикобраза. Длинное туловище, широкая голова, хорошо выделены глаза и рот. Уши в виде треуголь-

ных наделов, на спине зацепами переданы иглы. Хорошо обозначены четыре конечности. Изделие выполнено вручную, из глиняного теста с примесью песка; дл. 6,3 см, выс. 2,5 см; цвет, из-за вторичного пребывания в огне, от светло-коричневого до черного.

2-я фигурка изображает медведя. Туловище небольшое, непропорциональное. Сохранились лишь две ноги. Голова передана схематически, слегка выделены уши. Изделие выполнено вручную, из хорошего глиняного теста с примесью песка; дл. 5 см, выс. 3 см; цвет, из-за вторичного обжига, черный.

От 3-й фигурки сохранились лишь небольшая часть туловища, ноги и соски (возможно, изображение свиньи).

Все три находки нельзя отнести к художественным произведениям, однако чувствуется, что автор старался сохранить основные пропорции туловища и специфические черты, позволяющие определить вид животного. Все фигурки местного производства и представляют диких животных.

Изображение животных были распространены в интересующий нас период на довольно широкой территории. Назначение их могло быть различным (детские игрушки?), однако, нахождение в культовом сооружении позволяет говорить, что они могли служить своеобразными жертвами богам покровителям охоты. Этой точки зрения придерживается большинство исследователей. Кроме того, они могли отражать пережитки тотемистических верований, как племенной религии населения Нижнего Поднестровья: изображения принадлежат диким животным, которые могли быть тотемами в более ранние периоды.

**С. В. Дьячков
(Харьков)**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ХЕРСОНЕССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1994–1995 гг.

В 1994–95 гг. продолжались многолетние исследования экспедиции ХГУ в портовом р-не Херсонеса на участке “Центр СЗ квартала”. Особый интерес представляли раскопки 14 слоя XIV продольной улицы, которые стали возможными только в условиях засухи и значительного понижения уровня грунтовых вод. В слое 14 обнаружен интересный керамический материал V–III вв. до н. э. Среди находок необходимо отметить обломки амфор IV–III вв.

до н. э. различных центров производства (Херсонес, Гераклея, Синопа, Родос, Фасос, Хиос), фрагменты чернолаковой посуды V–III вв. до н. э. (канфары, скифосы, чаши, кувшины, рыбные блюда и т. п.), в т. ч. с граффити. Выделим также фрагмент стенки кратера рубежа V–IV вв. до н. э. с краснофигурной росписью, сохранившей изображение пирующих мужчин.

Исследования 1994 г. позволили уточнить размеры стены большого, вероятно, общественного здания, обнаруженного раскопками на XIV продольной улице в предшествующие годы. Стена А (сохранившаяся дл. 18 м, шир. 0,5 м, макс. выс. 2,5 м) возведена непосредственно на скале. Три ряда тщательно отесанных прямоугольных блоков фундамента, уложенных орфостатно, оказались нетронутыми. Остальная часть сооружения подвергалась частичным перестройкам на руб. II–I вв. до н. э. и в римское время. В стене обнаружены два сквозных слива водосточных каналов, относящихся к различным периодам строительной истории здания IV–II вв. до н. э. Кроме того, раскопки улицы дали дополнительный материал об уличном благоустройстве херсонесского городища автономного периода.

Результаты раскопок XIV продольной улицы подчеркнули наущную необходимость продолжения исследований на месте средневековой усадьбы IX (пом. 57, 59–60) с целью изучения особенностей античной планировки участка. После согласования плана работ с руководством Национального заповедника “Херсонес Таврический” (НЗХТ), было принято решение о демонтаже остатков средневековых стен пом. 57, 59. Как показали работы, СЗ стену пом. 57 (дл. 8 м, макс. сохранившаяся выс. 1,95 м, ширина 0,9 м) соорудили в XI в., вероятно, в качестве внутриусадебной изгороди. В ходе строительства этой стены была разрушена двухкамерная гончарная печь, остатки которой выявлены в Ю торце основания стены. Такая же судьба постигла и пифос позднеантичного времени, оказавшийся на пути траншеи возводимой стены. Во время строительства использовали оказавшийся под рукой материал, отдавая предпочтение камням из построек предшествующего времени. СЗ стена пом. 57 – классический образец сооружения на “грязевом растворе”. В своем поперечном сечении она имела форму усеченного конуса с широким основанием и узкой вершиной (0,9 и 0,5 м), что, вероятно, объясняется отсутствием фундамента как такового. Система кладки трехслойная, двухли-

цевая, иррегулярная. В качестве забутовки нижней части стены были использованы крупные блоки античных построек, массивная известняковая ступа, антропоморфное надгробие, обломки архитектурных деталей римско-ионийской постройки: фрагменты карниза, капители, волюты. Верхняя часть стены была забутована грунтом с незначительным дополнением битой керамики.

ЮВ и ЮЗ стены пом. 59 демонтированы в 1995 г. Общая дл. стен 13 м, ср. выс. 2,6 м, толщ. 0,7–0,8 м. Конструкция стен традиционна для аналогичных сооружений XI–XII вв. Среди находок, обнаруженных в забутовке и основаниях стен, специального внимания заслуживает серия дипинти на обломках амфор IV–V вв., извлеченных из основания ЮВ стены, а также крупный фрагмент известнякового алтаря (выс. 0,8 м) с остатками латинской надписи, в которой читается три нижних строки. Алтарь был уложен в кладку восточного угла пом. 59.

Объединенная экспедиция ХГУ и НЗХТ (рук. С. В. Дьячков и М. И. Золотарев) продолжила исследования "казармы" – крупного здания античной эпохи, расположенного у городских ворот и XVI куртины оборонительных стен. Экспедиция ХГУ проводила раскопки в СВ части "казармы", где были разобраны основания СЗ и ЮЗ стен пом. 36-В средневековой усадьбы VII, препятствовавших продолжению исследований. И здесь "античное наследие" оказалось весьма впечатляющим. Среди камней основания ЮЗ стены найдена известняковая скульптура стоящей женщины (выс. 0,47 м), вероятно, работы незаурядного местного художника. Женская фигура задрапирована в богатые одежды. Руки и голова статуи были отбиты еще в древности. Голова и шея крепились к телу с помощью металлического стержня (рис.).

В С части "казармы", на месте средневековых пом. 35 и 36-В найдены остатки винодельни. Частично сохранилось основание давяльной площадки, один из каменных сливов, а также два резервуара, вырубленные в материковой скале. Цистерна №1: дл. 3,25, шир. 1,2–1,4, гл. 1,8–2,1 м; цистерна №2: дл. 3,25, шир. 2,3, гл. 1,8 м. Круглая в плане цистерна №3 имеет колоколовидную форму (ниж. диам. 1,25, верхн. диам. 0,75, гл. 1,75 м). Очевидно, что эту цистерну вырубili в скале еще в эллинистический период строительной истории "казармы", а при сооружении во II в. н. э. винодельни 3/4 резервуара цистерны №3 использовали в качестве В угла цистерны №2. Стенки и дно цистерн были качес-

твенно подтесаны и обмазаны хорошо отмученой, плотной, зеленоватой глиной. В цистерне №1 частично сохранился толстый слой цемянки, которой покрывались стены и дно резервуара.



*Херсонес. Скульптура из забутовки
средневековой стены "казармы".*

В 1994–95 гг. цистерны были освобождены от мусорной засыпи. Удаление нижних слоев засыпи затруднялось грунтовыми водами, просачивавшимися сквозь стены цистерн, что предусматривало периодическую откачку воды. Материалы засыпи представляют бесспорный специальный интерес и в целом датируются пе-

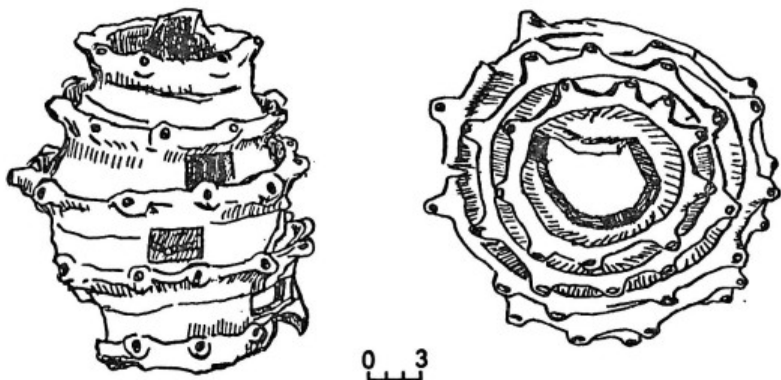
рвыми веками н. э. В засыпи обнаружены многочисленные фрагменты строительной и тарной керамики, кухонной и столовой посуды. Амфорный материал представлен археологически целыми сосудами и профильными частями хорошо известных типов, а также крайне редкими в Северном Причерноморье типами светлоглиняных амфор. Особо отметим богатый сервиз краснолаковых сосудов (тарелки, миски, чаши, блюда, кувшины) малоазиатского производства с преобладанием самосской посуды. Отдельную коллекцию составили эпиграфные и анепиграфные клейма на краснолаковых сосудах. Помимо керамики в засыпи цистерн найдены крупные выразительные фрагменты архитектурных деталей: каннелированная колонна (0,51 м), видимо, являвшаяся частью домашнего святилища, обломок безфризового антаблемента с остатками полихромной росписи, а также мраморные гири, ок. 50 медных и бронзовых монет. Среди редких находок в засыпи цистерны №3 овальной формы гемма I–II вв. н. э., изготовленная из яшмы оливкового цвета (высота – 11 мм). Инталия великолепно сохранила миниатюрное изображение стоящей Афины (7 мм). Богиня в богатых длинных одеждах, в шлеме, с копьем и щитом держит правую руку над горящим из алтаре огнем.

Винодельня прекратила существование, а цистерны были засыпаны во второй пол. III в. н. э. Отметим, что время функционирования винодельни синхронно пребыванию римского гарнизона в стенах соседней с “казармой” цитадели. Итоги раскопок экспедиции ХГУ дополняют наши представления о функциональном назначении этой части портового района в различные периоды античной истории Херсонеса.

Б. Г. Петерс, Ек. Ю. Лебедева
(Москва)

СВЕТИЛЬНИК ИЗ САРАТОВСКОГО ГОРОДИЩА

В 1985–88 гг. Патрейской экспедицией ИА АН СССР (нач. Б. Г. Петерс) были проведены охранные работы на овражной, разрушающейся части Саратовского городища на раскопе IV (СЗ пос. Гаркуша, у мыса Рубай, Темрюкский р-н, Краснодарский край), где, на глубине до 0,4 м, были встречены фрагменты трех многоярусных, многорожковых глиняных светильников (один из которых изображен на рис. худ. Т. Касьяновой).



Вотивный светильник IV–III вв. до н. э.

Светильник имеет яйцевидную форму и был изготовлен на гончарном круге. С внешней стороны сосуда к нему были прикреплены один над другим ряды круговых карнизов с выступающими из них рожками с отверстиями для фитилей; над 1 и 3–6 ярусами имеются вырезанные по сырой глине прямоугольные отверстия (“окошки”) для вывода групп фитилей вовнутрь сосуда к резервуару масла на его дне, которое заливалось через горловину. Низ светильника и часть горловины утрачены. Сохранившаяся высота светильника 21 см, толщина стенок корпуса – 1 см. Светильник изготовлен из красной плотной глины с редкими блестками, с включением белых и черных частиц различных размеров. Глина и производство местные. Покрит коричневато-красным лаком. По сопутствующему материалу датируется кон. IV–III вв. до н. э.

В 1-м верхнем ярусе 10 рожков, 3 отверстия при обжиге заплыли, над ярусом сохранились основания трех “окошек” для фитилей, дл. основания 3 см. Внешний диаметр яруса 12,5 см. Над ярусом прослеживается округление горловины, возможно имевшей в верхней части глиняную петлю для переноски или подвешивания. С внутренней стороны горловина (при ее примыкании к тулову сосуда) усилена глиняной муфтой. Во 2-м ярусе 10 рожков, 4 при обжиге заплыли, над этим ярусом окошек для фитилей нет. Диаметр яруса 18 см. В 3-м ярусе 11 рожков, 6 из них не имеют сквозных отверстий. Прослежено, что отверстия протыкали

с наружной стороны круглым заостренным предметом – на стенках светильника напротив его рожков часто имеются следы заостренного стержня. Работа небрежная, многие отверстия проделывали очень низко, так что они не попадали в желоб яруса, а другие заплыли еще до обжига. На ярусе 3 “окошка” для вывода фитилей (3x2, 3,5x2, 3,5x3 см). Диаметр яруса 22,5 см. От 4-го яруса сохранилось 10 рожков, 8 из них не имеют сквозных отверстий, предположительно всего их было 12. Для выхода фитилей 4 “окошка” (4,5x2 см). Диаметр ряда 22 см.

От 5-го яруса сохранилось 3 рожка, предположительно в ряду их было 13. “Окошек” для фитилей 4 (4x2 см). Диаметр яруса ок. 25 см. От 6-го яруса рожков не сохранилось. Можно лишь проследить верхнюю часть одного “окошка” дл. 4 см и предположить 14 рожков в этом ярусе, диаметр которого ок. 26 см.

По мнению автора раскопок, на памятнике вскрыта часть святилища – с большим количеством терракотовых статуэток, медных монет и наконечников стрел, бус, фрагментов чернолаковой керамики и амфор, строительных остатков.

Сам же светильник, большое количество на нем глухих рожков и отсутствие на концах рожков со сквозными отверстиями законченности говорят о том, что им не пользовались в качестве светильника. Мы предполагаем, что светильник был votивным приношением. Взроятно, светильник в общих чертах повторял конструкции его действующих прототипов, которые могли быть изготовлены и из других материалов.

С. О. Симоненко
(Тирасполь)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ С РОВИКАМИ В ДНЕСТРОВСКО-ПРУТО-ДУНАЙСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ (по материалам могильника у с. Паланка).

Около 20 лет в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье известны могильники и редкие курганы с кольцевыми и прямоугольным или квадратными ровиками с разрывами-проходами с Ю стороны. Кольцевые ровики всегда содержат в центре погребение, а прямоугольные площадки на грунтовых могильниках несут ярко выраженную культовую нагрузку и на их территории захоронения, за редким исключением, не совершались. Несмотря на прис-

тальный интерес, проявленный к этим памятникам в последнее время (Гудкова, Фокеев 1984; Симоненко А.В. 1993; Фокеев 1986), вопросы их хронологии и истории возникновения обряда остаются во многом неясны. Появление новых данных позволяет обратиться к хронологическому аспекту проблемы.

В 1990 г. на севере Молдовы в Бельцкой степи у с. Паланка Дрокиевского р-на, возле кургана эпохи бронзы был обнаружен небольшой позднесарматский могильник из 14 погребений и одного квадратного сооружения (10,5x10,5 м), ориентированного стенками по сторонам света, с разрывом в Ю части. Все погребения совершены в узких прямоугольных ямах, ориентированных СЮ с небольшими отклонениями к З или В. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на С. Для части погребений отмечена подсыпка древесного угля, а в погр. 29 с относительно богатым инвентарем, найден кусок органического смолистого вещества, скрученного кольцами в лепешку – опий-сырец (?). Следует отметить новый для междуречья элемент погребального обряда, прослеженный в двух погребениях могильника Паланка, – искусственное расчленение трупа: погр. 3 – лучевые кости отчленены и уложены треугольником на тазовых костях, кисти лежали открытыми у тазобедренных суставов; погр. 22 – левая рука отчленена и лежала на позвоночном столбе, опускаясь до средней части бедренных костей. В обоих случаях погребенные были подросткового и детского возраста. Близкий обряд известен на мог. Алкалия XIX/2, где обломанные бедренные кости лежали у черепа погребенного.

Время функционирования могильника определяется датированными находками. Светлоглиняная узкогорлая амфора типа "В" (по Д. Б. Шелову) из ровика квадратного сооружения датируется 2-й пол. I – 1-й пол. II в. н. э. (Шелов 1978). Зеркало из погр. 31 относится ко II типу и датируется I–II вв. н. э. (Хазанов 1963). как и краснолаковый кувшин из погр. 29 (Книпович 1952). Интерес представляет единственный в Пруто-Днестровском междуречье бронзовый антропоморфный фаллический амулет, близкий к 19 типу (Алексеева 1982; с кон. I в. до н. э. по III в. н. э.), он имеет близкие аналогии в Старой Осоте (Вязмитина 1971) и в Ногайчинском кургане (Симоненко А.В. 1993; 1-я пол. II в. н. э.). Остальной материал хронологически мало выразителен и суммарно датируется I–III вв. н. э. Представляется возможным датировать могильник у с. Паланка руб. I–II – сер. II в. н. э.

Учитывая, что могильники со рвами датируются 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н. э. (Гросу 1979; Гудкова, Фокеев 1984; Курчатов 1989; Симоненко А.В. 1993; Фокеев 1986), могильник у с. Паланка был, видимо, наиболее ранним на территории междуречья.

Принимая во внимание географическое положение и раннюю дату возникновения могильника Паланка, можно предположить, что носители данного обряда первоначально проникли в Бельцкую степь в начале II в. н. э. (Шукин 1989), где известна наибольшая концентрация памятников подобного типа в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье (Петрешты, Чоропканы, Нов. Флорицоая, Нов. Бедражи, Куконешты I, II, Паланка), и уже отсюда в результате каких-либо катаклизмов (Маркоманские войны) идея квадратного ровика в сер. – 2-й пол. II в. н. э. была принесена в Алфёлд и на Нижний Дунай (Холмское, Алияга, Васильевка), а оттуда, вероятно, в нач. III в. н. э. вернулась на Нижний Дон.

А. А. Купранис
(Санкт-Петербург)

НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ НОВГОРОДА И БЕЛООЗЕРА

В 1995 г. на антикварном рынке Санкт-Петербурга были приобретены 3 русские актовые печати домонгольского времени.

Рис.1:1. Ав.: Поясное изображение Богоматери "Знамение". По сторонам богородичные титулы МР – ΘV. Рев.: Надпись в пять строк: АΓΝΗΣΚ/ΕΠΟΙCΜΕ/ΝΙΦΩΝΤΑ/ΝWBOΓΡΑ/ΔΟΥ (Αγνη σκεποις με Νηφοντα Νωβογραδον) – "Пресвятая, воззри на меня, Нифонта Новгородского". Д.: 19–20 мм. Толщ.: 3–4 мм. Сохр.: края печати носят следы механической обработки; в верхней части отверстие. М. н.: Новгород. Хр.: частн. колл., СПб.

Печать принадлежала новгородскому епископу Нифонту (1131–1156 гг.). От ранее опубликованного экземпляра она отличается написанием легенды (Янин 1970:№55). В частности, различны буквы К в первой строке. Изменение буквы, связанное с утолщением ее контуров, свидетельствует о подработке матриц. Иными словами, публикуемая печать вторична по отношению к печати, опубликованной в Корпусе. Решая вопрос о взаимном старшинстве разновидностей печатей Нифонта, В. Л. Янин исходил из уни-

кальности печати с полным вариантом легенды и большей четкостью ее оттиска по сравнению с другими экземплярами; это позволило сделать вывод о появлении матриц с полным вариантом надписи в конце святительства Нифонта и их достаточно кратковременном использовании (1970:№54). Публикуемая булла ставит под сомнение высказанную гипотезу.



Рис. 1. Печати из Новгорода (1, 2) и Белоозера (3).

Рис.1:2. *Ав.*: Погрудное изображение святого Георгия (?) с копьем (?) у левого плеча. Слева следы двух букв ГЕ, – остатки надписи ГЕ[WRГНІ] (?). *Рев.*: остатки многострочной надписи. *Д.*: 14–15 мм. *Толщ.*: 1,5–2 мм. *Сохр.*: половинка буллы, сломанной по каналу. *М. н.*: Новгород. *Хр.*: частн. колл., СПб.

Плохая сохранность буллы, а также отчетливые следы повторного оттиска той же пары матриц затрудняет прочтение легенды. Окончание первой строки читается достаточно ясно: ...**ТЬ**. В начале строки остается место для 1–2 букв, так что наиболее вероятное прочтение первой строки легенды – "**[W]ТЬ**". Если это верно, то формула легенды должна была иметь вид "От такого-то". Иными словами, публикуемая печать относится к тому же сфрагистическому типу, что и хорошо известные печати Ратибора (Янин 1970:№67–71), которые, таким образом, перестают быть уникальным явлением в русской домонгольской сфрагистике. Вопрос о персональной атрибуции буллы оставляем открытым до обнаружения более сохранных экземпляров.

Рис.1:3. Ав.: поясное изображение Св. Иоанна Предтечи в складчатых одеждах, слева колончатая надпись: **ИВАН**. Рев.: надпись в четыре строки **ГИПО / МОЗИ Р[А] / БУ СВО / [ЕМУ...]** / [...]. Д.: 18–20 мм. Толщ.: 1,5–2,5 мм. Д. матриц: не менее 20 мм. М. н.: Белоозеро (?). Хр.: частн. колл., СПб.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и булла №110 из Новгорода (Янин 1970). На новгородском экземпляре надпись на аверсе не читается. На основании общего сходства В. Л. Янин включил новгородскую буллу в группу печатей, атрибутированных Владимиру–Василию Мономаху. На издаваемой печати так же не поместилась почти половина легенды, причем отсутствует именно та часть надписи, которая должна содержать имя владельца печати, однако, при этом достаточно уверенно читается имя тезоименного владельцу печати святого. Недавно изданная булла из Чернигова (Коваленко, Молчанов 1993) близка публикуемой, но оттиснута другой парой матриц печать. А. А. Молчанов предположительно атрибутировал находку черниговскому епископу Иоанну (упоминаемому с 1088 г. и умершему в 1112 г.).

Таким образом, на сегодняшний день известны три экземпляра печати Ивана от двух пар матриц, происходящие из Белоозера, Новгорода и Чернигова. Особенности оформления печатей предполагают, что активная деятельность их владельца приходится на 1-ю тр. XII в. До сих пор печати с русскими благожелательными надписями, кроме князей рубежа XI–XII вв., атрибутировались лишь новгородским посадникам 1-й тр. XII в. (Янин 1970. №123–132). Значительная удаленность двух других мест находки

от Новгорода не позволяет связывать рассматриваемые печати с представителями новгородской администрации. В то же время, южнорусская сфрагистика не знает посадничьей буллы, совпадающей по типу с княжеской, подтверждение чему – печати Ратибора (Янин 1970:№67–71]. Вероятнее всего печати Ивана могут расцениваться как княжеские.

В. Л. Янин (1970:№84,85) атрибуировал группу печатей "Днѣслово" с изображением Иоанна Предтечи волынскому князю Ярославу Святополчичу, сыну Святополка Изяславича, предположив, что в крещении его звали Иваном. Однако деятельность этого князя, как впрочем и других потомков Изяслава Ярославича, была связана с западнорусскими землями, так что эта атрибуция маловероятна. По сведениям Никоновской летописи, в 1148 г. в Новгороде Северском умер князь Иван Ольгович, однако другие источники это известие не подтверждают и не знают такого князя. Несомненное сходство печатей Ивана с некоторыми печатями Владимира Мономаха позволяет предположить, что эти печати с большей вероятностью могли принадлежать кому-либо из его сыновей, не известных по крестильным именам.

Изяслав Владимирович, родившийся около 1078 г., погиб в 1096 г. в столкновении с Олегом Святославичем, оспаривая его права на Муром. Последний год своей жизни он, по-видимому, провел в Ростово-Суздальской и Муромской областях, т. е. в непосредственной близости от места находки публикуемой печати. Однако, ранняя смерть Изяслава Владимировича не позволяет видеть в нем историческое лицо, чья активная деятельность могла оставить вещественные следы в столь удаленных друг от друга областях Древней Руси. Отсутствуют и какие-либо сведения о том, что в крещении князя звали Иваном. Последнее верно также и в отношении Святослава и Вячеслава Владимировичей.

Наиболее вероятным владельцем печатей Ивана, следует признать Ярополка Владимировича, родившегося ок. 1082–83 гг. По свидетельству В. Н. Татищева, с 1103 г. Ярополк занимал смоленский стол, а в 1114 г., по смерти своего брата Святослава, стал переяславским князем. На переяславском столе он оставался до 1132 г., а после смерти брата – великого князя Мстислава Владимировича, унаследовал великое княжение и остается киевским князем до смерти (1139). Существование в Переяславле в 1-й пол. XII в. Иоанновского монастыря указывает на вероятность того,

что одного из переяславских князей в крещении звался Иваном. Начиная с 1054 г. Переяславлем владел Всеволод-Андрей Ярославич, а затем его сыновья Ростислав-Михаил и Владимир-Василий. В 1113–14 гг. на переяславском столе сидел сын Мономаха – Святослав, а после него – Ярополк. Строительство монастыря во время непродолжительного княжения Святослава представляется маловероятным. В то же время Ярополк, имел все возможности для строительства Иоанновского монастыря в течение своего 28-летнего переяславского княжения. Летописное сообщение о том, что по воле князя Ярополка в 1125 г. митрополит Никита поставил переяславским епископом Марка, игумена монастыря святого Иоанна, подтверждает тесные связи Ярополка Владимировича с этим монастырем. Предполагая, что в крещении Ярополка Владимировича звали Иваном я считаю возможным атрибутировать именно ему рассматриваемые печати с русской благожелательной надписью и изображением св. Иоанна Предтечи.

ГОЛУБИНСКИЙ, Е.Е. 1901. История русской церкви. 1. М.

КОВАЛЕНКО, В.П., А.А.МОЛЧАНОВ. 1993. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // РА: 4. М.

КУПРАНИС, А.А. 1994а. Печать Иоанна, митрополита России // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

КУПРАНИС, А.А. 1994б. Печать Иоанна, митрополита России // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: 127–130. СПб.

КУПРАНИС, А.А. 1995. Печати иерархов русской церкви XII в. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. 2. Христианство и древнерусская культура: 34–48. СПб. – Псков.

МАКАРОВ, Н.А., А.В.ЧЕРНЕЦОВ. 1988. Сфрагистические материалы из Белозера // Древности славян и Руси. М.

ЯНИН, В.Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. 1. М.

**Т. Е. Ершова, А. М. Лебедев, Е. В. Салмина, С. В. Степанов,
С. Е. Шуньгина, А. В. Яковлев, Е. А. Яковлева
(Псков)**

РАСКОПКИ 1995 г. в ПСКОВЕ

В 1995 г. Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр проводил охранные археологические исследования в черте Пскова на местах строительства и прокладки городских коммуникаций.

В Окольном городе продолжились работы на двух основных объектах. Нововознесенский раскоп находился на ул. Советской (сохранившей в общих чертах направление древней Великой улицы Пскова) в районе Романовой горки, рядом с Васильевским раскопом 1990 г. и в непосредственной близости от квартала, на протяжении ряда лет исследовавшегося экспедицией ИИМК РАН. Раскопки 1995 г. продолжали исследования 1994 г. под коммуникации к реконструируемой бане.

По материалам раскопок прошлых лет установлено, что освоение Романовой Горки под жилую застройку относится к кон. XV – XVI вв. Южнее ц. Новое Вознесение были открыты остатки монастырского кладбища XIV–XVIII вв. Начальные отложения культурного слоя у подошвы Романовой Горки относятся к XIII в., распространялся этот слой на незначительной площади и частично перекрывался напластованиями 1-ой пол. XV в., содержащими остатки деревянного строительства. Именно этим временем и следует датировать сложение первоначально посадской, а позднее – городской застройки в данном микрорайоне за пределами крепостной стены 1375 г.

В 1995 г. исследования велись на двух участках, примыкавших к раскопу прошлого года. Мощность средневековых культурных отложений на участке 1 – ок. 1 м при общей толщине слоя 2,5 м. Близ ц. Новое Вознесение на глуб. 0,2–0,73 м от совр. дневной поверхности была выявлена линия фундамента (ширина кладки 1,3, высота от подошвы до верхнего обреза – 1,9 м, фиксируемая длина – 23,5 м), сложенного из известняковых плит на известково-глиняном растворе. Внутри кладки выявлены две линии гнезд связей диаметром ок. 0,3 м. Наиболее вероятная дата функционирования постройки – 2-я пол. XVIII – XIX вв. Ее реконструируемые размеры 23,5 (Ю стена) x 11,5 м (З стена). Возможно, это остатки южной придельной церкви Нововознесенского монастыря, обозначенной на плане Пскова 1857 г. На плане 1740 г. изображение придела еще отсутствует.

На этом же участке было продолжено исследование слоя монастырского кладбища. Расчищено 10 трупоположений и большое количество костных остатков, принадлежащих разрушенным и переотложенным захоронениям. Погребения безынвентарные. Все костяки имели западную ориентацию, лицом вверх, руки скреще-

ны на груди. Фиксировались остатки гробов из досок, скрепленных коваными гвоздями.

На участке 2 слой сильно нарушен позднейшими перекопами. Толщина напластований (коричневый культурный слой со щепой) 0,5–1 м. Открытые деревянные конструкции принадлежат 3-му строительным периодам 2-й пол. XV – XVII вв. Все открытые постройки ориентированы не вдоль трассы Великой улицы, а относительно проулка, проходящего по подошве Романовой Горки (зафиксирован раскопками 1994 г.). Сооружения имеют производственное и хозяйственное назначение. Собрано большое количество железного шлака и криц. Возможно, на выбор места для размещения производственных комплексов повлияло размещение поблизости водоема, отделяющего эту территорию от крепостной стены 1375 г. При этом род занятий проживавших здесь (?) псковичей – обработка железа, остается неизменным на протяжении, по крайней мере, двух веков. Обращает на себя внимание небольшое количество индивидуальных находок, среди которых полностью отсутствуют украшения. Представлены обломки дуговых кирпичей, фрагменты кожаной обуви, среди которых имеются обувные подковки, обломки жернова и керамического сопла горна.

Благовещенский-II раскоп находился на углу ул. Некрасова и Воровского. Исследования здесь также носили охранный характер. Площадь раскопа 434 м², мощность культурных отложений вместе с балластом 1,5–1,2 м. Культурный слой сильно нарушен в результате разновременной хозяйственной деятельности, пик которой приходился на XVII – нач. XVIII вв.

На предматериковом уровне зафиксирован слой серой гумусированной супеси (до 0,35 м), содержащей фрагменты круговой тонкостенной керамики XII–XIII вв. Выявлено ок. 10 ям этого времени. Вероятно, слой синхронен селищу у дор. на Новгород, открытому в 1991 г. на Никольском раскопе (ок. 20 м к В).

Интерес представляют исследованные конструкции производственной печи. Ее нижняя часть заглублена в материк на 1 м. В яму была опущена квадратная в плане каркасно-столбовая конструкция (2,8x3 м), в центре находилась выложенная из крупных известняковых плит округлая в плане обжигательная камера (диам. 0,8 м). В стене камеры зафиксированы два горизонтальных канала, обмазанные известью. В центре внутреннего пространства камеры, обмазанной глиной, был сгоревший до уровня

пола столб (диам. 0,1 м). Пространство между стенами квадратного каркаса и кладкой камеры забутовано глиной. Найдены немногочисленные фрагменты керамики (в том числе – осколки керамических форм с мелким детально проработанным орнаментом), железный ухват (судя по размерам, такие ухваты применялись для перемещения тиглей), большое количество фрагментов литейных тиглей. Предварительно комплекс датируется кон. XVII – нач. XVIII вв. Представленный набор находок позволяет связывать его с производством поливной керамики.

На Запсковье раскопки велись на двух объектах. Раскоп Козмодемьянский-IX продолжал исследования 1988–93 гг. и был связан с прокладкой коммуникаций к дому 66 по ул. Герцена. На уровне 8–9 пластов слой датировался по керамике и вещевому материалу XVI–XVII вв. Слой 10–11 пластов относился к XIV–XV вв. В южной части раскопа были открыты остатки сруба и чостокол, идущий в направлении ЗВ. В срубе найдена бронзовая фибула с ромбовидными концами. В 11–12 пластах открыты три печки-каменки, сложенные из небольших валунов и известняка; по керамике и индивидуальным находкам они датированы XII в.

В центральной части раскопа в направлении ЗВ на уровне 12 пласта открыты остатки деревянного сооружения плохой сохранности, напоминающие настил, в центре которого находилось сооружение в виде круга из согнутой доски. Здесь же зафиксировано мощное пятно белого речного песка с незначительными включениями белой глины. Из этого слоя происходят бронзовый крестик с выемчатой эмалью, зеленая пастовая кольцевидная бусина, пряслице из розового шифера.

Среди находок на раскопе отметим также шиферные пряслица, ключи от нутряных замков, ножи, наконечник бронебойной стрелы, зеленую и желтую зонные пастовые бусины, около десятка днищ сосудов с клеймами. Особенно интересны пряслице с царापанными буквами и известняковая плитка с изображениями прямоугольников и буквенными знаками.

Раскоп Козмодемьянский-X (ок. 146 м²) был заложен по трассе водопровода на ул. Герцена. В верхнем слое XVII–XVIII вв. выявлены два горизонта угля. Верхний предположительно соотнесен с пожаром 1788 г. Интересна находка измерительной бронзовой чашечки с клеймами в виде геральдических розы и лилии. Горизонт пожара перекрывал сводчатую подвальную постройку,

сложенную из известняковых плит на глинистом растворе. В южной стене открыто световое окно. Здесь найдена керамика XVII в., сошка для огнестрельного оружия, наконечник дротика.

Керамика, найденная в культурном слое под вторым угольным горизонтом относится ко 2-й пол. XV – XVI вв. Это позволяет соотнести угольный горизонт с пожаром 1607 или 1609 гг. В подвальных ямах, перекрытых горизонтом пожара, найдены костяные орнаментированные цельноточеные и наборные рукояти, железные ножи, пила, лопата, бронзовый орнаментированный предмет (т. н. “нож для линования пергамента”), две монеты (московское и тверское пула), мисочка с клеймом на донце, птичка-сви-стулька, литейная форма для отливки грузиков и др. Одна из ям имела деревянную коробовую обшивку.

В слое XV в. зафиксирован еще один (третий) угольный горизонт. Он соотносится с пожаром 1458 или 1465 гг. Керамика из нижележащих отложений датируется 2-й пол. XI – 1-й пол. XV вв. Среди находок отметим ременный разделитель.

Западный участок раскопа был почти полностью занят казенными постройками. Две из них (№ 5 и 6), сложенные из известняковых плит на глинистом растворе, вошли в раскоп малой площадью и были сильно нарушены; по находкам керамики они датированы рубежом XVI–XVII вв. Здесь обнаружены также бердыш и ременный разделитель. Две сводчатые подвальные постройки XVII в. (№№2 и 4), сменившие (и соответственно, нарушавшие) более ранние, сложены из известняка на известково-глинистом растворе, ориентированы по оси С-СЗ–Ю-ЮВ и стоят почти вплотную друг к другу. Вход в постройку №2, устроенный с севера, имел сводчатое перекрытие. Пол в этой постройке плитняковый, в стенах выявлены свечные ниши. В постройке №4 найдены 23 фрагмента бело-голубых и полихромных изразцов. Пол в этой постройке представлен известняковой скалой и лежит на 0,5 м ниже, чем в постройке №2. Постройки 2 и 4, по всей видимости, представляют собой единый комплекс с постройками, выявленными в раскопах прошлых лет.

Единственная ранняя яма на западном участке раскопа, датированная по находкам керамики XIII–XIV вв., содержала остатки валунного основания печки-каменки. Здесь найдена также железная накладка с декоративным концом.

Продолжились архитектурно-археологические исследования ц. Петра и Павла с Буя расположенной на левом обрывистом берегу р. Псковы в пределах Среднего Города. Площадь раскопа составила 100 м² и включала в себя три участка, два из которых находились к С от притвора церкви, а третий – у С апсиды. В результате проведенных работ открыт участок крепостной стены, проходившей вдоль склона берега р. Псковы. Фундамент стены опущен в материковый суглинок на глубину до 1,7 м, максимальная высота открытых конструкций – 2,9 м. Крепостные сооружения возводились траншейным методом. Ширина пространства между храмом и фортификацией у СВ угла церкви – 1,1 м.

На основе предварительных данных сравнительного анализа связующих растворов выделено 4 этапа крепостного строительства. I этап – небольшой внутренний участок кладки, 1309 г.(?); II этап – стена 1375 г., в З части укрепляет стену 1309 г., в В части, у апсиды, составляет единый массив; III этап – приклад 1404 г., выявленный на участке к С от апсиды; IV этап – реконструкция крепостных сооружений, обкладка стены и Перопавловских ворот XVI–XVII вв. (прослежены притолока и нижний пятник).

Полученные раскопками данные позволяют представить оформление воротного проезда. Ширина его достигала 2,5 м. Заглубленные в материк стенки проезда, были обшиты досками, стоящими на ребре; по обеим сторонам они укреплялись столбами. В основании, с СЗ стороны, зафиксирован ряд валунов, также заглубленных в материк. Внутри проезда, на дне, лежали довольно мощные брусы, расположенные перпендикулярно стенкам. Каких-либо других следов замощения, кроме отдельных известняковых плит, единичных обломков бревен и досок, а также пятен плотного, утрамбованного слоя, насыщенного щебнем, здесь не выявлено. Индивидуальные находки и керамические материалы датируют слой XVI–XVIII вв.

В шурфе у С апсиды церкви расчищено 4 погребения (XV и XVII–XVIII вв.) – безынвентарные трупоположения с З ориентировкой; остатки гробовищ прослежены в 2-х случаях. Одно из погребений было перекрыто известняковыми плитами, связанными сырой глиной; в слое, перекрывающем плитяную вымостку, найдено более 200 измельченных фрагментов литейных тиглей.

На участке, примыкающем к паперти церкви, в материке выявлена траншея, почти повторявшая трассу воротного проезда. Она

была заполнена плотным мешаным слоем глины и щебня, фактически лишенным находок.

Проведена разведочная шурфовка в зонах прокладки коммунаций. 9 шурфов были заложены за пределами крепостных стен города. В двух из них средневековые культурные отложения обнаружены не были, в остальных под напластованиями XIX–XX вв. (0,9–1,2 м) исследован хорошо стратифицированный культурный слой мощн. от 0,4–0,6 м до 1,2–1,4 м. Он содержит остатки деревянных сооружений, щепу, сосновую кору и датируется XV–XVIII вв. В трех шурфах выявлено деревянное и щебневое замощение, которые, благодаря большому количеству обнаруженных в них фрагментов кожаной обуви, а также обувных и конских подков, можно интерпретировать как дорожное покрытие проходившей здесь средневековой улицы.

В шурфах в черте Окольного города близ ц. Покрова на Торгу на глуб. 0,8–1,2 м выявлены культурные отложения, содержавшие деревянные конструкции хорошей сохранности. В одном из шурфов зафиксирована уличное замощение, выполненное из бревен диам. до 0,3 м, уложенных на лаги. Выявленные в шурфах постройки ориентированы относительно трассы ул. К. Маркса, сохранившей в общих чертах направление древней Новгородской улицы Пскова). Для дендрохронологического определения удалось взять более 10 спилов с различных деревянных конструкций.

**А. А. Александров
(Псков)**

РАЗВЕДКА В ОКРЕСТНОСТЯХ Д. БУДНИК ПОД ПСКОВОМ

В низовьях р. Великая зафиксирован мощный пласт т. н. “ольгинской” топонимики, связываемой с происхождением княгини Ольги в местечке Выбуты (Лыбуты) под Псковом (Александров 1994:22–33). Заметная концентрация микропонимов и преданий зафиксирована, в частности, в окрестностях д. Будник на р. Череха в 9 км к ЮЮВ от Пскова. Будник отождествляют с летописным селом Будутиным, принадлежавшим Ольге. С кон. XVIII в. известно местное предание о рождении здесь внука Ольги, князя Владимира Святославича (Ильинский 1790; Болховитинов 1831; Толстой 1861; Богушевский 1879). Наиболее подробные сведения, записанные “от крестьян”, опубликованы в кон. XIX в.;

с того же времени известно о существовании близ деревни на берегу Череха камня, который, по устной традиции, лежит на месте рождения Владимира (Василёв 1896). В 1994 г. о преданиях, связанных со “святой деревней” Будником и о сохранившемся почитании камня, на котором местные жители усматривали очертания креста и углубление, напоминающее след человека (“след Божьей Матери”), писал псковский журналист О. В. Константинов.

В 1995 г. отряд Псковского музея-заповедника при участии ИИМК РАН обследовал окрестности д. Будник. Установлено, что камень находится на краю обрывистого правого берега р. Череха. Это – гранитный валун подпрямоугольных очертаний (1,27x1x0,7 м). Верхняя часть камня обожжена². Известные по рассказам местных жителей знаки не обнаружены, возможно – из-за того, что обожженная поверхность камня крошится. Осмотр береговой полосы (шир. до 50 м) показал, что на протяжении 1,5 км в сером гумусированном слое старой распашки встречены многочисленные железистые конкреции – т. н. “бобовница” (железная руда) и единичные железные шлаки. В западной оконечности этой полосы найдены единичные фрагменты сильно измельченной лепной и раннегончарной керамики кон. X в. Шурфовкой отчетливый культурный слой не выявлен. Материковый слой желтого суглинка насыщен включениями железистых конкреций.

АЛЕКСАНДРОВ, А.А. 1994. Ольгинская топоимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.

БОГУШЕВСКИЙ, Н.К. 1879. О селе Выбутах (Лыбутах), родине Святой Великой княгини Ольги Российской, Логазовской волости Псковского уезда. Псков.

БОЛХОВИТИНОВ, Е. 1831. История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова. Киев.

ВАСИЛЕВ, И.И. 1896. Псковская губерния. Историко-географический очерк. Псков.

ИЛЬИНСКИЙ, Н. 1790. Историческое описание г. Пскова. СПб.

ТОЛСТОЙ, М. 1861. Святыни и древности Пскова. Москва.

² Обычай разводить костры на культовых камнях фиксировался в Псковской области до недавнего времени.

В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий, Е. В. Скрынникова
(Санкт-Петербург, Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ (1930–1995 гг.)

Псковский Кремль – детинец средневекового Пскова. Археологические исследования здесь начались в 1930 г. и продолжались (с незначительными перерывами) до нач. 1990-х годов. С 1950-х гг. параллельно с исследованиями археологов активные работы здесь ведут реставраторы. В настоящее время Кремль – одна из самых археологически изученных и музеефицированных частей средневековой псковской крепости.

Кремль видно из любой точки Пскова: ныне существующий кафедральный собор Святой Троицы 1699 г. до сих пор остается самой высокой постройкой города. Но когда мы подходим к Кремлю с Ю, то первое, что бросается в глаза – это квадратная башня Святых ворот и примыкающие к ней крепостные стены. Святые ворота – главный въезд в Кремль. Башня и стены возведены по фундаментам XIII–XIV вв., открытым при археологических раскопках. В настоящее время этот въезд перекрыт. Войти в Кремль можно через ворота в В крепостной стене со стороны берега р. Пскова (по летописному “Радчину всходу”). Но основной современный въезд ведет с Ю, через т. н. “Довмонтов город”.

Довмонтов город – небольшая (1,5 га), трапециевидная в плане часть псковской крепости, примыкающая с Ю к детинцу Кремля. По письменным источникам и по изображениям на иконах известно, что в эпоху средневековья на территории Довмонтова города размещалось более полутора десятков каменных построек, главным образом – храмы. Реставрированные крепостные стены Довмонтова города, частично исследованные раскопками, впервые возведены в конце XIII в. Раскопки в Довмонтовом городе более 30 лет велись экспедицией Эрмитажа. За эти годы изучены остатки 10 каменных храмов XII–XVI вв., 5 гражданских построек XIII–XVII вв., остатки фортификаций XIII–XV вв., уличные мостовые, остатки городской застройки X–XIII вв., многочисленные погребения горожан на прицерковных кладбищах. Одним из интереснейших открытий стали 3 храма на В границе Довмонтова города, разрушенные и засыпанные землей в 1701 г., при сооружении артиллерийского бастиона. Насыпь сохранила стены XIV

в. на высоту более 4 м, а в центральном из храмов на стенах сохранилась фресковая живопись. В настоящее время территория Довмонтова города почти полностью исследована, над поверхностью земли выведены современными кладками фундаменты храмов и гражданских построек.

В северной части Довмонтова города, перед Ю стеной Кремля (Перси) находится ров (Гребля). Раскопками установлено, что в этом месте ров существует с XV в.; первоначальная Гребля, известная в летописях с XIV в., при перестройке Персей была перекрыта фундаментами стены. Перси, возведенные впервые в 1337 г., неоднократно перестраивались. Наиболее грандиозные по объему работы были проведены в 1420–1424 гг., В настоящее время мы видим не подлинную стену XV в., а результат реставрации XIX в. Тогда же круглая башня, стоявшая над Смердьими воротами Кремля у моста над рвом (остатки моста открыты раскопками) была перестроена в прибалтийском духе и приобрела дошедший до нас вид. В действительности Смердья башня была симметрична Часовой башне (так в XVII в. называли башню “на Радчине всходе”) стоявшей над Великими (Темными) воротами Кремля у второго моста над рвом; реставрация Часовой башни и воротного проезда, исследованных раскопками, завершены в 1995 г.

Великие ворота и Темный (Великий) захаб (восстановленный по результатам раскопок) ведут на площадь перед Троицким собором. В XIV–XV вв. к Ю от Троицкого собора находилась вечерняя площадь Пскова; сюда выходило крыльцо Сеней, на которых размещались органы управления Псковской республики – зал заседаний боярского совета, вечерняя канцелярия, городской архив. Вечерняя площадь просуществовала до 1510 г., до “падения” псковской независимости. Затем она перешла вначале в распоряжение администрации великого московского князя, а позднее стала соборной площадью города: кроме Троицкого собора, здесь был возведен Благовещенский собор, ц. Сорока мучеников, здание служб псковской епархии. В настоящее время все эти постройки не сохранились, и соборная площадь, свободная от застройки, напоминает древнюю вечернюю площадь.

В Ю части Псковского Кремля зафиксирован самый мощный культурный слой в Пскове – более 10 м. Раскопками исследован небольшой участок близ колокольни Троицкого собора: открыты остатки деревянного замощения вечерней площади и т. н. “Сте-

пень” – трибуна псковского веча: круглая каменная полуподкова, разомкнутая на 3. В настоящее время Степень находится ниже уровня булыжной мостовой; в будущем предполагается вывести ее современной кладкой над дневной поверхностью площади.

Северная часть Псковского Кремля в основном свободна от застройки; в центре находится так называемый “Дом причта”, а у В стены – каменная двухэтажная постройка с окнами-бойницами и подобием крыльца (т. н. “пороховой погреб”). Постройка, как и стоящая рядом с ней Средняя башня – результат неудачной работы реставраторов: в действительности, пороховой погреб XVII в. был одноэтажным и никогда не имела “ложно-крепостного” облика, а башня, поставленная в нач. XV в., была ниже и имела несколько иной облик.

Пространство С части Псковского Кремля – Псковское городище – место древнейшего поселения в пределах города. Первоначальное освоение площадки на вершине узкого скалистого мыса при впадении Псковы в Великую произошло уже в сер. I тыс. до Р. Х.: в основании культурного слоя обнаружены единичные фрагменты керамики асвенского типа. Позднее здесь существовало поселение, принадлежавшее носителям культуры каменных могильников (таранды), раннеславянское поселение. А в VIII–IX вв. площадку Псковского городища занимал крупный поселок (племенной центр?) носителей культуры Рыуге-Камно – автохтонов края, заселявших значительные пространства в юго-восточной Эстонии и смежных районах Псковщины. Вероятно, этот поселок уже носил название Пьсковъ (Piiskva), производное от прибалтийско-финского гидронима Пскова (Piiskava). В кон. IX в. на месте племенного центра автохтонов при активном участии варягов возникает раннесредневековый город. В XI–XII вв. Псковское городище становится детинцем древнерусского города Пскова. Первые каменные крепостные стены появляются уже в нач. XII в. – в годы новгородского княжения Мстислава Великого, старшего сына Владимира Мономаха. Вплоть до кон. XIII в. на территории детинца жили горожане. А на руб. XIII–XIV в. жили застройка здесь была ликвидирована, проведены большие планировочные работы и одновременно возведены т. н. “кромские клетки” – склады для хранения государственных хлебных запасов и добра “лучших мужей”. Остатки клеток – небольших построек, лишенных отопительных сооружений – обнаружены при раскопках.

Пространство С части Псковского Кремля окружено крепостными стенами, сохранившимися в руинированном виде вплоть до 1950-х гг. Их реставрация, как и реконструкция Кутнего костра – пример удачной работы архитекторов. По подлинным кладкам восстановлены также воротные проезды у Кутнего костра и в В стене: остатки их были открыты раскопками.

К крепостной стене Кремля изнутри примыкает земляная насыпь. Это – остатки артиллерийских бастионов 1701 г., насыпанных над обветшавшими крепостными стенами Кремля при укреплении псковской фортификации в годы Северной войны. Верхняя часть бастиона (“Красная батарея”) была частично срезана при т. н. “благоустройстве” в 1984 г.

Через С ворота Кремля открывается вид на устье Псковы. По обоим берегам Псковы стоят башни Нижних решеток, перекрывавших устье Псковы и делавших невозможным бесконтрольный проход в черту псковской крепости по воде со стороны р. Великой. Реставрация Нижних решеток проводилась в два приема: в 1950-е гг., вместе с восстановлением фортификации Кремля, была реставрирована Плоская башня на левом берегу Псковы, в 1970-е гг. возведена Высокая башня на правом берегу. Завершение реставрации Нижних решеток остается одной из задач музеефикации Псковского кремля.

III. КОНФЕРЕНЦИИ И ШКОЛЫ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

“КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ”

(САРАТОВ, 21–25 АВГУСТА 1995 Г.)

Конференция “Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы” была организована ИИМК РАН и Саратовским гос. университетом при финансовой поддержке РГНФ. В работе конференции участвовали археологи Санкт-Петербурга, Саратова и Энгельса, Москвы, Самары, Челябинска, Екатеринбурга, Воронежа, Донецка, Киева и Одессы. По материалам конференции опубликованы тезисы и часть докладов (с иллюстрациями): “Археологические изыскания”, вып. 25 (части I и II), издательство ИИМК.

Проблема, которой была посвящена конференция, обусловила широкий диапазон тематики докладов. В основном, она содержала определенные и фундаментальные аспекты по вопросам развития древних культур.

Общие вопросы, касающиеся явления конвергенции, отражены в докладах: 1. О развитии раннеземледельческих и степных обществ предгосударственного, неурбанистического типа в Восточной Европе и Евразии (В. Массон, Н. Малов); 2. Об очагах культурогенеза в Восточной Европе, причинах и механизмах возникновения, об эволюции и социальной деэволюции, о дивергенции – распад культурной общности на отдельные местные культуры, и стагнации (В. Бочкарев).

Остальные доклады были связаны с конкретными вопросами культурогенеза: анализ возникновения и развития различных культур и культурных групп, их взаимодействие; механизм смены культур; миграции; контакты и влияния (В. Горбов, Э. Шафутдинова, Ю. Рассамакин, В. Ковалева).

Ряд докладов был также посвящен конкретным материалам: локальные варианты и культурные группы; мозаика и унификация культур (И. Мовчан и Е. Цвек, В. Филиппченко, М. Рысин); хронология и периодизация конкретных культур и регионов (К. Кушнарева, А. Резепкин, Р. Литвиненко, Ю. Матвеев и А. Пря-

хин); формы хозяйства и ремесла (А. Шаманаев, Г. Поплевко, А. Усачук); культурно-типологический анализ определенных категорий изделий и материалов, представляющих все стороны сопоставляемых культур (В. Бочкарев, С. Братченко, О. Кузьмина).

Доклады вызвали оживленную дискуссию, протоколы которой, наряду с докладами, опубликованы во II-й части материалов конференции. Участники конференции посетили Археологическую лабораторию СГУ и музей г. Энгельса.

Э. С. Шарафутдинова

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ” (ПСКОВ, 20–24 НОЯБРЯ 1995 Г.)

Первая Всероссийская конференция “Церковная археология”, созданная ИИМК РАН, Псковским государственным объединенным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником, Псковским обществом Св. Ольги Российской при поддержке Администрации Псковской обл. проходила на базе Псковского Педагогического комплекса 20–24 ноября 1995 г. В ее работе участвовали представители ряда городов и регионов России (Москва, С.-Петербург, Екатеринбург, Киров, Петрозаводск, Псков, Сергиев Посад, Старая Ладога, Тамань, Тверь). Знаменательным стало участие в работе конференции ректора Ватиканского Института Христианской археологии монсеньора Патрика Сен-Рока.

Выбор города Пскова местом проведения Первой Всероссийской конференции “Церковная археология” связан не только с выдающейся ролью Пскова в истории России. Богатые традиции сохранения и изучения Святынь и Древностей Пскова, в том числе – музеефикация исследованных раскопками памятников Довмонта города Псковского Кремля и создание здесь уникального музея под открытым небом, ставят Псков в один ряд с важнейшими центрами мировой культуры, выдвигают город в число передовых центров изучения и сбережения культурного наследия.

Многие исследователи, представившие тезисы докладов, не смогли принять участие в работе конференции по финансовым соображениям. В соответствии с сокращенной программой на 2 пленарных заседаниях и в 4 секциях было заслушано и обсуждено более 60 докладов и сообщений. Центральным вопросом, вынесенным на пленарное обсуждение, стал вопрос о предмете и мето-

де Церковной археологии и ее традициях в России (протоиерей Олег Тэор, А. И. Голышев, *Псков*; В. М. Массон, С. А. Ершов, *СПб.*; диакон Александр Мусин, *Петрозаводск*; А. В. Чернецов, Л. А. Беляев, *Москва*), а также о соотношении Церковной археологии России с европейской Христианской археологией (Л. Г. Хрушкова, *Москва*; П. Сен-Рок, *Ватикан*).

Среди других вопросов, обсуждавшихся на пленарных заседаниях, отметим проблему распространения грамотности в дохристианской Руси (А. Н. Кирпичников, *СПб.*), правила оформления сфрагистических регалий высших иерархов русской церкви (А. А. Купранис, *СПб.*), место Троице-Сергиевой Лавры в истории и культуре Руси XIV в. (А. С. Скобельцина, *СПб.*), сравнение исторических судеб России и Израиля (К. М. Плоткин, *Псков*).

В работе Секции I **“Распространение христианства в Восточной Европе”** обсуждался широкий круг вопросов – от первоначального распространения христианства в Европе (П. А. Диатроптов, С. М. Крыкин, *Москва*; В. В. Лавров, *СПб.*; О. В. Богословский, *Тамань*; А. И. Романчук, *Екатеринбург*) до проблем крещения и христианизации северо-западных и северо-восточных областей древней Руси и сопредельных территорий (С. Л. Кузьмин, О. И. Богуславский, Е. Р. Михайлова, С. Г. Попов, В. И. Кильдюшевский, *СПб.*; В. И. Вишневский, *Сергиев Посад*; А. А. Александров, К. М. Плоткин, *Псков*).

Наиболее насыщенной была программа работы Секции II **“Христианство и древнерусская культура”**. Среди обсуждавшихся в этой секции вопросов отметим проблему почитания святых на Руси (Н. И. Милютенко, *СПб.*; А. С. Хорошев, *Москва*; В. В. Низов, *Киров*; С. А. Салмин, *Псков*), вопросы политической истории русской церкви (С. В. Белецкий, *СПб.*), истории монастырей и монастырской жизни на Руси (Т. И. Шаблова, *СПб.*; В. И. Охотникова, Т. В. Круглова, *Псков*), народные предания о храмах (А. А. Селин, *СПб.*), известия иностранцев о религиозности русских (Л. Я. Костючук, *Псков*), памятники прикладного искусства древней Руси (Ю. М. Лесман, В. Ю. Соболев, К. В. Федюшев, А. А. Пескова, *СПб.*) и широкий круг архитектурно-археологических проблем (А. М. Салимов, *Тверь*; И. В. Антипов, Е. В. Соленикова, С. В. Белецкий, *СПб.*; А. М. Лебедев, С. В. Степанов, С. Е. Шуньгина, Ю. Б. Бирюков, *Псков*).

В рамках Секции II был организован круглый стол **“Исследование и музеефикация памятников архитектуры и монументальной живописи Псковского Кремля”**, проходивший в помещении Приказной палаты XVII в., в которой в настоящее время развернута интерьерная экспозиция Псковского музея-заповедника. Был зачитан доклад В. Д. Белецкого (СПб.), подводящий итоги почти 40-летнего археологического изучения Псковского Кремля и Довмонтова города. Р. М. Беляева, А. Д. Бляхер и Е. С. Калмыкова (СПб.) познакомили участников конференции с ходом работ и уже полученными результатами реставрации фресковой живописи из раскопок храмов №№1 и 9 в Довмонтовом городе; эти работы на протяжении многих лет велись под руководством Е. Г. Шейниной, трагически погибшей в 1995 г. Н. М. Ткачева (Псков) выступила с кратким изложением результатов изучения икон с изображениями средневекового Пскова; автором доклада подготовлена к изданию монография об этих памятниках. Т. Е. Ершова (Псков) рассказала об археологическом исследовании ц. Св. Власия XIV в., находившейся у стен Довмонтова города, Концепцию Музея фрески в Пскове изложил И. И. Лагунин (Псков), а С. В. Белецкий (СПб.) провел для участников Круглого стола слайд-экскурсию по Псковскому Кремлю. Основная дискуссия между участниками Круглого стола развернулась вокруг проблемы экспонирования фресковой живописи, открытой при археологических раскопках Довмонтова города.

В Секции III **“Памятники Церковной археологии России”** обсуждались вопросы, связанные с историей и культурой России эпохи позднего средневековья и Нового времени: традиционная одежда, связанная с религиозными обрядами (И. Ю. Трушкова, Киров), памятники культовой архитектуры (П. Е. Сорокин, СПб.; С. П. Михайлов, Псков). К сожалению в конференции не смогли принять участие сотрудники Эрмитажа, доклады которых составляли основную часть программы работы этой секции.

На заседаниях Секции IV **“Церковная археология и традиции российской археологической науки”** прозвучали доклады, посвященные истории изучения и музеефикации церковно-археологических древностей (Н. Н. Жэрве, СПб.; А. В. Леров, Москва; А. Е. Королев, Псков). В рамках Секции IV был организован Круглый стол **“Возрождение традиций и перспективы**

российской археологии". В докладе Л. С. Клейна (СПб.), зачитанном Г. С. Лебедевым, и в выступлении В. М. Массона (СПб.) были изложены оценки современного состояния археологической науки в России, предложены пути выхода из кризиса. А. А. Александров (Псков) рассказал о подготовке XVI (Псковского) Археологического съезда, отмененного в связи с началом Первой Мировой войны. В докладе Г. С. Лебедева, Ю. М. Лесмана и С. В. Белецкого (СПб.) речь шла о необходимости возрождения традиции проведения Всероссийских Археологических съездов.

В резолюции, единогласно принятой участниками конференции на пленарном заседании 23. 11. 1995 г., подчеркивается, что к сер. 1990-х годов Церковная археология России восстанавливает свои права в качестве одного из оформившихся направлений отечественной археологической науки. В задачу Церковной археологии входит **изучение вещественных древностей в контексте Священного Предания источниковедческими методами общей археологии с целью более полного разрешения проблем истории Церкви и христианской культуры**. В области изучения и сохранения памятников отечественной истории и культуры церковная археология должна способствовать плодотворному диалогу светской культуры с Русской Православной Церковью, улучшению взаимопонимания в деле сохранения и использования церковных древностей. Практическим приложением к церковной археологии должна стать выработка научно обоснованных и канонически приемлемых рекомендаций по обращению с культурным наследием Русской Православной Церкви, создание совместных экспертных советов с участием деятелей науки и культуры и православного духовенства. Для своего дальнейшего развития Церковная археология требует регулярного созыва конференций, публикации тематических изданий и проведения специализированных выставок.

Восстановление Церковной археологии как самостоятельного и полноценного направления в отечественной археологической науке в значительной мере способствует восстановлению структуры российской дореволюционной археологии. Особую актуальность в этой связи приобретает прозвучавшая на конференции инициатива по возобновлению работы, направленной на восстановление системы Всероссийских Археологических Съездов (АС). Последний

из подготовленных в дореволюционной России XVI АС должен был состояться в Пскове в 1914 г.; XVII АС намечался на 1917 г. Конференция приветствовала готовность Администрации Псковской обл. принять необходимые меры для организации и проведения XVI (Псковского) АС.

В промежутки между заседаниями, для участников конференции были организованы осмотр фресок Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (XII в.), собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря (XIV в.), экспозиции Псковского музея-заповедника, а также поездки в д. Выбуты (место, связываемое с рождением Святой равноапостольной княгини Ольги Российской), в Изборск и Печорский монастырь. До начала конференции усилиями ИИМК РАН и Псковского общества Св. Ольги Российской были опубликованы тезисы и материалы представленные на конференцию; средства для этого издания предоставила Администрация Псковской области.

А. Е. Мусин, Л. Е. Грушина, С. В. Белецкий

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ “УЗБЕКИСТАН ВКЛАД В ЦИВИЛИЗАЦИЮ. БУХАРА И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА”.

ИИМК РАН сохранил связи с научными центрами Средней Азии. Большое внимание институт уделяет совместным исследованиям по проблемам древней и средневековой истории культурного наследия и городской культуры этого региона. Вот уже третий год (1993–95 гг.) проводится международный симпозиум, посвященный одному из древнейших городов Средней Азии, Бухаре. Он был организован в сотрудничестве с Академией наук Узбекистана при финансовой поддержке областного руководства.

III международный симпозиум “Узбекистан вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура”, проходил в г. Бухаре с 2 по 5 октября 1995 г. В работе симпозиума приняли участие ок. 40 ученых из Дании, Германии, Италии, Польши, России, Турции, Узбекистана, Франции, а также заместитель хякима области З. М. Абдуллоева, заведующая Отделом культуры области М. Ф. Фарманова и мэр Бухары Х. Д. Камолов. Симпозиум открыл приветственным словом хяким Бухарской обл. М. Р. Рахмонов. На пленарном заседании были заслушаны 4 доклада. В. М. Массон (СПб.) в сообщении “Узбекистан, Бухара. Всемирная история”

упомянул о формировании цивилизаций, объединивших первые города в новой социо-культурной системе, отметил, что с этого времени начинаются активные процессы культурной интеграции. По его мнению, в череде этих явлений и процессов Узбекистан и Бухара как выдающиеся городские центры Востока играли немалую роль. Эти процессы ярко проявились в V–VIII вв. н. э. в связи с феноменом согдийской цивилизации и сложением монархии Тимуридов. М. Кемпер (*Германия*) остановился на отношениях между учеными Бухары и Поволжья в XVIII–XIX вв. Доклад Б. Я. Ставиского (*Москва*) был посвящен роли А. Ю. Якубовского в археологическом изучении Бухарской обл. Интересным было и сообщение А. Мухаммаджанова (*Ташкент*) о Мухаммаде Наршахи и его сочинении “История Бухары”.

Значительное число представленных докладов были посвящены археологическим исследованиям. Среди них следует отметить доклад Е. Некрасовой (*Ташкент*) по исторической топографии Бухары в свете новых археологических данных и сообщение Д. Мирзоахмедова (*Самарканд*) и Г. Л. Семенова (*СПб.*) о новых результатах раскопок на городище и работе Пайкента. Доклады К. Шумчака (*Польша*) и З. Хужаназарова (*Самарканд*) были посвящены открытию новых неолитических памятников и наскальных изображений Саримышская в Бухарской области. Ю. А. Заднепровский (*СПб.*) остановился на взаимодействии кочевников и оседлого населения Бухарского оазиса в античный период. Э. Фил (*Дания*) свое сообщение посвятила коллекции Ольфсона, хранящейся в Копенгагенском музее, большую часть которой составляют бухарские предметы. Специальный доклад, посвященный караханидскому правителю Али-Тегину по нумизматическим данным, сделал Б. Коченев (*Ташкент*).

Были заслушаны ряд сообщений по архитектуре, истории искусства, литературе, историческим проблемам. Так, о влиянии суфизма в архитектуре мусульманского Востока рассказала Н. Немцева (*Ташкент*). Д. Абдуллоев (*СПб.*) проанализировал генезис среднеазиатских средневековых погребальных построек с крестообразной планировкой. М. Юсупова (*Ташкент*) остановилась на проблеме изобразительности в архитектурном декоре Средней Азии исламского времени. Общеисторическим вопросам были посвящены доклады Х. Бурган (*Турция*), У. Уватова (*Ташкент*), Ф. Касымова, В. Казакова, М. Казаковой (*Бухара*).

III международный симпозиум “Узбекистан вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура”, помимо научных разработок внес весомый вклад в дело популяризации культурного наследия. Работа симпозиума широко освещалась в средствах массовой информации и вызвала большой интерес среди местного населения.

Д. Абдуллоев

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРАСОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА – 95

ИИМК РАН проводит ежегодно Международные трасологические полевые школы с целью обучения методике микроанализа древних орудий труда студентов, аспирантов, преподавателей разных вузов России, СНГ и дальнего зарубежья, а также научных сотрудников археологических центров и музеев. Проведение таких школ оказалось возможным благодаря спонсорским поддержкам местных университетов, педагогических институтов, археологических центров и фондов, заинтересованных в подготовке молодых кадров трасологов, помогающих преодолеть материальные трудности в развитии современных методов исследования и способствующих распространению знаний среди молодежи.

Работа школ осуществляется на базе экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, созданной усилиями профессора С. А. Семенова, разработавшего и сам метод микроанализа орудий труда. В настоящее время его ученики заметно развили и дополнили методические разработки учителя. Ученые лаборатории стараются не замыкаться в кабинетных исследованиях. Они выступают пропагандистами экспериментально-трасологического метода, читают лекции и специальные курсы в СПб.ГУ и университетах Англии, Швеции, США, Польши. С 1989 г. была создана специальная полевая трасологическая школа, участники которой в течении месяца слушают лекции по методике микроанализа орудий труда, изучают следы сработанности под микроскопом, проводят эксперименты по воспроизводству древних трудовых процессов в целях получения признаков износа на опытных инструментах.

Исходя из концепции полицентрического развития инфраструктуры российской науки, ИИМК РАН проводит международные трасологические школы в разных регионах с целью приобщения студентов местных университетов и педагогических институ-

тов к изучению современной методики анализа археологических материалов. Одновременно изучаются коллекции памятников данного региона с предоставлением исследователям результатов функциональных определений выявленных орудий.

В течении нескольких сезонов трасологическая школа проводилась в Молдавии при поддержке АН Республики Молдова. Впоследствии школа развернула свою работу в Тюмени (1992) и под Самарой (1994). И здесь существенную помощь оказали местные университеты, музеи, управление культуры и научные центры. Возросший научно-педагогический авторитет международной трасологической школы вызвал резонанс в странах ближнего и дальнего зарубежья. Свидетельство этому – проведение в 1995 г. двух школ: одной – в Польше, в Университете им. Коперника в Торуня и второй – под Ижевском в Удмуртии.

1-я школа была осуществлена по приглашению Торунского университета в апреле 1995 г. В ней прошли обучение студенты-археологи всех курсов. Занятия проводились Г. Ф. Коробковой, В. Е. Щелинским, Л. Г. Чайкиной. В результате были прочтены 16 лекций по методике микроанализа, проведены практические занятия с микроскопом в целях изучения следов износа на орудиях и эксперименты. Лучшие студенты были приглашены в российскую трасологическую школу для закрепления полученных знаний и повышения методического уровня в области трасологии. В результате работы Петербургской трасологической школы был принят проект создания центра микроанализа в Торунском университете при поддержке нашей лаборатории.

2-я международная трасологическая школа (под Ижевском) была организована на средства исторического факультета Удмуртского университета и Гуманитарного фонда В. Шаталова. Она оказалась возможной благодаря тому, что в России складывается новая форма научного пространства, основанная на полицентризме, а не на бюрократической суперцентрализации. В августе в школе проходило обучение 39 человек, расширяющих свой кругозор и повышающих профессиональную квалификацию: представители Санкт-Петербурга, Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Кирова, Одессы, Оренбурга, Самары, Саранска, Саратова, Сыктывкара, Тюмени, Уфы, Читы, Марокко, Польши.

Район Удмуртии был выбран не случайно. Во-первых, школы организуются в регионах, чтобы охватить учащихся разных цент-

ров. Во-вторых, нельзя снимать со счетов возросшую роль Ижевска как научного центра. Здесь особенно велика роль кафедры археологии и древней истории Удмуртского государственного университета. Таким образом, трасологическая школа работала уже в условиях определенного интеллектуального потенциала. В-третьих, существенную помощь оказали спонсоры, создав благоприятные условия для работы школы. Г. Ф. Коробковой и В. Е. Щелинским прочтен курс лекций по трасологии и проанализированы каменные и костяные изделия из местных памятников эпохи неолита, бронзы, железа и средневековья. Практические занятия с микроскопом и проведение экспериментов проводились под руководством Л. Г. Чайкиной. Учащиеся работали с экспериментальными эталонами и археологическими оригиналами в целях выявления следов износа на них и определения конкретных функций и обрабатываемого материала. Результатом явился высокий уровень приобретенных знаний, проявившийся при сдаче экзамена. Из 15 полученных студентами орудий правильно определили функции, кинематику и обрабатываемый материал около 60% экзаменуемых. У остальных были незначительные ошибки при определении используемого материала или кинематики. Мы надеемся, что наши выпускники успешно продолжают традиции трасологической школы, вернувшись в свои университеты, институты и музеи, и будут способствовать развитию археологической науки на местах.

Г. Ф. Коробкова

ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ”

Выделение окуневской культуры – единственной из вновь открытых после работ С. А. Теплоухова и занявшей достойное место в созданной им периодизации – наиболее важное событие южно-сибирской археологии 60–70-х гг. XX в. Сенсационные открытия тех лет А. Н. Липского и Г. А. Максименкова в Минусинской котловине (Тас-Хаза, Камышта, Черновая VIII и др.), острые дискуссии по поводу их интерпретации, да и последующие находки на Алтае (Жаракол), казалось бы обеспечили окуневской проблематике долгую жизнь. Однако, это не так: постепенно интерес к ней значительно понизился, окуневская культура в свете новых, менее значительных открытий, потеряла ореол своей загадочнос-

ти, хотя большинство из поставленных тогда вопросов так и остались неразрешенными.

Проходившая на кафедре археологии СПб.ГУ 6–7 декабря 1995 года тематическая научная конференция “Проблемы изучения окуневской культуры” имела своей целью, в первую очередь, вернуть к ним внимание исследователей. На конференции с докладами выступили сотрудники различных учреждений, в числе которых – ИИМК РАН, ИА РАН, Гос. Эрмитаж, Гос. Исторический Музей, Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (“Кунсткамера”). Всего в заседаниях приняли участие около 40 человек, что, учитывая общие потери сибирской археологии в Санкт-Петербурге, достаточно представительно. Тематически доклады были сгруппированы в три блока: в первом рассматривались общие вопросы изучения окуневской культуры и материалы, указывающие на западные истоки ее происхождения; во втором – местные корни окуневского культурного комплекса и восточные линии связей; в третьем – памятники изобразительного искусства.

I блок. В докладе Д. Г. Савинова “Окуневская проблема в историографическом аспекте” подведены краткие итоги изучения окуневской культуры за весь предшествующий период, показаны основные направления исследований и сделан вывод о необходимости самого внимательного отношения к результатам уже проводившихся работ. В докладе М. Л. Подольского “Становление скотоводства на Саяно-Алтае и окуневская проблема (феноменологическая модель)” рассматриваются общие тенденции развития и взаимовлияния культур эпохи бронзы, выделен “археологический фон”, проявлением которого стала окуневская культура. Значительное внимание уделено материалам раскопок крепостей – “све” в Хакасии (доклад А. И. Готлиба), представляющих, по сути дела, новый вид источников, в том числе и по окуневской культуре. В докладе Е. Д. Паульса “Истоки культурного единства степей Евразии (прикосновение к проблеме)” подчеркивается значение иррациональных представлений, поэтапного сложения единой религиозной концепции эпохи бронзы в пределах крупных культурно-исторических ареалов. Катакомбно-окуневское время оценивается как период наибольшего развития (или пика) этого процесса. Идея западного происхождения окуневской культуры получила наиболее четкое выражение в докладе И. П. Лазаретова “К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры”, просле-

живаемых в основном по материалам погребального обряда, в том числе и вновь открытых памятников на р. Уйбат. В докладе приведена первая радиоуглеродная дата, полученная для окуневской культуры: 1800±25 гг. до н. э. Более частному, но имеющему непосредственное отношение к проблеме, вопросу посвящен доклад А. А. Ковалева и А. Д. Резепкина “Курильница из дольмена в урочище Клады и проблема происхождения курильниц афанасьевской культуры”, в котором истоки этой традиции, неожиданно проявившейся в Южной Сибири, локализуются в Предкавказье.

II блок. В докладе Вл. А. Семенова “Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительный анализ)” сопоставлены в хронологическом и культурно-генетическом аспектах памятники окуневской культуры (или окуневского типа) различных районов Саяно-Алтайского нагорья; высказано предположение о начале ее формирования в Восточно-Саянской области. Местным сибирским истокам окуневской культуры, прослеживаемым по керамике и некоторым произведениям изобразительного искусства, посвящен доклад Л. А. Соколовой “Проблема сложения окуневской культуры”. В докладе С. В. Хаврина “Окуневские бронзы” на основе спектрального анализа более 40 изделий делается вывод о том, что окуневцам было известно только два рецепта сплавов: металлургически “чистая” медь и оловянистая бронза (те и другие, по-видимому, местного происхождения). Большой интерес вызвали доклады антропологов. В одном из них – А. В. Громов “Антропологические особенности населения окуневской культуры” – говорится о существовании особого (окуневского) антропологического типа, весьма древнего и отличающегося морфологической разнородностью; в другом – А. Г. Козинцев, А. В. Громов, В. Г. Моисеев “Американоиды на Енисее? (антропологические параллели одной гипотезе)” – о близости (по краниоскопическим признакам) окуневцев с индейцами Южной (!) Америки и отличии их от населения Прибайкальского неолита.

III блок. В ярком докладе Д. А. Мачинского “Минусинские “трехглазые” изображения и их место в эзотерической традиции” предложена расшифровка многих изобразительных элементов окуневских изваяний, как и соответствующих композиций в целом, исходя из индо-тибетской мифологии и иконографии. Классификация окуневских личин и обоснование глубокой древности подобных изображений в искусстве Северной и Центральной Азии

представлены в докладе М. А. Дэвлет “Об изображениях окуневских антропоморфных личин”. С точки зрения семантики, многие из них (окуневского времени) находят соответствие в сакральной атрибуции тибето-монгольского пантеона. Новым находкам изображений подобного рода, одно из которых имеет четко выраженный “янусовидный” характер, посвящен доклад Н. А. Боковенко “Новые петроглифы личин окуневского типа в Центральной Азии”. В докладе С. В. Студзицкой “Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры” подчеркиваются сибирские истоки этого направления искусства. О длительном существовании окуневских традиций говорится в докладах Н. Ю. Кузьмина (“О вторичном использовании окуневских изваяний”) и М. Е. Килуновской (“Культурные предпосылки сложения скифского изобразительного канона в Туве”).

Несомненный интерес представляют и доклады, по тем или иным причинам не оглашенные на конференции, тезисы которых также опубликованы – Проблемы изучения окуневской культуры (тезисы докладов конференции). СПб., 1995.

В целом, по итогам всех докладов и в результате их обсуждения ясно, что проблема окуневской культуры (или окуневской культурной общности (?)) еще далека от своего разрешения, местные (“восточные”) и “западные” линии связей, исходя из приведенных в каждом конкретном случае материалов, представляются одинаково убедительными. Выводы, полученные при рассмотрении разных категорий источников (погребальный обряд, керамика, материальная культура, искусство) неоднозначны, а круг параллелей явлениям окуневской культуры, особенно в области изобразительного искусства, пользуясь названиями старых работ А. Н. Липского, можно образно определить как от “визитной карточки фараона” до “американоидов на Енисее”. Это требует самого тщательного анализа всех компонентов, составляющих окуневский культурный комплекс, и определения характера их взаимодействия. Особенно продуктивно сочетание различных областей знания в решении окуневской проблемы: археологии, антропологии, изучения древней металлургии, мифологии и искусства. Очевидно, по этому пути и должны идти будущие исследования.

Д. Г. Савинов

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. МАССОН	
<i>Предисловие</i>	5
1. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ИИМК РАН В 1995 г.	
З. А. АБРАМОВА, Г. В. ГРИГОРЬЕВА	
<i>Исследование Юдиновской стоянки</i>	7
В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ	
<i>Исследование верхнего палеолита Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа</i>	9
Г. В. СИНИЦЫНА, Ю. А. ЛАВРУШИН, Г. И. ЗАЙЦЕВА	
<i>Исследование многослойного памятника Подол III</i>	15
Г. Ф. КОРОБКОВА, В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ	
<i>Первые исследования петербургских трасологов в Швеции</i>	18
Н. Ф. СОЛОВЬЕВА	
<i>Илгылынская настенная живопись</i>	21
Вл. А. СЕМЕНОВ	
<i>Исследование ранних памятников скифской культуры в Туве</i>	25
М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, Вл. А. СЕМЕНОВ	
<i>Петроглифы Сарыг-Даша</i>	29
М. Н. ПШЕНИЦЫНА, Н. Н. НИКОЛАЕВ	
<i>Новые памятники скифского времени на юге Хакасии</i>	32
С. В. КРАСИЕНКО	
<i>Работы Сибирской экспедиции в 1987–93 гг.</i>	34
И. П. ЛАЗАРЕТОВ	
<i>Новые материалы из могильника Уйбат V</i>	40
Б. И. МАРШАК, В. И. РАСПОПОВА, В. Г. ШКОДА	
<i>Раскопки в Пенджикенте в 1995 г.</i>	42
В. А. ЛАПШИН, В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ, А. В. КУРБАТОВ, О. М. ОЛЕЙНИКОВ, Н. Е. ПЕРСОВ, Т. А. ЧУКОВА	
<i>Раскопки в Тверском Кремле</i>	44
С. В. БЕЛЕЦКИЙ	
<i>Новые сфрагистические находки из Торжка</i>	45
А. В. КУРБАТОВ, И. Н. ЧЕРНЫХ	
<i>Охранные исследования Загородского посада г. Твери</i>	49

А. И. САКСА, В. И. ТИМОФЕЕВ <i>Исследования на северо-западном побережье Ладожского озера</i>	52
А. С. ГОЛЕНЦОВ, К. А. ШОПОТОВ <i>Работы подводно-археологической экспедиции общества “Память Балтики” в Выборгском заливе в 1995 г.</i>	56
II. НОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
К. М. БАЙПАКОВ <i>Экспедиционные исследования Института археологии Национальной Академии наук Республики Казахстан в 1995 г.</i>	59
И. ЗЕЛЕКЕ <i>Открытие древнейших ашельских памятников в Южной Эфиопии (Консо-Гардула)</i>	61
Н. К. АНИСЮТКИН, У. И. ИСЛАМОВ, К. А. КРАХМАЛЬ, Б. САЙФУЛЛАЕВ, Н. О. ХУШВАКОВ <i>Раскопки стоянки Кульбулак в 1995 г.</i>	63
К. ШИМЧАК, Т. Ю. ГРЕЧКИНА <i>Польско-узбекистанская археологическая экспедиция. Первый сезон полевых работ.</i>	65
В. А. РАНОВ <i>Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в Средней Азии?</i>	69
Р. ШИЛЬД <i>Радиоуглеродная хронология раннего мезолита Польши.</i> ..	71
С. В. ГУСЕВ <i>Местонахождения петроглифов и кремневых орудий в устье р. Печора</i>	75
ЖАН СОГ ХО <i>Наскальные изображения Южной Кореи</i>	77
Е. Н. ЧЕРНЫХ <i>Исследования Каргалинского горнометаллургического центра (Южный Урал)</i>	78
Т. А. ЩЕРБАКОВА <i>Новые находки античной коропластики на Нижнем Днестре (по материалам поселения Чобручи).</i>	82

Е. Ф. ТАЩИ	
<i>Зооморфная пластика позднегальштатского горизонта на Нижнем Днестре</i>	83
С. В. ДЬЯЧКОВ	
<i>Археологические работы Херсонесской экспедиции Харьковского университета в 1994–1995 гг.</i>	84
Б. Г. ПЕТЕРС, Ек. Ю. ЛЕБЕДЕВА	
<i>Светильник из Саратовского городища</i>	88
С. О. СИМОНЕНКО	
<i>К вопросу о датировке позднесарматских могильников с ровиками в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье</i>	90
А. А. КУПРАНИС	
<i>Новые сфрагистические находки из Новгорода и Белоозера</i>	92
Т. Е. ЕРШОВА, А. М. ЛЕБЕДЕВ, Е. В. САЛМИНА, С. В. СТЕПАНОВ, С. Е. ШУНЬГИНА, А. В. ЯКОВЛЕВ, Е. А. ЯКОВЛЕВА	
<i>Раскопки 1995 г. в Пскове</i>	96
А. А. АЛЕКСАНДРОВ	
<i>Разведка в окрестностях д. Будник под Псковом</i>	102
В. Д. БЕЛЕЦКИЙ, С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Е. В. СКРЫННИКОВА	
<i>Исследования и музеефикация Псковского Кремля (1930–1995 гг.)</i>	104

III. КОНФЕРЕНЦИИ И ШКОЛЫ

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА	
<i>Международная конференция “Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита – бронзы Средней и Восточной Европы” (Саратов, 21–25 августа 1995 г.)</i>	108
А. Е. МУСИН, Л. Е. ГРУШИНА, С. В. БЕЛЕЦКИЙ	
<i>Первая Всероссийская конференция “Церковная археология” (Псков, 20–24 ноября 1995 г.)</i>	109
Д. АБДУЛЛОЕВ	
<i>III Международный симпозиум “Узбекистан вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура”</i>	113
Г. Ф. КОРОБКОВА	
<i>Международная трасологическая школа – 95</i>	115
Д. Г. САВИНОВ	
<i>Тематическая научная конференция “Проблемы изучения окуневской культуры”</i>	117

CONTENTS

V. MASSON	
<i>Preface</i>	5

I. EXPLORATIONS AND INVESTIGATIONS AT IHMC IN 1995

Z. ABRAMOVA, G. GRIGORIEVA	
<i>The study of Yudinovo site</i>	7
V. SHCHELINSKI	
<i>The Upper Palaeolithic investigations at Noth-Western Caucasus Black sea coast region</i>	9
G. SINITSYNA, YU. LAVRUSHIN, G. ZAITSEVA	
<i>The study of many-layer site Podol III</i>	15
G. KOROBKOVA, V. SHCHELINSKI	
<i>The first investigations of St.-Petersburg trasologists in Sweden</i>	18
N. SOLOVIEVA	
<i>Ilgynly-depe wall-paintings</i>	21
VL. SEMENOV	
<i>The study of Early Scythian culture monuments in Tuva</i>	25
KILUNOVSKAYA, VL. SEMENOV	
<i>The petroglifs of Saryg-Dash</i>	29
M. PSHENITSYNA, N. NICOLAEV	
<i>New monuments of Scythian epoch in Southen Khakasia</i>	32
S. KRASNIENKO	
<i>The Siberian expedition works in 1987-93</i>	34
I. LAZARETOV	
<i>New materials from barrow cemetry Uibat V</i>	40
B. MARSHAK, V. RASPOPOVA, V. SHKODA	
<i>The excavations at Pendjikent in 1995</i>	42
V. LAPSHIN, V. KILDUSHEVSKI, A. KURBATOV, O. OLEINIKOV, N. PERSOV, T. CHUKOVA	
<i>The excavations of Tver Kremlin</i>	43
S. BELETSKI	
<i>New seals from Torjok</i>	44
A. KURBATOV, I. CHERNYKH	
<i>The rescue excavations at Zagorodski posad of Tver</i>	48

A. SAKSA, V. TIMOFEEV	
<i>The investigations at North-Western Ladoga lake coast region</i>	52
A. GOLENTSOV, K. SHOPOTOV	
<i>The works of under-water expedition "The Baltic memory" at golf of Vyborg in 1995</i>	56

II. NEW EXPLORATIONS AND INVESTIGATIONS OF SOME OTHER RUSSIAN AND FOREIGN INSTITUTES

K. BAIPAKOV	
<i>The explorations of Institute of archaeology of Academy of Sciences of Kazakhstan</i>	59
I. ZELEKE	
<i>The discovery of the most ancient ashelian sites in South Ethiopia (Konso-Gardula)</i>	61
N. ANISYUTKIN, U. ISLAMOV, K. KRAKHMAL, B. SEIFULLAEV, N. KHUSVAKOV	
<i>The excavations at Kulbulak in 1995</i>	63
K. SZYMCZAK, T. GRECHKINA	
<i>Polish-Uzbek archaeological expedition. The first season of field works</i>	65
V. RANOV	
<i>Could be the geometrical microlites the evidence of migrations in Middle Asia?</i>	69
R. SCHILD	
<i>Radiochronology of early mesolithic in Poland</i>	71
S. GUSEV	
<i>The sites of petroglyphs and flint implements at Pechora river mouth</i>	75
JAN SOGH KHO	
<i>The petroglyphs of Southen Korea</i>	77
E. CHERNYKH	
<i>The investigations of Kargaly metallurgical centre (Southen Ural)</i>	78
T. SHCHERBAKOVA	
<i>New finds of classical coroplastic on the Lower Dnestr (by materials of Chobruchi site)</i>	82

E. TASHCHI	
<i>Zoomorphic figurines of Late Galshtadt epoch on the Lower Dnestr</i>	83
S. DIACHKOV	
<i>The archaeological survey of Chersonessos expedition of Kharkov university in 1994–1995</i>	84
B. PETERS, E. LEBEDEVA	
<i>The lamp from Saratovskoie site</i>	88
S. SIMONENKO	
<i>To the problem of the dating of Late sarmatian cemeteries with ditches on the territory between the Dnestr and Danube</i>	90
A. KUPRANIS	
<i>New seals from Novgorod and Beloozero</i>	92
T. ERSHOVA, A. LEBEDEV, E. SALMINA, S. STEPANOV, S. SHUNGINA, A. YAKOVLEV, E. YAKOVLEVA	
<i>The excavations at Pskov in 1995</i>	96
A. ALEKSANDROV	
<i>The survey in the village Budnik region near Pskov</i>	102
V. BELETSKI, C. BELETSKI, E. SKRYNNIKOVA	
<i>The investigations and museification of Pskov Kremlin (1930–1995)</i>	104

III. THE CONFERENCES AND SCHOLARSHIPS

E. SHARAFUTDINOVA	
<i>International conference “Convergence and divergence in the development of Chalcolithic – Bronze Age cultures in Middle and Eastern Europe” (Saratov, August 21–25, 1995)</i>	108
A. MUSIN, L. GRUSHINA, S. BELETSKI	
<i>The first National conference “Russian Cristian archaeology” (Pskov, November 20–24, 1995)</i>	109
D. ABDULLOEV	
<i>III International symposium “Uzbekistan, The contribution to civilisation. Buhara and world culture”</i>	113
G. KOROBKOVA	
<i>International scholarships of trasology in 1995</i>	115
D. SAVINOV	
<i>The conference “The problems of investigation of Okunevo culture”</i>	117

- Вып. 1.** Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991.
- Вып. 2.** Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб. 1992.
- Вып. 3.** Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991.
- Вып. 4.** Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992.
- Вып. 5.** Л. Я. Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992.
- Вып. 6.** В. Я. Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии. В печати.
- Вып. 7.** Г. Н. Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993.
- Вып. 8.** М. Д. Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993.
- Вып. 9.** К. Х. Кушнарева. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб. 1993.
- Вып. 10.** AD POLUS. Сборник статей памяти Л. П. Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993.
- Вып. 11.** Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. I–III. Материалы к конференции. СПб. 1993.
- Вып. 12.** Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993.
- Вып. 13.** Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994.
- Вып. 14.** Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5–7 апреля 1994 г. СПб. 1994.
- Вып. 15.** П. Ю. Кузьмин. Курганы у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э.). СПб. 1994.
- Вып. 16.** New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. СПб. 1994.

- Вып. 17.** М. Д. Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994.
- Вып. 18.** Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994.
- Вып. 19.** А. В. Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение). СПб. 1994.
- Вып. 20.** Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. 1995
- Вып. 21.** Изучение памятников морской археологии. Т. 2. СПб. 1995.
- Вып. 22.** Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия (материалы пленума ИИМК. 11–14 апреля 1995 года). СПб. 1995.
- Вып. 23.** М. Д. Хлобыстина. Погребальные ритуалы первобытных эпох. Археология, этнография, фольклор. СПб. 1995.
- Вып. 24.** Южная Сибирь в древности. СПб. 1995.
- Вып. 25.** Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть I. Материалы конференции 21–25 августа 1995 года. Саратов. Часть II. Материалы конференции и дискуссии 21–25 августа 1995 года. Саратов. СПб. 1995.
- Вып. 26.** Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков. 20–24 ноября 1995 г. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. Часть 2. Христианство и древнерусская культура. Часть 3. Памятники церковной археологии в России. СПб. 1995.
- Вып. 27.** Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН). Вып. 1. Материалы к археологической карте. СПб. 1995.
- Вып. 28.** Анисюткин Н. К., У. И. Исламов, К. А. Крахмаль, Б. Сайфуллаев, Н. О. Хушваков. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). СПб. 1995.
- Вып. 29.** З. А. Абрамова. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб. 1995.
- Вып. 30.** С. В. Белецкий. Начало Пскова. В печати.